

ЕВГЕНИЙ ЕЖУКОВ

ГЕРОИ
В ЗЕЛЕНЫХ
ФУРАЖКАХ

ПОГРАНИЧНАЯ СТРАЖА РОССИИ

ОТ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА ДО НИКОЛАЯ II

Annotation

История защиты охраны границ России насчитывает более 1000 лет. С момента появления Русского государства возникла необходимость защитить границы. Однако после Великой Октябрьской социалистической революции про эту историю практически забыли. Более 70 лет считалось, что советские погранвойска ведут свою историю с 28 мая 1918 года, когда Совет народных комиссаров принял декрет об учреждении пограничной стражи.

После распада СССР в обществе вновь возник интерес к дореволюционной истории охраны границы, тем не менее она и сейчас малоизвестна широкому кругу.

Новая книга ведущего специалиста по истории пограничной стражи Е.Л. Ежукова рассказывает о развитии системы охраны и обороны государственной границы начиная с князя Владимира и заканчивая Отдельным корпусом пограничной стражи Российской империи. Герои этой книги – реальные исторические персонажи – Владимир Святой и Александр Невский, Дмитрий Донской и Иван III, Петр и Николай II, а также дружинники, стрельцы, рядовые и офицеры пограничной стражи России.

Евгений Ежуков

Пограничная стража России от Святого Владимира до Николая II

От автора

Название книги «Пограничная стража России от святого Владимира до Николая II» говорит само за себя. Она о людях, которые стояли у истоков государства, укрепляли его, расширяли территорию границы, вносили весомый вклад в обеспечение безопасности. Публикуя эти очерки, мне хочется познакомить читателя одной, пока еще малоисследованной страницей отечественной истории – истории защиты и охраны границ России, показать роль отдельных людей, прежде всего руководителей государства, их созидательную миссию на просторах Евразийского континента от строительства нашего Отечества. Сегодня эта проблема является актуальной задачей. Молодые люди, вступившие в жизнь, не всегда осознают, что такое Великое государство, в котором они живут, возникло не само по себе, случайно, силою обстоятельств, а это стоило им огромного труда, мужества и подвига миллионов людей, которые жили и трудились, сражались и умирали ради процветания России. Им чести слава и память в веках.

Это были православные русские люди, уверенные в мистическом предназначении России – быть хранительницей православия, нести людям свет веры Христовой, укреплять у них идеалы добра, милосердия, сострадания... Ведь совсем не случайно многие народы вошли в состав России добровольно, чтобы жить спокойно, под надежной защитой. Это неправда, что Россия только силой оружия присоединяла народы, – она воевала с их соседями, которые их жестоко угнетали, огнем и мечом подчиняя и удерживая в своей власти. Под могучим покровительством России эти народы окрепли, увеличились численно и смогли создать свою государственность. Кем бы они были теперь, если бы развивались вне России? Та же Грузия, которая вымирала под натиском завоевателей, Латвия и Эстония, которые никогда не имели своей государственности, Молдавия, которая сегодня, вне России, с трудом пытается сохранить свою независимость под напором Румынии? Состоялась ли вообще как государство Украина, земля которой так юбилейно полита кровью русских солдат? Что было бы с ними (да и с другими европейскими государствами), не остановилась ли Россия на пути к мировому господству таких жестоких завоевателей, как Наполеон и Гитлер?

Сегодня, «освободившись» от России, они устремились на Запад – там, как им кажется, свободнее, однако спросим: стали ли они более независимыми? Отнюдь нет. Их суверенитет существует лишь на бумаге. Безработица заставляет молодежь этих стран покидать Родину и уходить в поисках счастья на чужбину. Стали ли свободнее? В каком-то смысле да – ведь теперь они могут заключать однополые браки, принимать такие однополые «семьи» детей, вести чужие и не с пеленок их половое воспитание, легально сводить счеты с жизнью, тобишь совершать эвтаназию, сокрушать памятники своим освободителям... Ничего не скажешь – свободы прибавилось... Только нужна ли она, такая свобода?

Говорят, у Истории нет законов, что она развивается стихийно, под воздействием различных обстоятельств и случайностей. Смею не согласиться с такими утверждениями. У истории есть Законы. И один из них – Закон ответственности свои деяния. В ней за добро – добро, и кровь за кровь, и вечная надежда на любовь...

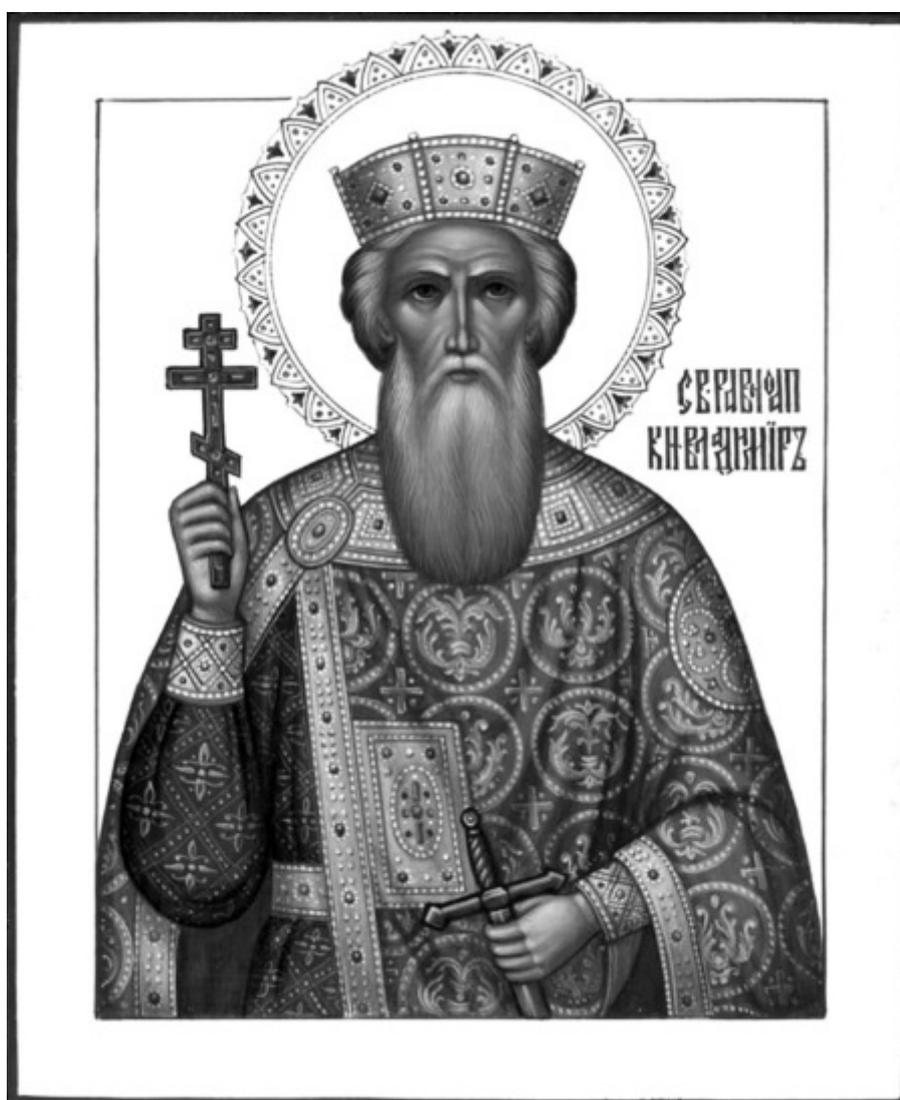
Россия не ждет ни от кого ни почестей, ни благодарности, но хочет, чтобы ее оставили в покое. Она никогда не была и не будет врагом своих соседей и не собирается никого ни покорять, ни присоединять. Ей этого не нужно. У нее есть все – все, что надо для жизни. Поэтому она не зарится на чужие богатства. Но себя и своих она будет защищать везде, чего бы это ей ни стоило.

Россия по-прежнему в поиске. Мучается и страдает за свой путь. У нее мало друзей, но много врагов. Теперь они даже и не скрывают этого. Объединились, ополчились, хором галдят у границ. Россия сжимается, как стальная пружина. Она сосредоточивается, разбирается, удивленно смотрит на окружающий мир. Откуда такая ненависть? Чем она провинилась перед таким благополучным «мировым сообществом»? У нее нет иного пути, кроме объединения, сплочения и горячей молитвы к Отцу нашему небесному. Но скоро, совсем скоро, она окончательно выберет свой путь и устремится через тернии к победе. Как на Олимпиаде в Сочи. Напряглась и вышла на первое место. Все ахнули и замолчали. Так будет и впредь, потому что нами Бог. Только бы мы не оставили Его.

«И воевал с ними, и побеждал их»

Князь Владимир и охрана рубежей Древнерусского государства

Молодой и тщеславный князь Владимир всегда готов был взяться за меч и пустить его в дело. Трубные звуки боевых рожков и яростные крики битвы радовали его куда больше, чем пение серебряных струнгуслей и нежные мелодии сладкоголосых свирелей. Мечом прокладывал он дорогу к власти, славе, раздвигал пределы страны добывая себе... жен. Ему казалось, что так будет всегда, пока не исполнятся все его желания. И не знал, что судьба уготовила ему совсем иную долю.

Святой равноапостольный князь Владимир

С самого детства сколько помнил себя – он чувствовал свою ущербность. Взрослые насмеялись над ним, говоря, что сын ключницы Малуши не может быть князем. «Изгой в Отечестве моем – вот доля

твоя», – говорили они ему, когда он подрост. Даже отца его Святослав которого он боялся и не любил, мало обращал на него внимания и отправил княжить в Новгород лишь по просьбе самих жителей. Новгородцы платили Киеву дань на содержание дружины и «общегосударственные нужды» по 12 гривен с человека и очень тяготились этим. Малолетний князь, обиженный на отца и братьев, мог стать защитником в борьбе с зависимостью от киевлян. Одно утешение у Владимира – его воевода Добрыня Никитич, родной дядя, который был ему вместо отца которого он взял с собой в Новгород. Сколько времени они провели вместе какие планы строили, уединяясь от всех, знали лишь они двое. Остальным из их окружения «сие не ведомо было». Добрыня без устали учил его владеть мечом, нападать и защищаться, приучал к трудностям походной жизни. И если случалось, что молодой князь проявлял леность и непослушание, Добрыня мягко, но твердо уговаривал его принимать свое дело. И они снова и снова звенели мечами, бились на копьях, скакали по скользким лесным дорогам на взмыленных лошадях.

И еще Владимиру нравились языческие пляски. Когда на лесной поляне ночная мгла разрывалась огнями костров и под глухие удары бубнов волосатые и оборванные волхвы начинали медленное движение, в его душе появлялось сладкое томление, и она замирала, как перед отчаянным прыжком на коне через «волчью яму». Потом троица девицы, взявшись за руки, кружились во все убыстряющемся хороводе, и он не выдерживал, врывался в их круг. В его глазах сверкали отблески ночных костров, и он то жескакал, прыгал, кричал, захваченный единым порывом и ритмом. Потом все стихало. Волхвы, бормоча заклинания, приносили в жертву своему идолу живую плоть, и толпа взрывалась новыми криками и плясками. Оргия продолжалась всю ночь, и лишь к утру, когда небо на востоке начинало светлеть, уставшие язычники расходились по домам. Владимир возвращался вместе с неразлучным Добрыней и засыпал мертвецким сном.

Суровы законы язычества. Когда князь живший в Киеве Ярополк убил своего брата Олега, Владимир, как старший из братьев, должен был отомстить за него. По законам кровной мести только смерть Ярополка могла быть искуплением за убийство. Брат становился его заклятым врагом. Владимир знал, что Ярополк и его уничтожить, не имея сил для борьбы, вместе с Добрыней уходит к варягам. Три долгих года он живет в их среде, заводит друзей, набирает дружину. Ему нравятся жестокие и храбрые варяги, их дикая и разбойничья удалость. У них он многому научился, огрубел сердцем и возвратился в Новгород отважным закаленным воином с крепкой дружиной отборных викингов. Усилив ее новгородцами, он двинулся на брата. Но ему пришлось изменить свои планы. Узнав, что Ярополк решил жениться на полоцкой красавице Рогнеде, он решил отбить за него невесту.

Однако его ждало разочарование. Послы привезли ему убийственный ответ красавицы: «Не хочу идти за сына рабыни, а хочу за Ярополка!» Ах, как вскипела кровь молодого князя, какой горячей волной прилила к его побледневшему лицу! Какая страшная обида! Он не мог этого простить. Такую обиду можно было смыть только кровью!

Собрав своих варягов, новгородцев, чудь и кривичей, он идет к Полоцку, где княжит отец красавицы. У стен города произошла жестокая сеча. Половчане были разбиты, и Владимир взял город. И здесь он дал волю своей обиде: на глазах Рогнеды убил ее отца и двух братьев, а ее насильно взял в жены. Оставалась еще одна месть – брату.

Ярополк не был готов к войне и покинул Киев. На стороне Владимира оказался его воевода – Блуд. Он уговорил Ярополка бежать в город Родню, поближе к печенегам. Варяги Владимира осадили город, и там начался голод. Ярополк вынужден был явиться на поклон к брату. «Что дашь мне, тои возьму», – хотел сказать он ему при встрече.

Но едва Ярополк ступил на порог дома брата своего, два варяга пронзили его копьями. Дружинники князя были так же избиты, и лишь одному воину по имени Варяжко удалось бежать в степь. Много лет

подряд водил он печенежские орды на Русь, мстя за смерть своего князя, и Владимиру с большим трудом удалось переманить его на свою сторону.

Став Великим князем, Владимир не изменил своим привычкам. Он оставался воинственным и отважным по-прежнему добивался своих целей мечом и копьем. Он нанес поражение соседним полякам, отвоевал у них города Перемышль, Червень и земли Червонной Руси и присоединил их к Русской земле. Затем он заставил платить дань вятичей и радимичей, совершил очень удачный поход против ятвягов, живших к северу от древлян, распространил пределы своей державы от Балтийского моря на севере до реки Буг на юге. Успешными были и его походы против печенегов.

Оставаясь язычником, Владимир имел пять жен и несколько сотен наложниц. Случилось же, что Рогнеда, насильно взятая им в жены, очень полюбила князя.

Ее мучила ревность, поскольку он охладил к ней. И она задумала отомстить. Однажды, когда Владимир после охоты валялся отдохнуть уснул, она решила заколоть его. Когда уже нож был занесен над его грудью, Владимир проснулся и успел схватить ее за руку. «Что ты делаешь?» – закричал он. Рогнеда, дрожа всем телом и заикаясь, сказала: «Уж мне горько стало оттого, что ты бил и землю его полонил для меня, а теперь любишь меня и младенца моего». Владимир ничего не ответил, но решил убить ее, велел одеться в свадебный наряд, сестры постелили и подождать его. Рогнеда догадалась о намерении мужа и нашла необычный выход из своего положения: дала меч в руки своему пятилетнему сыну Изяславу и научила его, как поступить. Когда князь с мечом в руке вошел в спальню, его встретил маленький Изяслав и сказал:

«Отец, или ты думаешь, что ты здесь один ходишь?» «А кто тебя здесь чаюл?» – воскликнул Владимир, и меч выпал из его рук.

Как язычник Владимир продолжал поклоняться языческим идолам. Он установил в Киеве огромную статую главного языческого бога Перуна с серебряной головой и золотыми усами, а рядом с ним Хорса, Дажьбога, Стрибога и Мокша. Идол Перун был так же поставлен в Новгороде. Эти идолам приносились жертвы нередко это были дети, девушки, парни. Так было и в 983 году.

Возвратившись с удачного похода на ятвягов, он пожелал особо почтить своих богов. Старцы бояре подсказали: «Кинем жребий на отрокови девиц; на кого падет, того принесем в жертву богам». Жребий пал на молодого варяга по имени Иоанн. Иоанн и отец его Федор были христиане. Бояре послали народ к Федору, чтобы он выдал сына в жертву. Но Федор сказал им: «У вас не боги, а дерево; ныне есть, а завтра сгниют, не едят, не пьют, не говорят, их сделали люди. Бог один. Он сотворил небо, и звезды, и месяц. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына в жертву бесам». Владимир издали наблюдал, как разъяренная толпа сломала забор, а затем разрушила дом, растерзала отца сына. Смиренная стойкость христиана так потрясла его, что он отменил жертвоприношение. Запершись у себя в тереме, он долго размышлял: откуда у этих людей такая вера и такая стойкость? И чем больше думал над этим, тем все больше приходил к заключению, что варяг говорил правду.

Конечно, трудно было ожидать, чтобы такое жестокое сердце сразу оттаяло и восприняло учение Христа о любви и милосердии, но начало было положено: Владимир все более охладевал к язычеству. Его сомнения в истинности той веры скоро стали известны всем. В тереме у него стали появляться какские болгары, исповедовавшие ислам, иудеи из Хазарии, немцы, принявшие католичество, и, наконец, православные греки. Все хвалили свою веру и уговаривали могучего русского князя перейти вместе со своим народом в их закон. Князь выслушал всех, но больше всего ему понравился рассказ православного грека, который в заключение сказал так: «Господь поставил один день, в который он придет с небес, и будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по его делам: праведным Царство Небесное и красоту неизреченную, радость без конца и бессмертие во веки, грешникам же вечные муки».

Владимир задумался. Он велел созвать свою дружину и старейших жителей Киева и сказал им:

«Приходили ко мне болгары и предлагали принять свой закон; за ними были с тем же немцы; после приходили иудеи... После всех пришли греки, разобрали все чужие законы, а свои хваляти так чудно и хорошо говорят. Повествуют о твоей другой свет, если, говорят, что примет нашу веру, то хоть бы и умер – опять встанет не умрет вовеки. Что же на все это мне ответить?»

«Ты сам знаешь, князь, – сказали бояре и старцы, – никто своего не хулит, а всегда хвалит. Если хочешь испытать по-настоящему, то у тебя довольно мужей, пошли их и вели рассмотреть как служат там своему Богу».

Речь эта понравилась князю, и он так поступил. Больше всех киевским мужам полюбилась христианская вера, которую они увидели в Царьграде. Они с восхищением рассказали о церквях и храмах, их убранстве обо всем увиденном. Владимир еще раз созвал бояр посоветоваться. Они сказали: «Если бы вера греческая не была лучше всех, не приняла бы ее мудрая Ольга».

Тогда Владимир решил креститься, но не хотел просить об этом византийцев, боясь унижить себя, а желал заключить союз на равных. Он осадил город Корсунь, подвластный византийскому императору, и принудил его к сдаче, а в Константинополе написал письмо: «Если вы не отдадите мне вашей сестры, то с Царьградом будет тоже, что с Корсунем».

В Византии в это время правили два императора: Василий и Константин. Они ответили: «Нельзя христианку выдать за язычника, но если крестишься, то получишь и сестру нашу и вместе Царство Небесное». Владимир согласился, говоря, что его вера и прежде ему нравилась. Сестра императора Анна очень печалилась. «Иду точно в полон, – говорила она. – Лучше бы мне здесь умереть».

Пришлось ей ехать в Корсунь, где ее ожидал «страшный варвар» Владимир. С ней приехали священники. В тот же день они крестили Владимира и сразу же обвенчали его с Анной. Видя это, окрестилась вся дружина Владимира. После этого 1 августа 988 года было совершено и всенародное крещение Руси.

Принятие христианской веры совершенно изменило Владимира. Став христианином, он словно родился заново. Это был уже другой человек. Навсегда исчезли его жестокость, мстительность, непримиримость. Теперь он только помышлял о Боге, о добрых делах, о спасении души. Это проявилось и в военной сфере, в охране границ. На вооружение им была принята оборонительная тактика.

В то время особенно досаждали русичам кочевавшие в причерноморских степях печенеги. Они совершали беспрестанные набеги на селения, подстерегали в оврагах и лесах купцов, путников. Грабили, убивали, уводили в плен. Иногда дерзкие племена, объединившись, нападали на селения и даже на стольный град Киев, находившийся, кстати говоря, на расстоянии всего одного суточного перехода от ближайших кочевий степняков.

У Владимира Святославича дружина невелика – 700–800 человек, да почти всегда занята войной. Границы же Руси протянулись на семь тысяч километров. И мудро было немногочисленной рать князя пресекать набеги, коль они случались одновременно на севере и юге, востоке и западе. Князя очень удручала, беспокоила незащищенность рубежей. И было решено на военном совете закрыть границу крепостями, рвами, частоколами земляными валами. Как записано в древней летописи, князь сказал своим воинам: «Се не добро есть, что мало городов около Киева» – и «начал ставит города по Десне и Острого Трубежу и по Суле...».

Работа развернулась масштабная. Пришлось воинам, не снимая мечей, рубить остроги, башни, заборы, копать землю и возводить выры.

Скоро на правобережье Днепра с юга от Киева, по реке Стугневыросли триновые крепости:Треполь, Тумаш и Василев. Они соединились между собой мощными земляными валами и рвами, закрыв печенегам путь к столице. Ближе к Киеву, на реке Ирпени, возвели крупный военный город – Белгород, где сосредоточивались главные силы киевлян при нападении кочевников.

Не забыл князь Владимир и Левобережье. Здесь по Осетру, Десне, Трубежу и Суле возводились четыре оборонительные линии. Передовым рубежом против степных разбойников стала Сула. При впадении реки в Днепр построили крепость-гавань символическим названием Воишь, а дальше, через 15–20 километров друг от друга, выстроили цепь небольших крепостей, соединенных земляными укреплениями. Севернее, на реке Трубеж, на ее главном броде, возник город Переяславль, закрывавший дороги на Киев и Чернигов.

Интересна история возникновения города. В 992 году печенеги двинулись на Киев со стороны Суды. Владимир с дружиной выступил навстречу врагу. Рати встретились на Трубеже, не решаясь пересечь водный рубеж. Наконец печенеги предложили решить дело поединком богатырей. Владимир согласился и выставил на бой русского кожемяку Яна Усмошвеца. Рати встали друг против друга стеной и наблюдали за единоборством богатырей. Русский воин сдал печенежского великана своими могучими руками и, задушив его, ударил о землю. В полках раздался крик, печенеги дрогнули и побежали. Обрадованный Владимир заложил на месте поединка город и назвал его Переяславлем в честь того, что русский богатырь перенял славу у печенежского.

Система порубежной обороны, сердцевиной которой были крепости, включала и естественные препятствия: броды, крутые берега, овраги, лесные засеки. В равнинных местностях устанавливались сигнальные башни или шесть со смоляными факелами. В случае опасности порубежные стражи их поджигали, и огонь на мачте извещал жителей о набеге. Обыватели спешили укрыться за стенами крепостей. В Витчеве, на высокой горе, тожестояла сигнальная башня; когда на ней загорался костер, то он был виден в Киеве. И тогда дружина княжеская спешно седлала коней и мчалась навстречу врагам.

Владимир понимал, что порубежный заслон будет прочен тогда, когда в крепостях станут лужить искушенные в военном деле воины. И тогда он, по мере роста крепостей, стал формировать гарнизоны. Как написано в летописи, князь «под свои знамена собрал мужей лучших от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил город, ибо шла война от печенегов. И воевал с ними, и побеждал их».

Это была мудрая военно-политическая акция. «Лучшие мужи» северных земель, расселяясь на юге, несли военно-оборонительную пограничную службу, передавали соплеменникам опыт вооруженной борьбы. Огражденное от агрессии государство обретало покой, стабильность, приумножало свое богатство. Хроники древних лет не донесли до нас имен и подвигов тех, кто первыми встречал непрошенных гостей, кто на смерть рубился с ними и лег костью в землю «от чичи дедич».

Сохранился рассказ немецкого епископа Бруна, который был послан проповедовать христианство среди печенегов в 1000 году. Миссионер не только описал обычаи и нравы князя Владимира и его беспокойных соседей – печенегов, но и подивился искусной системе защиты границ.

«...Князь русов Владимир, хозяин обширной страны больших богатств, держал меня на месяце, пытался говорить о моем намерении и хлопотал обо мне, как будто из тех, кто добровольно бросается на гибель... Он в течение двух дней провожал меня со своим войском до самой крайней границы своего государства, которую он окружил чрезвычайно крепким и сильным частоколом. Там он спешил; я и мои товарищи шли впереди, а он со знатнейшими своими воинами следовал за нами...»

Долгое время исправно служила Русской земле пограничная система князя Владимира. «В лето 1004 шли печенеги на Белгород. Владимир же послал на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца со

многими силами. Печенеги только услышали – сразу побежали в поле», – записал древний летописец.

В последние годы жизни Владимира печенеги уже не нападали на Русскую землю, но его огорчали дети, княжившие в разных городах. В 1014 году сын Ярослав, «сидевший» в Новгороде, отказался платить дань. Владимир начал готовиться к войне с сыном. «Исправляй те дороги и мости тысты», – сказал он. Но судьбе неугодно было, чтобы этот поход совершился: 15 июля 1015 года князя не стало.

Никогда не было на Руси такого искреннего горя. Народ понимал, что великий князь Владимир – Красное Солнышко – был не только защитником рубежей Русской земли, но и ее духовным отцом. ведь он вдохнул в нее христианскую душу.

«Любитедруг друга»

Князь Ярослав Мудрый и охрана рубежей Древнерусского государства

ЯРОСЛАВ готовился к войне. Нет, он не шел с дружиной на кочевников-печенегов, разорявших Русь, не отбивался от наседавших варягов и не собирался утихомиривать вечно бунтующих вятичей. Не жажда мести или славы толкала его на военную тропу. В его военных приготовлениях было нечто большее... Он собирался выступить против своего отца — Владимира Красное Солнышко.

Ярослав Мудрый

Уже много лет новгородцы пытались освободиться от дани в пользу Киева. Этому не удавалось пока

еще ни разу. И вот теперь цель, кажется близка. Великий князь Владимир стареет, немного отходит от дел и готовится передать киевский стол сыну Борису – старшему из детей Анны, византийской принцессы. Стол же по праву принадлежит Ярославу. Он самый старший в семье князя Владимира. Святополк не в счет. Он сын Ярополка, и ему не удержаться в Киеве. Пока же Ярослав отказывается платить дань, и новгородцы поддерживают его. Ответ великого князя Владимира известен: «Исправляйте дороги, мостите мосты, готовьтесь к походу на Новгород». Война приближалась к Новгородской земле, и надо было готовиться к ней.

Ярослав тяжело переживал разрыв с отцом. От матери Рогнеды он унаследовал крутой нрав и независимость характера, и все же ему больно было сознавать, что его ждет сражение с дружиной родителя. Две тысячи гривен, которые платили новгородцы киевлянам в виде дани, конечно, деньги немалые, но все же начинать из-за них войну вряд ли стоило. Труднее было забыть обиды, которые он вытерпел от отца, когда тот был язычником. Все шло к тому, что войны не избежать, и Ярослав, посоветовавшись с новгородцами, послал за море своих людей позвать на помощь варяжскую рать.

И они явились. Горожане увидели закованных в боевые доспехи грубых и сильных мужчин, смотревших на них с явным презрением. Немного освоившись, гости повели себя как завоеватели в покоренной стране: пьянствовали, устраивали драки, грабили обывателей, творили насилие над женщинами. Гордые новгородцы никогда таких обид не терпели и решили разом положить конец варяжскому разбою. Дождавшись, когда зарвавшиеся наемники, как обычно, стали пьянствовать на сей раз на Поромоновом дворе, они устроили им настоящую тобоище. Варяги понесли большой урон. Гости на Руси считались собой неприкосновенной, и нападение новгородцев Ярослав воспринял как личную обиду. Он решил отомстить. Новгородцы же с тревогой ждали, как поведет себя князь после их самочинного дела.

Ярослав сделал вид, что происшедшее его мало тревожит. В этот момент горожанам он сказал: «Так и быть, уже мне не воскресить убитых!» – и пригласил замешанных в убийстве дружинников к себе на пир. Когда гости вахмелели, слуги князя их всех перебили.

Утолив жажду мести, Ярослав успокоился и стал бдительно думать о случившемся.

В результате последних событий его военные силы оказались подорванными. Как варяжская, так и новгородская дружина лишилась лучших воинов, и если бы его отцу Владимиру пришлось в голову выступить против него со своим войском, Ярославу пришлось бы туго. Новгородцы теперь его вряд ли поддержат.

Раздосадованный и огорченный, ходил он в своей горнице, скрипя старыми половицами, и мучительно искал выход из положения. Хотелось ему послать гонцов к отцу сказать, что он готов снова платить дань, тем более что им уже давно владело раскаяние за то, что он поднялся на отца, но не позволяла гордость. А предпринимать что-то надо...

В таком состоянии застали его гонцы из Киева. Сестра Переяслава извещала, что его отец умер, а Святополк, сев в Киеве, уже убил Бориса и послал убийц к Глебу. Известие потрясло Ярослава. Он еще острее осознал, что, оказавшись без войска, не может противиться Святополку. Поддержат ли его теперь новгородцы? На следующий день он собрал их на вече. «Друга мои и братья! – воскликнул, и слезы хлынули из его глаз. – Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и избивает братьев. Хочу идти на него, помогите мне!»

Новгородцы молча смотрели на князя. Вчерашние язычники, они понимали, что Ярослав, избивая свою дружину, действовал по закону предков: кровная месть за убийство гостя считалась священным делом. Они видели его искреннее раскаяние и простили ему тяжкий грех. Его большой ум и решительный нрав как нельзя больше соответствовали буйному и драчливому характеру, и они закричали: «А мы, княже, за тебя идем! Хотя погибли наши братья, но мы можем за тебя биться».

Ярослав был тронут до глубины души: новгородцы простили его и готовы биться за него со Святополком! Здесь же, на этом вечере, он дал им такие льготы, которых раньше имел ни один город. Позднее он оформил их письменно. «Ярославовы грамоты» много веков подряд служили новгородцам путеводной звездой при решении самых острых вопросов.

Начались сборы к походу на Киев. Через полгода его дружина была вполне боеспособной. Десять тысяч новгородцев составляли ее костяк, и еще одна тысяча наемников-варягов подкрепляла ее своими железными латами. В 1016 году Ярослав двинул дружину на Киев.

Святополк призвал на помощь печенегов. Обе дружины встретились Любе на Днепре. Ярославова дружина расположилась на левом берегу, а Святополка – на правом. Три недели стояли князья друг против друга, не решаясь переправиться через реку и напасть. Чтобы как-то скоротать время, дружинники под смех и улюлюканье товарищей, каждый со своего берега, бранились и оскорбляли своих врагов, потешаясь над ними, стремясь толкнуть необдуманные действия. Особенно острым на язык оказался киевский воевода по прозвищу Волчий Хвост. Зная, что новгородская дружина состоит из горожан и сельчан, он кричал им: «Эй вы, плотники! Зачем пришли сюда с хромым своим князем? Вот мы вас заставим рубить нам хоромы!» Дружный хохот киевлян сопровождал эти дерзкие слова.

Новгородцы обиделись. Придя к Ярославу, они сказали: «Завтра же переправимся на них, а если кто не пойдет с нами, того сами убьем!»

В ту же ночь новгородцы напали на Святополка, и произошла жестокая сеча. Дружинники Ярослава стали одолевать киевлян и прижали их к озеру. Под напором новгородцев они ступили на не окрепший еще лед, и многие из них утонули. Печенеги же ничем не могли помочь киевлянам, так как находились на другом берегу озера. Победа Ярослава была полной. Святополк бежал в Польшу, к своему тестю, Ярослав столкнулся в Киеве. Однако на этой войне не закончилась.

Польский король Болеслав решил помочь своему зятю. Сначала он подкупил печенегов, и те напали на Киев. Ярослав с киевлянами сражался с ними прямо у стен города. Сеча была злая и продолжалась целый день. Сгорело много домов, и только к вечеру Ярославу удалось одолеть кочевников.

В 1018 году Болеслав сам напал на Русь. В его войске было много наемников: немцев, венгров и печенегов. Ярослав выступил ему навстречу в месте, где на Западном Буге, бывшем в то время границей между Польшей и Русью. И здесь история повторилась: как когда-то киевский воевода Волчий Хвост дразнил новгородцев, Ярослава Будый стал насмехаться над Болеславом. Он называл его бранными словами и кричал со своего берега: «А вот подожди, уж мы проткнем спицею брюхо твоё толстое».

«Болеслав, – пишет летопись, – был велик и тяжел с трудом сидел на лошади; но зато был смел. Не вытерпел он Будыевой брани и, обратившись к дружине своей, сказал: «Если это вам ничего, то я один погибну», сел на коня и бросился в реку». Польская дружина поддержала своего короля и, быстро переправившись, напала на беспечно спящих киевлян. Многие из них погибли, а остальные разбежались. Ярослав спасся лишь с четырьмя воинами и укрылся в Новгороде.

Киев был взят штурмом. Безоружные киевляне, обескровленные недавним сражением с печенегами, не смогли оказать большого сопротивления. И хотя бились они отчаянно, устоять против многочисленной дружины Болеслава не смогли. Поляки ворвались в город и ограбили его жителей. Они вели себя как завоеватели, чем вызвали возмущение киевлян, которые совсем не желали переносить такое грубое насилие и стали повсеместно уничтожать варяжских дружинников Болеслава. Сам он бежал из города, дочиста ограбив его: забрал с собой церковное и княжеское имущество, двух сестер Ярослава – Предславу и Мстиславу, его бояр и множество пленников. Святополк, ненавидимый жителями, стал сяд в Киеве.

Ярослав, удрученный поражением, собирался бежать к варягам. Но он плохо знал своих новгородцев.

Поражение на Буге их ничуть не обескуражило. Они пришли к князю и сказали: «Хотимеще биться с Болеславом и Святополком». Собрали деньги, наняли варягов и вместе с ними пошли на Киев.

Ярослав снова воспрянул духом. Он знал, что перед его новой ратью Святополк неустойчив и готовился дать решительное сражение.

Встреча двух ратей произошла на реке Альте. Перед взором Ярослава предстали полчища печенегов, беспорядочной толпой скопившиеся на противоположном берегу. Сердце его тревожно забилося. Предстояла злая сеча, и многие его воины не вернутся домой. Он вспомнил, что именно здесь Святополк убил своего брата Бориса, и жажда мщения овладела им с новой силой.

Перед боем Ярослав долго молился. «Братья мои, – обратился он к Борису и Глебу, – если вы уже далеки от меня телом, то молитвой помогите мне на этого гордого и супротивного убийцу».

Сеча, как и предполагал Ярослав, была жестокой. Как пишет летописец, такой на Руси еще не было. Три раза сходились обе рати в битву, но никто не мог одолеть. Рубились мечами, схватывались руками, так что кровь ручьями текла по земле. И только к вечеру вконец уставшие новгородцы бросились в отчаянном порыве на печенегов и одолели этих степных хищников. Святополк, прозванный в народе Окаянным, бежал и сгинул где-то на границе между Польшей и Чехией.

Ярослав «утерпел дружину» и сел княжить в Киеве. Ему еще предстояла борьба со своим братом Мстиславом, которого он очень любил.

У них была одна мать – Рогнеда, и детства их прошло вместе. Отец дал Мстиславу далекую Тмутаракань, и казалось, что вдали от родной «Отчины» ему не выдержать натиска хазар и касогов. Но Мстислав выдержал и даже расширил свои владения. Это был князь-воин. Сильный и храбрый, он больше всего на свете любил свою дружину. С нею он ходил в дальние походы и всегда побеждал своих врагов.

В 1020 году его дружина сошлась с касожскими полками. Их вождь Редедя, огромного роста и богатырской силы, предложил Мстиславу: «Для чего будем губить свою дружину, лучше сойдемся сами и поборемся. Если ты одолеешь, то возьми все мое: именье, жену, детей и всю землю. Если я одолею, то возьми все твое». «Да будет так», – ответил ему Мстислав.

Два богатыря сошлись на широком поле. Справа и слева от них застыли касожские и русские полки. Все с замиранием сердца следили за тем, как борются два могучих воина, один из которых должен был погибнуть и уступить все, чем владел, своему врагу.

Мстислав сразу почувствовал огромную мощь, таившуюся в руках Редеди. Он изнемогал и задыхался, не в силах сдвинуть его с места. Последний же, упершись ногами в землю, пытался давить Мстислава своими могучими объятиями. Чувствуя, что силы покидают его, Мстислав возмолвил:

«Пресвятая Богородица, помоги мне! Если одолею врага, построю церковь во имя Твое!»

Лишь только Мстислав произнес эти слова, как ощутил в себе могучую силу. Оторвав Редедию от земли, он поднял его над головой и ударил о камни, а затем вынул нож и заколол. Теперь он стал властелином касожской земли. Но этого было ему мало. От Ярослава он потребовал новых волостей, и тот предложил ему Муром. Мстислав отказался в 1023 году, усилившись касожскими полками, вторгся в киевские пределы.

Соперник у Ярослава был грозный, и ему снова пришлось посылать за море нанять варягов и просить помощь у новгородцев. Дружины братьев встретились в Листвене, в 40 километрах к северу от Чернигова.

Ночью началась гроза. Сверкали молнии, и гремел гром, а дождь лил как из ведра. Построив свои полки, Мстислав сказал: «Пойдем на них, эта наша добыча». Но он ошибся. Ярослав тоже не дремал, и его

дружина встретилась в полной готовности к бою. В ночной мгле при вспышках молний и бушевавшей грозе отчаянно рубились две славные дружины. Никто не хотелступить тогда Мстислав, не в силах преодолеть сопротивление новгородцев, бросил свою дружину на варягов; те не выдержали и побежали. Пришлось отходить Ярославу. Он снова направился в Новгород, но в пути его догнал гонец от брата. Благородный Мстислав велел сказать ему: «Сядь ты в Киеве, ты старший брат, а мне будет эта Черниговская сторона».

Через год братья встретились снова и заключили мир, договорившись разделить Русскую землю по Днепру: Мстислав взял себе левую сторону и сел в Чернигове, а Ярослав – правую, вместе с Киевом. Междоусобица на Руси прекратилась. «И была тишина великая во всей Русской земле», – записал летописец. Настало время восстановить утраченные в ходе усобицы земли и укрепить границы, потому что враги, пользуясь смутой в Русской земле, приносили много вреда ее жителям, тысячи их томилась в плену.

Прежде всего необходимо было навести порядок на польской границе. В 1025 году умер Болеслав, и по всей Польше поднялся мятеж. Восстали Червенские города, отторгнутые польшей во время борьбы Ярослава со Святополком. В 1030 году Ярослав вместе с братом Мстиславом помог жителям этих городов изгнать поляков, а затем дружинами прошлись по польской земле и вернули русских пленников. Не захотели упускать они и свою добычу: тысячи поляков оказались в русском плену. Все они были поселены по левому берегу реки Рось.

Ярослав понимал, что нельзя добиться стабильности внутри государства, не укрепив его границы. Главная опасность для Руси, как он считал, по-прежнему исходила от кочевников-печенегов. Во время междоусобной войны князья они активно поддерживали Святополка, не забывая и своих интересов. Их многочисленные походы заканчивались грабежами и уводом в плен сотен русских людей.

В борьбе с кочевниками Ярослав решил продолжить дело своего отца Владимира Красное Солнышко. Этот великий князь хорошо укрепил Левобережье Днепра, создав здесь глубоко освоенную систему охраны и защиты границ; Правобережье же оставалось открытым. Сюда и направил главные усилия князь Ярослав.

В 1032 году он «начал ставить города по Роси», пограничной реке, прикрывавшей Киев с юга.

Это значительно ослабило натиск печенегов на Русь. Последнее их нашествие произошло в 1037 году. Князь Ярослав находился в то время в Новгороде, куда и «пришла ему весть, что печенеги окружили Киев». Тогда он «собрал воинов много, варягов и словен» и двинулся освобождать столицу. Его войску удалось пробиться через печенежскую орду и соединиться с киевской ратью. Здесь, у самых стен Киева, произошло решающее сражение объединенных русских сил с кочевниками.

В XI веке, по словам летописца, здесь было «поле вне града». Ярослав в центре русской рати поставил варяжскую дружину, на правом крыле – киевский полк, а на левом – новгородцев.

Главный удар печенегов пришелся по центру. Всей огромной конной массой они обрушились на варягов, но те выстояли. В бой вступили главные русские силы. «Была сеча злая, и едва одолел к вечеру Ярослав, и побежали печенеги, и не ведали, куда бежали, и одни утонули в Ситомли (в реке), другие – в иных реках, и таягибли».

После этого сражения печенежская орда, как единая организованная сила, прекратила свое существование. Одна ее часть откочевала на запад, а другая отступила в глубь причерноморских степей, смешавшись здесь с новой волной азиатских кочевников – торков.

Этой победой Ярослав завершил длившуюся столетиями войну с печенегами. Русь выстояла, ликвидировав опасного врага, угрожавшего ее южным границам. В память этого события Ярослав поставил на месте сражения церковь Святой Софии. Позднее, в 1045 году, он повелел воздвигнуть такую же церковь

и в Новгороде, хотя в меньших размерах.

Война с Болеславом, а позднее и с печенегам, показала Ярославу, что стольный град Киев нуждается в строительстве надежных укреплений. Эту идею поддержали и жители города. Началось возведение огромных земляных валов с бревенчатыми стенами, которые окружали столицу мощным неприступным барьером. Вокруг города он создал кольцо из городов-крепостей: Белгорода, Вышгорода, Канева, Васильева. Столица Русской земли обрела так недостающую ей безопасность. Позднее он возвел вокруг Киева каменные стены с Золотыми Воротами, над которыми возвышалась церковь Благовещения. Город стал не только мощной крепостью, но и одним из самых богатых и красивых городов Европы, «соперником Константинополя».

Ярослав знал, что в укреплении и защите нуждаются не только южные границы. На северо-западе тоже было неспокойно. Торговлю новгородцев с иностранными странами осложняли частые нападения местных племен – чуди. Надо было обезопасить эти границы.

В 1030 году он со своей дружиной совершил поход в этот дикий, заросший густыми лесами край. Чудь была покорена и обязалась платить дань. Гарантом русской безопасности в этом краю стал город Юрьев (ныне Тарту) названный так по христианскому имени Ярослава, нареченного Юрием в крещении.

Спустя несколько лет Ярослав совершил походы на ятвягов и Литву, привел их к покорности и заставил платить дань. Нет, не о завоеваниях и победах думал Ярослав. Ему нужны были крепкие и безопасные границы, которые уважали бы соседи. Он знал, что уважают сильного, и потому стремился, чтобы Русская земля была единой, умеющей постоять за себя.

Такую линию он продолжал и в отношении Польши. После успешных походов в польские земли он закрепил за Русью Червенские города, но они еще оспаривались ею, и тогда Ярослав решил укрепить отношения с новым польским королем Казимиром, выдав за него свою сестру Марию. Казимир возвратил восемь русских пленников, а Ярослав помог ему подчинить себе Мазовию. Мир на западных и северо-западных границах Руси был обеспечен. Для защиты же юго-западных рубежей он основал на реке Сан город-крепость.

Великий князь хорошо понимал, что, укрепляя безопасность Русской земли, защищая ее границы и сохраняя ее единство, он создает лишь условия для жизни своих подданных. Его деятельность должна служить благу людей, не раз говорил он своим боярам, а этого нельзя достичь только походами, сражениями и победами. Надо строить и просвещать людей, заботиться об их духовном здоровье. Человек глубоко верующий, богобоязненный, он все успехи своего служения Руси связывал с распространением христианства, укреплением веры. Во время княжения Ярослава уже выросло поколение детей, которых его отец Владимир отдал книжное учение. Теперь они становились священниками и церковниками, неся людям слово Божие. Ярослав тоже отдал 300 детей в учебу и сам учил их книжной премудрости.

Он и сам очень много читал. Все знали его как образованнейшего человека своего времени, и многие следовали его примеру: читали, переписывали книги, создавали собственные библиотеки. Характеризуя это похвальное увлечение книжным чтением, летописец говорит: «Подобно тому, как если бы кто распахан землю, а другой посеял, а иные стали бы пожинать пищу обильную, так и князь Владимир распахан и умягчил сердца людей, просветив их крещением; сын его, Ярослав, насеял их книжными словами, а их теперь пожинают, принимая книжное учение. Велика бывает польза от него; из книг учимся путем покаяния, в словах книжных обретаем мудрость и воздержание; это реки, наполняющие вселенную; в книгах несчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания».

И совсем не случайно первый на Руси писанный свод законов под названием «Русская Правда» появился в его княжение.

А еще Ярослав любил строить. Киевляне часто видели его на стенах возводимых храмов, церквей, домов, палат, за что и прозвали его «хоромцем», то есть хотником строить.

При нем Русская земля расцвела и наливалась силой, крепло ее могущество. Все знаменитые короли и владельцы князья того времени считали большой для себя честью породниться с русским княжеским родом. Сам Ярослав был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа; сына своего Всеволода он женил на дочери византийского императора Константина Мономаха. Одна дочь Ярослава была замужем за норвежским королем Гаральдом, а вторая стала женой французского короля Генриха I и матерью короля Филиппа, за малолетство которой она долго правила Францией. Третья дочь Ярослава была женой венгерского короля Андрея I, а остальные его дети – троюродные сыновья – женились на польских и немецких принцессах.

Так высоко поставил Русь Ярослав во время своего великого княжения.

В 1054 году Ярослав тяжело заболел. Сыновьям, собравшимся у изголовья его кровати, он сказал свое напутственное слово, которое, хотя и минуло с тех пор без малого тысячу лет, звучит так современно: «Любите друг друга... Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов, которую они приобрели трудом своим великим».

...Княжение Ярослава нельзя назвать простым и легким. Долгие междоусобные войны с братьями, изнурительные походы с дружиной против многочисленных врагов потребовали от него много сил и здоровья, при этом военное счастье далеко не всегда было на его стороне. Он познал и радость побед, и горечь поражений, но неудачи не сломили его духа, а победы не вскружили ему голову. Многие годы он неустанно трудился во имя великой и могучей Руси, оберегая и укрепляя ее границы. Благодарный народ назвал его Мудрым.

«Брань славна лучше естъмира стыдна»

Александр Невский и охрана западных границ

Сильный, отважный, решительный, талантливый. Этими и многими другими подобными эпитетами наделяют историки и литераторы Александра Невского. Но вот фрагмент картины художника Г.И. Семирадского «Александр Невский в Орде». Удивленное, словно застывшее в изумлении лицо, потемневшие от нанесенной обиды глаза, выпяченная вперед и как будто дрожащая от гнева нижняя губа и произвольно прижатая к груди рука выдают состояние человека, охваченного страхом и сомнениями. «Боже! Что требует от нас? Неужто такая неимоверная тяжесть обрушится на истерзанную Русь? Ведь это же погибель для нее!» – говорят нет-скорее кричат его изумленные глаза. А где-то в их глубине, в могучем облике одетого в боевые доспехи воина, как горячий жар под черно-пепельной золой остывающего костра, неистребимой силой дышит вера в неизбежную победу Руси. Надо только выиграть время, не дать монголо-татарам окончательно разорить и обескровить ее.

Александр Невский

Да, и эта тяжкое унижение пришлось испытать рославленному князю: неоднократно ездил он в Орду за ханским ярлыком, подтверждающим его право на княжение и дающим возможность улаживать всякие недоразумения, чтобы предотвратить бегство. Делал он это не ради того, чтобы сохранить за собой престол, а ради попавшего в тяжелую неволю народа, которому грозило вечное рабство. И надо было глубоко любить Святую Русь, чтобы, не колеблясь, принести ей в жертву свою княжескую гордость и продемонстрировать хану смирение и покорность. Так мог поступить лишь человек государственного масштаба – политик расчетливый и тонкий, видевший намного дальше своих современников.

Князь Ярослав, по опыту зная, как трудно править Новгородом, готовил своих сыновей – Федора и младшего Александра – к этой миссии исподволь, заранее. В 1228 году, едва старшему из братьев исполнилось девять, а младшему восемь лет, он, отправляясь в этот город на княжение, взял их с собой. Летом было в разгаре, и потому вся городская жизнь проходила на улицах и площадях. Гончары без устали крутили гончарные круги, в кузницах громыхали тяжелые молоты, своими глухими ударами смешиваясь с легким перестуком небольших молоточков, тяжело скрипели груженные всяким скарбом телеги. Народ толпился на торговой площади, у церквей и храмов. Город жил насыщенной, деловой жизнью.

Дядька княжичей, Федор Данилович, без устали водил их по мощным толстым деревянным плахам улиц и все повторял: для того чтобы удержать стол (власть. – Авт.) в этом военном городе, надо его знать, надо хорошо изучить его историю, традиции и обычаи, сердцем принять все, чем гордятся и дорожат новгородцы. Много часов провел он в беседах с княжичами, рассказывая им о новгородской земле, ее прошлом и настоящем нравах и привычках жителей.

По словам Федора Даниловича, Новгород, добившись независимости, имел свое самоуправление, решающий голос в котором принадлежал народному собранию – вече. Но это была только видимость народной власти. На деле же она сосредоточилась в руках господы – верхушки бояр, объединявшей триста «лучших мужей». Народ, «выпустив пар» на шумных и бурных вече, наивно полагал, что он вершит судьбу города, но правила им все же бояре. Имея деньги, они могли влиять как на своих сторонников, так и на противников, добиваясь того, что было выгодно им.

Править в городе было нелегко, одной силы еще недостаточно. Андрей Боголюбский пробовал и «добром и лихом» – привел под стены города чуть ли не всю свою рать, три дня воевал, а на четвертый был разбит. Теперь новгородцы считают день победы над ним своим праздником и отмечают его каждый год. «В посадниках и князьях мы вольны», – говорили новгородцы, и не один князь слышал их холодные речи, требовавшие откинуть город: «Кланяемся тебе, княже! Ты себе, а мы себе!»

Таков был Господин Великий Новгород.

Обширна и богата была его земля. От Финского залива до Каменного пояса (Уральские горы) тянулись его владения с запада на восток. Весь север Руси до Смоленского княжества на юге подвластен ему. Ижоряне и волжане, карелы и финны платили ему дань медом и воском, драгоценным моржовым клыком, мехами, рыбой и серебром. И все было бы хорошо, да вот беда: нет мира на западных новгородских границах.

Слушал Александр, и все тревожней становилось у него на душе. В 1202 году рижский епископ Альберт, папский ставленник, основал здесь Орден немецких рыцарей-меченосцев. Под флагом утверждения католического христианства рыцари вооруженной рукой захватывали земли местных народов, подчиняя их власти магистра. Орден, покорив живущих в низовьях Западной Двины ливов, стал называться Ливонским. Его аппетит все время рос, угрожая независимости всех восточных славян. Он уже захватил основанный еще Ярославом Мудрым город Юрьев, переименовав его в Дерпт. Положение осложнялось еще и тем, что литовцы не ощущали для себя опасности со стороны немцев, не искали союза

с русскими в борьбе противобщего врага, а, наоборот,сами все чаще нападали на их земли.

Уже тогдаАлександр понял, чтокняжение здесь не будетспокойным и войны с ливонцами не избежать.А когда вскоре умер старшийбратФедор, тоу него уже не оставалосьсомнений, чтооборона западных границ ляжетна его юные плечи.

За пониманием последовали дела. Новгородцы все чаще видели молодого, ладно скроенного княжича вместе с дружиной, переданной ему отцом. Он рос, набирался опыта,мужал. Но история отпустилаему немного времени для подготовки.

Когда Александру исполнилось шестнадцатлет,отец,Ярослав Всеволодович, собрал новгородское вече. Крепко обняв сына, он вручил ему меч – символ наместника.Новгородцы не противились: им нравился молодой князь. Сдержанный и немногословный, он молча поклонился жителямэтогославного города, которых успел узнатьи полюбитьи с которыми теперь ему предстояло долгие годы вместе защищатьфубежи родной земли.

Ярослав Всеволодович уехал в Киев, и Александр осталсяодин. Юность кончилась. Начиналась взрослая жизнь, полная тревогаи борьбы. Случилось этов 1236 году.

А на востоке,за Волгой, в этоже время происходили события,которымсуждено было крутоизменить судьбу Руси. В 1235 году монгольская знатьрешила, чтонаступиловремя выполнитьволю Чингисхана и покоритьЕвропу «до самого моря». Собранное со всех улусов войско спешно готовилоськ походу. В тот год, когда Александр начинал княжитьв Новгороде, оно, предводимое ханом Бату,вышло на Каму. До похода на Русь оставалисьсчитаныемесяцы.

Александр родился всего на тригода раньше сражения русских с монголо-татарамина Калке, о котороммного потомговорили, и поэтомужнал, какой тяжелыйслед в сознании людей оставилэтбитва. Еще в детствеему рассказывали былины о гибели русских богатырейи всего «цветарусского воинства» в этомпервом столкновенииис новой волной жестокихи коварных кочевников. Много говорили и о том, чтосуздальский полк, посланный на помощь Киевскому князю, тогдауцелел лишь чудом, опоздав к месту сражения. И все почему-тодумали, чтовластьсуздальских князей будетвечной, чтомонголо-татарне осмелятсидтивойной на Русь, а будуткочеватьв степяхПричерноморья. Фактыже настораживали. Ханские посольства несколько раз приезжали во Владимир, предлагая союз в борьбе с половцами. Посещали монголы и Венгрию. «Неужели, – думал Александр, – они настолькослабы, чтосами не могут справитьсяс половцами?» Что-твлещее крылось в глазах у послов, когда они смотрелина русские дружины, на укрепления городов, на золоченые купола церквей... И глубокая тревогаселилась в сердце молодого князя, и теперь,получая известияо приближении монголо-татарк русским границам, Александр с горечью видел, чтониктоиз князей, увлекшись междоусобной борьбой, не думал о совместнойобороне Руси, не предполагал соединить полки в единое войско и датьим полевое сражение еще на дальних подступах.Все рассчитывалиотсидетьсяза стенами своих крепостей.Совсем скоро этимкнязьям суждено будетубедитьсяв близорукостисвоей политики.

А событияразвивались со зловещей быстротой.Монголы, разорив Волжскую Булгарию, подошли к рязанской земле. В начале зимы оттудаприскакал гонец и сообщил о том,что«пришли безбожники татары и почаша воеватиРязанскую землю». Вскоре Александр узнал, чтоРязань пала. Ни Владимир, ни Чернигов ей не помогли.

А потомпошли известияодно горше другого. В начале 1238 года была разрушена Москва, а затем испили свою горькую чашу и владимирцы. На берегу реки Ситиих полки были окружены многочисленным врагом и честносложили свои головы в неравном бою. Война приближалась к стенамНовгорода.

Еще в конце февраля отрядмонголо-татарсадил Торжок – небольшой городок в новгородской

земле. Александр не мог им помочь: люди были парализованы страхом. Все в «недоумении и страхе» – записано в летописи того времени. Не раз собиралось новгородское вече, чтобы обсудить положение, и, наконец, после бурных дебатов решили запереться, молиться и ждать, а если враг подойдет к стенам города – обороняться, куда хватит сил.

В марте завоеватели двинулись к Новгороду. Его жители укрепляли стены, молились и плакали, прощаясь друг с другом. Наконец дозорные, выставленные Александром у Игнача Креста, принесли радостную весть: «злодеи» повернули обратно. До Новгорода оставалось чуть более ста километров. Зазвенели колокола, люди бросились в церкви и храмы благодарить Господа Бога. «Новгород же заступил Бог, и святая великая и соборная апостольская церковь, святая София...» – записал в свою книгу неумолимый летописец.

Монгольская «стая», оставив после себя горы убитых и проклинаемая оставшимися в живых, ушла покорять Киев и Европу, а Александру надо было думать об обороне западных границ. Сведения, полученные им от верных людей, говорили о том, что против Новгорода готовится крупный поход крестоносцев, на этот раз в союзе со Швецией и Данией.

Готовясь к предстоящей войне, Александр укреплял западные и северо-западные границы. Новгородские бояре поддержали его просьбу о выделении средств для строительства укрепленной линии по реке Шелони: в случае нападения крестоносцев надо было обезопасить себя от возможных набегов литовцев. Александр вместе со строителями выбирал места для крепостей, засек, укрепления переправ. Своему помощнику – тиуну – он приказал обеспечить их мясом, хлебом, рыбой, пшеном и брагой.

К зиме 1239 года укрепления были готовы. Александр расположил в городках заставы засечную стражу, которая должна была поддерживаться связь с гарнизоном Великих Лук, Старой Руссы и Городца.

На этом рубеже он создавал также поселения свободных крестьян, обязанных нести военно-пограничную службу. Александр считал, что свободный собственник будет лучше оберегать границу, чем пригнанный боярским или монастырским ярмом хлебопашец.

Нападения со стороны Швеции следовало ожидать, по мнению Александра, с моря, в районе Финского залива и устья Невы. Лишь это направление было доступно для вторжения, так как кругом раскинулась болотистая, покрытая лесом низменность. Здесь располагалась подвластная Новгороду Ижорская земля. Старейшиной у ижорян был Пелгуй (от финского Пелконен), крестившийся в православной церкви под именем Филиппа. Ему суждено было сыграть заметную роль в разгроме шведов.

Александр, готовясь отразить нападение, еще в 1239 году расположил здесь, по обоим берегам Финского залива и в устье Невы, «стражу морскую», подчинявшуюся специальному тиуну, судье-наместнику. Стража имела строгое указание от новгородского князя вести зоркое наблюдение и в случае появления шведских судов немедленно послать гонца с донесением.

В одну из белых июльских ночей, когда «заря с зарею сходится», пост морской стражи, возглавляемый Пелгуем, увидел прямо-таки волшебное зрелище: огромный шведский флот – около ста судов, – бесшумно скользя по водной глади залива, тихо и плавно входил в устье Невы. Зрелище было настолько завораживающим и сказочным, что стражники воочию увидели на головном корабле святых Бориса и Глеба, плывущих на помощь своему «сроднику» Александру. Из оцепенения Пелгуя вывели зычные команды и свистки на шведских кораблях: они начинали причаливать к берегу Невы, вдоль которого им предстояло еще плыть. С причаливших судов на берег перебрасывались мостки, а по ним на землю высаживались рыцари. Сомнений не оставалось – шведы начали против Руси военный поход. Не мешкая, Пелгуй поскакал в Новгород, где и доложил Александру, что видел «силу ратных», которая с кораблей высадилась на берег и установила станы.

Предводитель шведов Биргер не сомневался в успехе: Русь разорена Бату-ханами вряд ли окажет сопротивление. Бравируя своей силой, он отправил князю в Новгород короткое письмо: «Аще можешь противиться мне, то се есмь уже здесь, пленяя землю твою». Весь его вид выражал уверенность и самодовольство.

Александр был готов к такому ходу событий. Его расчет именно на такой способ действий шведов полностью оправдался. Новгородцы, собравшись на вече, на этот раз были единодушны: надо отразить наступление врагов, да так, чтобы в другой раз неповадно было. Казалось, весь город собрался у Софийского собора, чтобы вместе с владыкой Спиридоном благословить воинов на победу: иной исход битвы со шведами был просто недопустим. Об этом сказал молодой князь и своей дружине, закончив речь словами, что «не в силе Бог, но в Правде».

Войско, спешно выступив из Новгорода, двигалось вдоль Волхова и к 15 июля, преодолев 150 километров, подошло к Ижоре. Разведка подтвердила, что большая часть рыцарей по-прежнему на берегу, и Александр решил атаковать с ходу.

Для шведов оказалось полной неожиданностью появление из-за леса русской конной дружины, устремившейся на них в тесном строю. Бой был жестоким и скоротечным. Потеряв «множество много» воинов, шведы «посрамлены отъедоша». Русские недосчитались двадцати человек и со славой возвращались в Новгород. Александра Ярославовича за эту блистательную победу народ стал называть Невским.

«Князь Александр наносит рану шведскому военачальнику», А.Д. Кившенко

Однако недолго пришлось князю наслаждаться явными победами. Месяц спустя он получил известие, что иволжские крестоносцы при поддержке датчан из Ревеля (ныне Таллин. – Авт.) начали новый поход против Северо-Восточной Руси. После ожесточенного штурма пала крепость Изборск, а затем рыцарское войско осадило Псков. Александр надеялся, что крепость выстоит, но бояре, сторонники Ордена, пошли на предательство тайком подвели рыцарей во Псков».

Для большой войны нужны были деньги, оружие и многочисленное войско. Прижимистое новгородское боярство на это не шло, и тогда решительный Александр поступил также, как некогда делал его отец. Забрав жену и детей, зимой 1240 года он уехал в Переяславль. Князь был уверен, что жизнь заставит новгородцев «бить ему челом» и пойдут на военные расходы, столь необходимые в это тревожное время. Вооруженного до зубов и закованного в латы немецкого рыцаря голыми руками не возьмешь. Боярам придется раскошелиться, чтобы снарядить свою рату подготавливая отпор крестоносцам.

Между тем рыцари, не встречая сопротивления, как шайка закоренелых разбойников. Они уводили в плен девушек и женщин, воровали скот, растаскивали нехитрое крестьянское добро. Жители деревень сбегались в город, надеясь в его стенах найти защиту от крестоносцев. И тогда народ решительно потребовал от боярской господы призвать на помощь Александра Невского.

Посольство во главе с архиепископом Спиридоном жаловалось Ярославу Всеволодовичу, что «немцы поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе быше орати (пахать) по селам нечим...». Ярослав, пославший княжить в Новгород своего младшего сына Андрея, сожалел над горожанами, вернул им Александра. Новгородцы встретили своего князя радостно, но теперь тяжелая рука Александра уверенно легла на боярскую верхушку. Началась подготовка военного похода против зарвавшихся крестоносцев.

Решающее сражение, к которому так стремился Александр Невский, началось рано утром 5 апреля 1242 года. Тяжелый, закованный в латы, клин рыцарей врезался в передовой заслон русских войск. Зазвенели мечи, и белоснежный покров Чудского озера окрасился первой кровью убитых и раненых. Ломались копья, вдребезги разбивались железные шлемы и латы, падали на лед всадники и кони. Жестокая ячеча собирала свою кровавую жатву.

Александр, стоя на небольшой возвышенности, все отчетливее ощущал, что немцам не выдержать этой схватки. Русские рубили так яростно с таким жесточением, что, казалось, нет силы, которая могла бы остановить их порыв. В каждый удар своих тяжелых мечей они вкладывали все горе, всю обиду и всю боль пострадавшей за последние годы Руси. И если вражеский меч пробивал сердце русича, он умирал, не выпуская из рук оружия. Они «исполнилися духом ратным, бяху бо сердца их, акы сердца львом».

Александр и его дружина возвратились, овеянные славой победы. Народ радовался и ликовал, прославляя героев. Радовался и князь, но мало кто из новгородцев видел на его лице улыбку. После монголо-татарского шествия он словно разучился смеяться. И в походах, и в радостях победы его ни на миг не покидало ощущение тяжелой победы, обрушившейся на его «отчину». Мысль упрямо искала ответа на непростой вопрос, от которого никуда не уйти: где выход из этого отчаянного положения, в котором оказалась Русь? Разрушенная и обескровленная, она становится легкой добычей врагов. Князю как дальновидному политику было ясно, что только камнем проблемы не решить. Нужна гибкая политика, надо укрепить границы заключением договоров с соседями.

Александра удручали дикие порядки, установленные ханами на Руси. Отряды войск во главе с баскаками стали собирать десятую часть имущества и десятую часть людей. «Отсчитав десятъ – одного забирали: тоже делали с девицами, забирали и уводили их в свои земли. Мужчин, не имевших жен, – тоже забирали, а также и женщин, не имевших мужей, и нищих тоже забирали... Кроме того, у отца, у которого было три сына, одного забирали...»

И взрослые, и дети должны были отдавать шкуру медведя, бобра, соболя, хорька и лисицы. В случае войны дополнительно забирался каждый десятый мужчина. Князя лишались права иметь свою дружину. Кажется худшей доли и придумать было нельзя, и она выпала на его «отчину».

В 1245 году Александр в последний раз видел своего отца Ярослава. Ханша Туракина вызвала его в Каракорум, сама угощала вином, после чего князь заболел и через семь дней умер. Наступила очередь Александра. Гонец, прибывший из далекой Монголии, требовал его ко двору. Новгородский князь, однако, разгадал кровожадные замыслы ханши: покончить с ним, чтобы окончательно сломить Русь. Решив, что «брань славна лучше естества стыдна», он не явился на вызов и остался в своем городе.

Вскоре Александр получил приглашение от Батыея: «Аше хочеш спасти свою землю, то приди ко мне». Отступить было уже некуда, и князь вместе с братом Андреем прибыли к хану. Он принял их ласково и отправил в Монголию, где они были приняты верховным ханом и получили ярлыки: Александр – на Киевский стол, Андрей – на Владимир-Суздальский.

После двухлетнего путешествия братья вернулись домой.

Поездка в Монголию окончательно убедила Александра в правильности избранной им политики. Как это ни горько сознавать, но разоренная Русь еще не скоро наберется сил, чтобы бросить вызов Орде. Сейчас речь может идти о простом выживании, сохранении физического существования народа, а освобождение – это дело времени, к сожалению, не близкого. Внешняя покорность, терпение и постепенное накапливание сил – вот линия, которая, в конечном счете, обеспечит успех. Что касается западных соседей, так ними надо искать путь к установлению прочных добрососедских отношений.

Зимой 1253 года Александр послал посольство в самую северную соседнюю страну – Норвегию. Установить с ней хорошие отношения было проще: Русь с ней не воевала. Послы вели речь о поддержке на границе двух стран порядка и добрососедства. Граница здесь установлена не была, и послы предлагали ее определить, чтобы исключить всякие поводы для конфликтов.

Обратное русское посольство возвращалось вместе с норвежским. Состоялись переговоры с участием Александра, закончившиеся подписанием «Разграничительной грамоты» 1254 года. Граница сбора дани была определена справедливо, по историческому жившемуся рубежу, «тому, что говорили старейшие люди и говорят теперь старейшие поселенцы и финны – саамы». Она доходила до Ивгей-реки и Люн генфьорда, то есть почти до норвежской территории. Договор оказался долговечным. Он существовал семьдесят три года и лег в основу нового русско-норвежского договора 1327 года. Политика Александра оказалась верной и выдержала проверку временем.

Сложнее оказалось определить границы и установить с ними мир с другими соседями – Швецией, Ливонским орденом и Литвой. В 1250 году давний противник Александра шведский правитель Биргер захватил Финляндию и насильственно крестил ее жителей. Окрыленный успехом, он задумал захватить Ижорскую и Карельскую земли и закрыть для русских выход в Финский залив. На русском берегу реки Норовы он начал строить свою крепость. Новгородцы стали собирать полки, и тогда шведы спешно отступили.

Однако Александр не удовлетворился этим. Он все еще пытался сохранить за Новгородом южную Финляндию. Зимой 1256 года он совершил туда поход, осложненный лишь тем, что пришлось передвигаться на лыжах. Путь был долгим – дошли до самого Полярного круга, где попали в царство белой ночи. Многие дружинники погибли от холода, но, главное, Александр не нашел базы, где можно было закрепиться. Князь понял, что Финляндия для Руси утрачена... Политика же Александра получила продолжение в делах его внука Юрия Даниловича, который в 1323 году заключил со Швецией Ореховский договор, разграничивший владения двух стран и закрепивший мирные отношения Руси с ее северным

соседам.

У Александра Невского иногда опускались руки отобилия врагов и их бесконечных набегов на земли русские: едва отбивалодно нападение, как сразу начиналось другое, еще более изощренное и коварное. Немцы, уже битые князем, снова напали на Псков, разрушили его посад. Пришлось выслать к реке Норове вооруженный отряд, который жестоко покарал рыцарей. «Сами виноваты, окаянные нарушители правды», – отметил новгородский летописец.

Очень агрессивен был литовский князь Миндовг. Он направлял на Русь уже не одиночные дружины, как раньше, а целые отряды, возглавляемые жестокими литовскими князьями. Александр знал, что, получив из ханских рук ярлык великого и новгородского князя, он отвечал за безопасность границ всего северо-западного региона. Здесь по линии Псков – Смоленск – Полоцк – Витебскон выставлял заставы, устраивал засады, организовывал дозорную пограничную службу, но все-таки литовцы прорывались. В 1249 году они дошли до Торжка, Бежиц, а затем и Торонца, что в Смоленской земле. Здесь их настиг Александр со своей дружиной. Произошла жестокая яеча, в которой князь лично зарубил восемь литовских бояр.

Но литовцы не унимались. Несколько лет спустя они «взяли на щит», то есть полностью опустошили, город Войшину и перебили русскую засаду у Торжка. Об этом стало известно, не без помощи Александра, в Сарая. Ханы организовали против Литвы большой поход своих войск, в составе которых было много русичей, взятых ими в качестве даны. Бурундай, опытный монгольский воевода, возглавивший этот поход, разгромил войска Миндовга и подверг его землю ужасному разорению. Теперь к литовскому князю пришло понимание того, что с Александром лучше не ссориться, а жить в мире. Тем более что давление на Литву со стороны Ливонского ордена усиливалось. Миндовгу удалось разгромить рыцарей у озера Дурбе 13 июля 1260 года, но опасность сохранялась. Что касается Александра, то он уверен был в одном: лишь добрые русско-литовские отношения помогут обоим государствам остановить ползучую агрессию со стороны крестоносцев.

Два выдающихся современника – Александр, а затем и Миндовг – удивительно точно заметили совпадение интересов своих народов, и подписанный ими в 1262 году договор лишь юридически закрепил их взаимные стремления к сближению. Документ хотя и не определил линию границы между двумя странами, однако сыграл положительную роль. Он распределял сферы влияния, что само по себе имело немаловажное значение. Александр добился восстановления своих прав в Полоцкой земле, временно попавшей под литовское влияние. Его передовые заслоны несли теперь службу на законных основаниях, охраняя закрепленные договором земли.

Александр и Миндовг договорились провести совместный поход в Ливонию, который, по замыслу князей, должен был покончить с немецким засильем в Прибалтике. И они его начали успешно, но из-за несогласованности действий отменили. Он не дал ощутимых результатов, однако продемонстрировал военные возможности двух соседних государств в объединенных общими жизненными интересами. В то же время поход вынудил немцев Риги и Любека возобновить старый торговый договор с Новгородом и Псковом, что свидетельствовало о крушении их планов овладеть этими землями силой. Александр оказался не только выдающимся полководцем, но и дальновидным политиком.

В 1262 году хан Берке вызвал Александра в Сарай. Поездка в это «осиное гнездо» всегда таила себе смертельную опасность, но отказ от нее расценивался как неповиновение и мог вызвать самое жестокое наказание в ордынских полчищах. Скрепя сердце Александр выехал по уже знакомому маршруту. Он знал, что Берке будет требовать дополнительной людской дани для участия в войне с иранским ханом Хулагу, и намеревался защитить интересы Руси. Кроме того, он хотел просить хана об облегчении дани и передачи права ее сбора русскому князю...

Берке не прощал даже малейшей непокорности. Целый год продержал он русского князя в Сарае. Ездил Александр по стойбищам кочевьям, ожидая в любой момент либо удара кривой татарской сабли, либо отравленного блюда на своем столе. Вскоре он заболел. Хан видел, что здоровье князя ухудшается каждым днем, и отпустил его домой. 14 ноября 1263 года Александр умер в укрепленной им крепости Городце. Современники считали, что он был отравлен по приказанию Берке. Ему было только сорок три года. Русь лишилась своего талантливого руководителя.

Народ оплакивал кончину великого князя. Пожалуй, лучше всех выразил это чувство слуга и соратник Александра Невского: «О горе тебе, бедный человек! Как можешь ты написать кончину господина своего! Как не упадет твоя веница вместе со слезами! Как же не урвется сердце твое от жорения!»

«Честная смерть лучше позора»

Дмитрий Донской и охрана границ Русского государства

В один из пасмурных ноябрьских дней 1368 года восемнадцатилетний великий князь Московский Дмитрий Иванович стоял у бойницы башни Кремля, униженный и потрясенный. Всюду, куда достигал его взгляд, виднелись толпы литовцев в шлемах и кольчугах, с длинными копьями в руках. Вели себя они словно дикари: разводили костры, резали скот, жарили мясо, тащили все, что попадало под руку. Горел посад, и клубы черного дыма поднимались до самого неба, затянутого серыми облаками. Литовцы так плотно обложили Кремль, что казалось, незамеченной не проскочит даже мышь. У центральных ворот – горделивый литовский князь Ольгерд. Подбоченясь, сверкая доспехами, он долго гарцевал на рыжем статном жеребце, высматривая Дмитрия. Ему хотелось посмеяться над ним, насладиться его беспомощностью и унижением.

Молодой князь, сдерживая себя, стоял молча и неподвижно. Он прижимался разгоряченным лбом к холодному камню башни и немного успокаивался. Ему было горько и обидно. Вторжение литовцев оказалось для него совершенно внезапным, и он не успел собрать войско. Пришлось запереться в каменных стенах Кремля, строительство которых завершили всего за несколько недель до нападения. «Конечно, – размышлял он, – Ольгерду не взять Кремля, да и не простоять долго в осаде. Скоро ударят морозы, выпадут снега – и он уйдет домой. Мне же надо наладить охрану границы, чтобы такое больше не повторилось».

Как и предвидел Дмитрий, Ольгерд, простояв под Москвой три дня, ушел в Литву. Кремль выдержал осаду, но урон от нашествия был велик. «А прежде того толь велико зло Москве от Литвы, не бывало в Руси», – горестно написал летописец.

Князь действовал быстро и энергично. Несколько месяцев потребовалось ему, чтобы снарядить и выставить у литовской границы пограничные заставы. Когда полтора года спустя главный соперник Дмитрия Тверской князь Михаил отправился в ставку Золотой Орды добывать ярлык на великое княжение, путешествие его оказалось отнюдь не простым. По свидетельству летописца, московские сторожевые отряды «переимали его по заставам многими путями, гонялись за ним, ищущи его и настигоша его. И тако едва утечене в мнози дружине и прибежа паки в Литву». А это означало, что Дмитрий извлек урок из неожиданного вторжения Ольгерда в 1368 году. Пограничная служба была им заметно усилена, что свидетельствовало о дальнейшем укреплении охраны границ Московского государства. К тому же в 1370 году им возведен новый город – Переяславль, который был «срублен» в одно лето.

Укрепление западных границ продолжалось и позднее. По совету Дмитрия его двоюродный брат Владимир Андреевич в 1378 году построил крепость Серпухов. Теперь левый фланг оборонительной линии по реке Оке прикрывала возведенная ранее сильная крепость в Коломне, запиравшая устье Москвы-реки, а на ее правом фланге появилась новая – Серпухов. Ниже шла болотистая заросшая лесом Меццарская низменность, непроходимая для конницы. Западнее начинались литовские владения, откуда в любой момент можно было ожидать внезапного нападения.

26 ноября 1370 года литовцы снова вторглись в московские земли, однако на этот раз встретили упорное сопротивление. Пограничная стража сумела своевременно обнаружить врага и известить

Дмитрия. Два дня Ольгерд осаждал город Волок, но взять его так и не смог. Построив войска в походный порядок, он двинул их на Москву. Для решительного сражения сил у Дмитрия не было, и он разослал гонцов с приказом собирать полки для отражения нападения. Самому же пришлось снова сесть в осаду.

Ольгерд подошел к Москве 6 декабря и, простояв восемь дней, на штурм не решился. Узнав, что на юге готовятся выступить против него русская рать, он запросил мира. По словам летописца, Ольгерд, «услыша силу многую стоящую, убоясь, и устрашившись, начал мира просить». От Москвы он уходил «с многими опасениями, озираясь туда и сюда, боясь за собой погони».

Так бесславно закончился еще один натиск литовцев.

Дмитрий, укрепив западную границу, мог теперь увереннее заняться внутренними делами и выяснением своих взаимоотношений с монгольским темником Мамаем. Главная его битва с золотоордынцами была еще впереди, и Москва только собиралась для этого сражения, чтобы выступить единым фронтом против своих угнетателей Северо-Восточной Руси необходимо было объединиться, собрать свои силы, и Дмитрий выступил не только главным идеологом этой идеи, но и ее исполнителем. В то время Москва еще лишь утверждала свою ведущую роль в Русской земле, разделенной на несколько крупных княжеств, которые отнюдь не спешили лишиться своей самостоятельности. Главным конкурентом Дмитрия Ивановича в борьбе за великокняжеский титул выступил Михаил Тверской. Решительный и властолюбивый, он проявил величайшее упорство в борьбе с Московским князем. Не имея возможности открыто противостоять ему в развернувшейся схватке, он несколько раз приглашал к себе на помощь литовских князей и дважды добивался в Орде ярлыка на великое княжение. Пришлось и Дмитрию, несмотря на возросшее могущество Москвы, ехать на поклон к Мамаю. Ему предстояло решить сложную задачу: уговорить золотоордынского хана отказать в поддержке Тверского князя Михаила. 15 июля 1371 года он выехал в Орду. Здесь он встретился с Мамаем. Дмитрий знал, что рано или поздно ему придется скрестить оружие с этим монгольским темником, и теперь с интересом рассматривал своего главного врага. Он увидел тучного, плывшего человека, поза и жесты которого свидетельствовали о властолюбии и твердости характера. На широком и неподвижном, словно застывшем лице глубоко сидели два налитых кровью глаза, смотревшие на Дмитрия презрительно и враждебно. От него пахло конским потом, кумысом и сыромятным снаряжением степного кочевника. «Что ж, своих врагов надо знать в лицо», – подумал Дмитрий, смирив гордыню, опустив колени перед золотоордынским правителем. Богатыми дарами и лестными словами сумел склонить на свою сторону хитрого темника и добиться желанной цели. Тверскому князю Михаилу Мамай послал сказать: «Мы дали тебе великое княжение, мы давали рать силу, чтобы посадить тебя на великое княжение, а ты рать силу нашей не взял, говорил, что своей силою сядешь на великом княжении: седи теперь, с кем люби, а от нас помощи не ищи!»

Свою главную дипломатическую задачу Дмитрий решил успешно. Тверскому князю, несмотря на отчаянное сопротивление, пришлось признать верховенство Москвы. Теперь и литовский князь Ольгерд постарался миром уладить свои отношения с Московским князем. Не мешкая, он прислал к нему большое посольство просить «о мире и любви». А чтобы окончательно уверить Дмитрия в своих добрых намерениях, выдал свою дочь Елену за князя Владимира Андреевича.

Казалось бы, наступил долгожданный мир и Дмитрий мог отдохнуть и насладиться тишиной и покоем, но, увы, судьба сложилась по-иному – в нескончаемую борьбу, в цепь походов и сражений. Уже в 1372 году против него выступил Рязанский князь Олег, желавший расширить свои владения за счет Москвы.

Для Дмитрия отношения с Рязанью имели стратегическое значение. В случае успеха он мог расположить здесь свои сторожевые пограничные заставы, которые могли бы на дальних подступах обнаруживать продвижение конницы золотоордынцев. Это позволило бы ему перейти от пассивной обороны к активным наступательным действиям против степняков.

Стремясь быстрее ликвидировать угрозу с юга, Дмитрий со своей дружиной вступил на Рязанскую землю. Две рати встретились при Скорнице, где и произошло решающее сражение. Князь Олег был разбит и спасся бегством. Он вынужден был признать свою зависимость от Москвы и обязался своевременно извещать о движении кочевников.

После многолетней борьбы признала свою зависимость от Москвы и Тверь. В сентябре 1375 года Тверской князь Михаил подписал договор, по которому он навечно отказывался от Владимирского великого княжения. Он обязывался также в борьбе с монголо-татарами выступать на стороне Дмитрия: «А пойдут на нас татары или на тебе, биться нам и тебе с нами с одного всем противу их. Или мы пойдём на них, и тебе с нами с одного пойти на них».

Все это свидетельствовало о том, что Дмитрию удалось перед лицом грозной опасности консолидировать силы Северо-Восточной Руси. До Куликовской битвы оставалось чуть более пяти лет. Главной задачей становилась охрана южных границ, чтобы не допустить внезапного нападения ордынцев. Дмитрий уделял этой задаче первостепенное значение, о чем свидетельствует одно из посланий 1378 года митрополиту Киприану, в котором он пишет, что на подходах к Москве Дмитрий «поставил заставы, рати сбив и воеводы поставив». Однако князь этим не ограничился. Он создал единую, динамичную систему охраны и обороны южных границ, что позволило ему пресекать все попытки полчищ Мамай прорваться к Москве.

Как талантливый полководец Дмитрий Иванович придавал большое значение разведке. По его указанию далеко в степь, к кочевьям ордынцев, высылались дозоры, которые с ранней весны до наступления холодов, «пока снега землю не укинут», «стерегли татар». На больших шляхах, по которым ордынцы ходили на Русь, выставлялись неподвижные сторожи. Все они связывались единой системой оповещения. Как только в степи обнаруживался противник, гонцы от пограничных сторожей скакали в Москву с тревожными вестями. И тогда Дмитрий приказывал своим воеводам сосредоточить полки по левому берегу Оки, которую москвичи называли «поясом Богородицы». Они преграждали степнякам путь на Москву, а иногда и сами переходили в наступление. Броды на Оке охранялись заставами в городах-крепостях Коломне, Серпухове и в Новом Городке. Дмитрий держал сильные гарнизоны. Выдвигая свои полки за Оку, он мог не опасаться фланговых ударов и обходных маневров Мамай: «пояс Богородицы» надежно прикрывал его «отчину». До Куликовской битвы великий князь трижды проверил свою оборонительную систему, и каждый раз она с успехом выдерживала испытание.

В 1373 году Мамай вторгся в Рязанское княжество. Татары пожгли рязанские города, «а людин многое множество пленица и побища». Опасаясь, что ордынцы могут переправиться через Оку и начать грабить земли Московского и Владимирского княжеств, «князь великий Дмитрий Иванович Московский, собравшись с силою своею, стоялу реки Оки на берегу и татаре пустил, и все лето там стоял». Система оповещения и защиты рязанцев, созданная Дмитрием, себя оправдала.

Летом 1376 года Дмитрий Иванович получил донесение о намерении ордынцев вторгнуться в Русь со стороны Нижнего Новгорода. На этот раз он не ограничился обороной левого берега Оки, а смело выступил навстречу. Но татарам удалось обмануть разведку нижегородцев. Дождавшись, когда великий князь покинул свои полки и возвратился в Москву, они неожиданно напали на русскую рать и разгромили ее. Главная причина поражения русских ратников состояла в том, что они вели себя беспечно: расположившись на реке Пьяне, они упивались хмельным медом и были вырублены воинами Арапшаха.

В следующем году Мамай решил развить свой успех и, собрав большое войско под командованием мурзы Бегича, двинул его через рязанские земли на Москву. Пограничная охрана Дмитрия своевременно обнаружила этот поход, и он быстро получил сведения о замыслах Мамай. Русская рать, предводительствуемая самим князем, встретил ордынцев на берегах реки Вожи (правый приток Оки

северо-западнее Рязани). Здесь 11 августа 1378 года произошло большое кровопролитное сражение, в ходе которого татары были полностью разгромлены. Мурза Бегич погиб.

Мамай, узнав о поражении своих войск, пришел в неистовство. Размахивая саблей, в бешенстве носился он на своем прекрасном скакуне по степи, рубя всех, кто попадался на его пути. Затем собрав своих князей, он торжественно объявил, что идет по древним следам Батыя истребит Вусь. «Казним рабов строптивых, кричал он в гневе, – да будет пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!»

Дмитрий понимал, что его противостояние Мамаю вступило в решающую стадию. С этого момента он неотступно до дня в день готовился к решающему сражению. Прежде всего он позаботился о разведке и об охране границы. На всех дорогах, шляхах и переправах им были выставлены новые заставы пограничных сторожей, которым накрепко было приказано «бодрствовать «нести службу усторожливо». К верховьям Дона, к самым дальним кочевьям ордынцев, скрытно высылались крупные, численностью до семидесяти человек, разведывательно-поисковые отряды. Они должны были не только наблюдать за ордынцами, но и захватывать их, чтобы получить точные сведения о планах Мамаю.

В середине лета 1380 года Дмитрий Иванович уже знал, какая страшная гроза собирается над его головой. Олег Рязанский, желая скрыть свою измену, предупредил его об опасности. «Но еще наша рука высока, – писал он Дмитрию, – бодрствуй и мужайся!»

Для Московского князя это сообщение уже не было новостью. О грозящей опасности его предупредили пограничные сторожа. Возле Дона стояла русская пограничная застава численностью в пятьдесят человек. Во время рейда по ордынским кочевьям она попала в засаду и частично была уничтожена. Большинство сторожей попали в плен. Одному из них – Андрею Попову – удалось бежать, и 23 июля он доложил великому князю: «Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне на реке на Воронеже». Это была первая весть начавшегося мамаяева похода.

Дмитрий хотя и ожидал эти вести, и готовился к ним, воспринял их в сильном волнении. Огромная, неимоверно тяжелая ноша разом обрушилась на его плечи, придавила к земле. Ах, как хотелось ему, чтобы все это было сном, кошмарным сном, чтобы все это вмиг рассеялось, как наваяние, как внезапно налетевшая гроза. Но это было не сном, а суровой и жестокой реальностью. Ему было трудно смириться с мыслью, что скоро, совсем скоро придется в решающей битве столкнуться со всей монгольской силой. Полтора века иноземного владычества не прошли даром. В психологии народа, в том числе и у руководителей, утвердился, казалось, навсегда, страх перед угнетателями. Слово «монгол» воспринималось с неопишым ужасом. И вот теперь Русь впервые открыто пошла против воли хана, и этот шаг был громадным психологическим изломом. На глазах всего мира раб превращался в свободного гражданина, и в этом процессе Дмитрию выпала главная роль. Ему предстояло возглавить народный поток повстевшего на кровавую сечу. Чем окончится она для Руси? Не навлек ли он на нее новую беду? Не наступят ли еще более мрачные времена?

От этих мыслей тревожно сжималось сердце, и он без устали мерил шагами свою просторную горницу. Понемногу он успокоился и созвал ближних бояр и воевод. Сели они «думу думать». Судили и рядили, как лучше одолеть Мамаю. Дмитрий всех выслушал и приказал разослать во все города гонцов с приказом готовиться к походу. Сам же с малой дружиной отправился к Сергию Радонежскому.

В это время этот преподобный старец пользовался громадным влиянием на Руси. Можно сказать, что он был душой и совестью народа, духовным отцом нации. К его голосу прислушивались все – от князей до холопов, верили ему и подчинялись его нравственному авторитету. Дмитрий тоже верил в чудодейственную силу мудрого игумена и не мог пойти на битву без его благословения. Несмотря на огромную занятость, к нему без конца прибывали гонцы с новыми вестями – даже находясь в Троице-

Сергиевой обители, он держал постоянную связь с пограничными сторожами), он отправился к Преподобному Сергию. «Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, – сказал он по прибытии в обитель. – Да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар, вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разорят святые церкви и губят христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!»

Святой игумен попросил князя отслушать Божественную литургию, а по окончании ее сказал ему: «Господь Бог тебе помощник; еще не пришло время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном; но многим, без числа многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью».

Дмитрий побледнел. Слова Сергия означали, что предстоящее сражение будет кровопролитным и унесет тысячу человеческих жизней. Со страхом и надеждой смотрел он на озаренное немерцающим внутренним светом лицо святого старца, а тот словно не замечая его тревоги, продолжал: «Мамая ожидает конечная гибель, а тебя, Великий княже, милости слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что они не оставят тебя».

Осенив великого князя святым крестом, Преподобный Сергий произнес: «Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов!» А затем, понизив голос, сказал тихо, одному Дмитрию: «Победиши враги твоя...»

А. Кившенко. «Преподобный Сергий Радонежский благословляет святого благоверного великого князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву»

Как ни огрубело сердце сурового воина, каким был тридцатилетний князь, он не выдержал,

прослезился. Впервые за многие месяцы внутренней тревоги и огромного напряжения душевных сил он почувствовал облегчение. Страшная нечеловеческая ноша словно спала с его могучих плеч, и он впервые легко и свободно, полной грудью вдохнул чистый воздух святой обители. Не бывала уверенность в победе вселилась в его сердце и уже не покидала его никогда.

На прощание Сергей Радонежский поручил князю двух своих иноков – Пересвета и Ослябю, бывших в миру знатными воинами, и сказал ему:

«Вот тебе, возлюбленный княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранные!» А им сказал: «Мир вам, возлюбленные мои о Христе братья! Мужайтесь яко добрые воины Христовы! Приспело время вашей купли!»

Дмитрий, получив благословение святого старца, простился с ним и поспешил в Москву. Находясь в Троице, он получил сведения от пограничников – от Климента, старого поляника, что приближаются татары. Надо было готовить встречу незваным гостям.

Возвращаясь в Москву, думая о войне, а глаза его невольно останавливались на дивных картинах русской природы. Буйные травы, скошенные хлебные поля, ручьи и речки, березовые опушки и глухие темные леса проплывали перед его восхищенным взором, и сердце наполнялось тихой и светлой грустью. Он видел затерявшиеся в лесах деревеньки, молодых крестьянок, мирно работавших в поле, нагулявшиеся за лето стада коров и с ужасом представил, что здесь будет, если снова ворвутся сюда монгольские полчища. Снова кровь, насилие, обугленные развалины домов... «Нет, этому не бывать! – неожиданно для всех гневно воскликнул он. – Все, как один, ляжем костьми, но врага не пропустим!» Пришпорив коня, он поскакал вперед по узкой лесной дороге. Дружинники, как ни старались, едва поспевали за ним.

Дмитрий, чтобы действовать наверняка, очень нуждался в точных сведениях о движении и намерениях Мамае. Не довольствуясь данными скрытых пограничных сторожей «притонов», он далеко в степь, к Дону и его притокам – к Быстрой и Тихой Сосне, выслал разведывательно-поисковые группы. Как пишет московский летописец, великий князь «послал на сторожку крепких оружейников – Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ислебятёва – и повелел им... под Орду ехать языка добывать». Прошло несколько дней, но вестей от сторожини было. Это встревожило Дмитрия, и он «послал другую сторожку: Климента Поляника, да Ивана Всеслава, да Григория Судока и иных многих с ними, и повелел им вскоре возвратиться».

Поиск, проведенный первой сторожей, оказался удачным. Она захватила «языка нарочатого царева двора» и доставила его в Москву. Ордынец подтвердил мевшиеся сведения о сговоре Мамае с Литвой и Олегом и о том, что он не торопится начинать боевые действия: «Не спешит того ради, что осени ждет, хочется сенью быти на русские хлебы».

И все же день решающего сражения неотвратимо приближался. 20 августа русская рать выступила из Москвы, а уже утром 6 сентября передовые ее полки вышли к Дону. Все эти дни Дмитрий имел «прямые вести» об ордынцах. «В день 6 сентября прибежали семь сторожей в 6 часов дня, Семен Мелик с дружиною своею, а за ним гналось много татар...» Пограничные воины сообщили, что ордынцы «на Гуснице, на броне стоят», это – 8–9 километров от реки Непрядвы. В этот же день Дмитрий приказал всем сторожевым отрядам переправиться через Дон, а на следующий день – и всей русской рати. Все мосты были сожжены... Каждый понимал, что у него лишь два выбора: либо победить, либо умереть...

Утром 8 сентября русская рать выстроилась на широком Куликовом поле. На своем любимом коне Дмитрий выехал вперед и стал перед нею, взгляды ваясь в ее застывшие ряды. Скоро грянет бой, закипит кровавая сеча и поле огласится ревом боевых труб. Многим, очень многим придется испытать здесь

смертнующашу, так не узнав, чем закончится это великое сражение. О чем думали они, его воины, коим выпала страшная доля преградить дорогу Мамаю? Выдержат ли они, не дрогнут ли под натиском ордынцев? Дмитрий понял, что все они очень нуждаются теперь, на грани жизни и смерти, в его теплом ободряющем слове.

– Возлюбленные мои, отцы братья! – загремел над притихшей ратьею его могучий голос. – Честная смерть лучше позора! Не дрогнем! Будем вместе питать смертнующашу за Святую Русь, за Православное Христианство за наших матерей, жен и детей! Господь Бог и Пресвятая Богородица помогут нам!

– Готовы головы наши сложить за Христа и за Отечество за тебя, великий княже! – отвечали ему со всех сторон русские воины.

В двенадцатом часу дня обе рати начали сближение. «И выступила сила татарская на холм, – повествует летописец, – и пошла с холма. Также и Христианская сила пошла с холма и стала на поле чистом, на месте твердом. И страшно было видеть две силы великие, съезжавшиеся на скорую смерть. Татарская сила была черная, а русская сила в светлых доспехах, как река льющая, как море колеблющееся, и солнце светлосияло над ней, лучи испуская...»

Дмитрий рубился в общем строю, как рядовой ратник. Его окровавленный меч сверкал с непостижимой быстротой, нанося нападавшим страшные удары. Со всех сторон его обступили ордынцы, но он и не думал отступить со своими верными оруженосцами без усталости. Справа и слева от них росла гора окровавленных тел, наседавшие ордынцы с ужасом смотрели, как после мощных ударов Дмитрий падала на землю очередная жертва.

В эти мгновения великий князь был страшен. Увлеченный боем, он словно отрешился от всего земного. Его лицо, искаженное гневом, было ужасно, глаза сверкали, а боевые доспехи забрызганы сгустками крови. Множество ударов выдержали они, покрывшись вмятинами и трещинами, но защитили князя от стрел, копий и сабель. Дважды его сшибали с коня, но он, прикрывшись щитом, снова вскакивал в седло, и снова его меч разил ордынцев. И только когда, потрясенный неожиданным натиском засадного полка, мамаевцы в панике побежали, Дмитрий в изнеможении опустился на землю...

Вечером Дмитрий Иванович объезжал огромное поле сражения. То, что он увидел, потрясло его не меньше, чем сама битва. Повсюду лежали груды изувеченных, окровавленных тел. Смерть примирила всех: и русских, и татар, и генуэзцев... Убитый христианин лежал рядом с мусульманином, а католик – с православным. Сердце Дмитрия разрывалось от боли, когда он видел знакомые лица погибших боевых друзей: вот лежит пронзенный копьем Александр Пересвет, а рядом «любимец его Михаил Андреевич Бренк, а близ него лежит Семен Мелик, твердый страж близ него лежит Тимофей Валуевич...». И велел Дмитрий «трубить ратные трубы, созывать людей», и приказал подсчитать потери: «Считайте братья, скольких воевод и скольких служилых людей нет!»

Не бывало высокую плату заплатили русские ратники за победу на Куликовом поле. «Оскудела вся земля Русская воеводами и слугами и всеми воинствами. И о сем был страх великий по всей земле Русской», – горестно писал летописец в своем сказании о Мамаевом побоище.

Да, в жестокой борьбе ковал Дмитрий свободу и независимость Руси. Он не знал грамоты, не умел читать и писать, но лучше других современников понял насущные нужды своего народа. Он верил, что только сильная державная власть может освободить от монгольского ига, и первым начал на практике воплощать свой идеал. Он понимал важность охраны границ государства, многое сделал, чтобы они были неприкосновенны. Для этого он не жалел ни сил, ни времени, ни жизни. Тридцать девять лет прожил он на земле и за это короткий срок сумел стать Донским...

В 1988 году, в канун 1000-летия крещения Руси, Русская Православная Церковь причислила его к лику

СвятыхДмитрийс нами, в вечном строкащитниковРоссии.

«Государь милостию Божией»

Иван III и охрана Московских рубежей

Такая горе в своей семье пятилетний Иван видел впервые.

Почерневшая, охрипшая от слез мать, рыдающий брат, заплаканные домочадцы... Всюду плач: и в доме, и на улице. Казалось, вся Москва стонет. Испуганный Иван никак не мог понять этих страшных слов, которые повторяли взрослые люди: «Татарь вахватали в полон великого князя Василия и теперь идут на Москву!» Великий князь – его отец, маленькому Ивану становится жаль его, и он, глядя на маму, тоже плачет, хотя не совсем понимает это пугающее слово «полон». Спешные сборы: торопливые руки матери, одевающей его, беготня узлами и корзинами... Семья готовилась к отъезду, подальше от страшных татар.

Москва в огне. Огромное зарево пожара охватило половину неба. Крытый возок мчался по тесным московским улицам, не останавливаясь ни на миг, чтобы быстрее уйти от огня и татар. Они ехали в Ростов, небольшой, но хорошо укрепленный город. Там – их спасение, а здесь, в столице, оставались люди, которые должны были тушить пожар и защищать свой город...

Потом из плена вернулся отец. Иван хорошо помнил радость матери, бабушки, москвичей. А чуть позднее – новая горе. Ослепленный изменником Шемякой, отец вместе с матерью под конвоем отправляется в Углич, а он с братом Юрием, с дядями Семеном и Дмитрием тайком уезжает в Муром...

«Иоанн III свергает татарское иго, разорвав изображение хана и приказав умертвить послов»,
Н.С. Шустов

В беспокойное, тяжкое для Руси время родился Иван, будущий Государь всея Руси. Казалось, все беды земли сошлись на ее бескрайних просторах. Набеги ордынцев, нескончаемые войны с Литвой, междоусобные стычки, неурожай, болезни, пожары. Стонала Русь, взывала о помощи, но ее не было. Злые соседи только ждали своего часа, чтобы урвать от нее побольше кусок. Надежда была только на себя, на внутреннее единство, на сильную державную власть. Молодой княжич Иван это понял с раннего детства. Свой первый поход во главе войска он совершил в 1448 году, когда ему исполнилось восемь лет. В то год казанские татары подошли к Владимиру, намереваясь захватить и разграбить его. Впервые видел молодой княжич это степное воинство, жестокое и коварное, с отточенной техникой боя и непревзойденной пока тактикой, опиравшейся на количественный перевес, и ясно ощутил, как трудно защитить границы Руси от их набегов.

Спустя три года ордынцы во главе с «царевичем» Мазовшей вновь напали на Русскую землю. Порубежники обнаружили их, но татары двигались столь стремительно, что московские полки не успели занять левый берег Оки – главный рубеж обороны, и нападавшие с ходу переправились у Коломны. На этот раз Ивану не пришлось встретиться с казанцами: отец взял его с собой собирать полки. В Москве осталось «множество бояр и детей боярских... и многое множество народа». Не пожелал уезжать из города «митрополит Иоанн и весь чин священнический и иноческий».

Второго июля, на рассвете, Мазовша подошел к столице. Запылал деревянный посад, и ордынцы, прикрываясь дымовой завесой, бросились на штурм Кремля. Старые белокаменные стены, построенные еще Дмитрием Донским, видевшие Ольгерда и Тохтамыша, Едигея и Улу-Мухаммеда, были во многих местах разрушены; сюда-то и устремились татары. Москвичи встретили их мечами и копьями. Закипел рукопашный бой. Защитники города стояли насмерть. Они не только оборонялись, но и совершали отчаянные вылазки, нападая на врага с тыла. Такого сопротивления ордынцы не ожидали. К вечеру их атака стала ослабевать, и наконец прекратилась совсем. Защитники города свой первый бой выиграли с честью.

Всю ночь они укрепляли стены, устанавливали на них пушки, пищали и самострелы, вооружались и готовились к новому сражению. Самые ловкие и отважные вызвались идти в дозор, сторожить татар. Немало нашлось смельчаков и для ночных вылазок. К утру все было готово, чтобы достойно встретить поганцев.

Наступил рассвет, и тут москвичи с радостью обнаружили, что татары ушли. Они исчезли также внезапно, как и появились. Только горевший еще посад свидетельствовал о случившемся было не сном, а явью.

Через неделю одиннадцатилетний великий князь Иван вернулся в Москву. То, что увидел он, потрясло его неокрепшую душу. Еще неделю назад утопавший в зелени садов, с деревянными домами, обнесенными палисадом, и оживленными улицами, город лежал в развалинах. Тысячи людей ковырялись на своих выгоревших усадьбах, пытаясь соорудить хотя бы простой шалаш для ночлега. Всюду, куда достигал взгляд, чернели пепелища. Иван не выдержал, заплакал. Его детское сердце разрывалось от горя и обиды. Урок, преподнесенный ордынцами, был слишком суров и жесток, и он не прошел даром. Борьба за освобождение Руси, за укрепление ее рубежей стала главным делом его жизни. Но необходимо было покончить с феодальной раздробленностью, и Дмитрием Шемякой, развязавшим гражданскую войну против его отца великого князя Василия Васильевича, внука Дмитрия Донского.

Первого января 1452 года Иван выступил в поход против самого опасного внутреннего врага – Шемяки. Василий Васильевич «отпустил сына своего, великого князя Иоанна... против князя Дмитрия», а сам двинулся к Костроме. Многие сотни километров прошел по зимнему бездорожью со своим войском молодой князь. Суровые морозы и глубокие снега стали главным препятствием на их пути, но они же и

закалили его волю и характер. Трудности пути он делил наравне со взрослыми, и никто не услышал от него жалоб по поводу неудобств походной жизни. Впервые Иван ощутил, как велика, как необъятна Русь, как прекрасны ее просторы, как богата она лесным зверем и рыбой. Для хорошей и обеспеченной жизни ей не хватало одного – мира. И Иван страстно желал принести его на свою «отчину», пусть даже на пиках своего войска.

Но сражение не состоялось. Шемяка без боя оставил свою главную базу – город Устюги укрывшись в Новгороде. Можно было возвращаться в Москву.

Полгода прошло после памятного зимнего похода, и рука летописца отметила ледующее событие в жизни княжича:

«Женил князь великий сына своего, великого князя Иоанна, у великого князя Бориса Александровича Тверского». Женой Ивана стала десятилетняя Мария, и хотя брак был ранний, но он решал важную политическую задачу: установление нормальных, добрососедских отношений с главным соперником Москвы среди русских княжеств – Тверью. На Русской земле устанавливался тот мир, который ей нужен, и теперь можно было сосредоточить усилия для борьбы с внешним врагом, тем более что в следующем году обстановка внутри страны нормализовалась. Пришла важная весть: «Князь Дмитрий Шемяка умер напрасной смертью в Новгороде и положен в Юрьевом монастыре». Гражданская война, принеся так много горя и страданий, окончилась. Наступил мир, но... ненадолго.

Уже в середине лета 1459 года отпущенные стали приходить вести о появлении близ русских границ татарских орд. К тому времени Иван Васильевич уже превратился в настоящего мужчину: ему исполнилось 19 лет, и у него родился сын, тоже Иван. Впервые довелось ему возглавить полк, а все войско и вел он его против врага, искусного в битвах военной хитрости.

В августе татарские орды, возглавляемые Сеид-Ахматом, появились на Оке. Они устремились к известным бродам, чтобы с ходу преодолеть реку и рассыпаться по Русской земле, опустошая ее огнем и мечом. Однако на этот раз все их попытки переправиться на левый берег Оки были отбиты ордынцами, понеся значительные потери, «побегоша» в свои степи. «Пояс Богородицы» оказался неприступным для Сеид-Ахмата, и Иван Васильевич, оставив по берегам сторожевые отряды, вернулся с войском в Москву. Народ радовался и веселился: впервые за последнее время без больших потерь удалось остановить татар на дальних подступах к столице. Митрополит Иона построил в честь этой победы каменную церковь Похвалы Богородице – придел к Успенскому собору.

Между тем обстановка в мире быстро менялась. 29 мая 1453 года турки овладели Константинополем. Древняя Византия прекратила свое существование. На обломках ее цивилизации возникла мощная Османская империя. В 1465 году турецкий визирь закрепил господствующее положение Турции в Крыму. Крымский хан Менгли-Гирей был вызван в Турцию, как некогда русские князья вызывались в Золотую Орду, объявлен... крымским ханом и возвратился подвластным турецкому султану. Мощественная Порта становилась во главе мусульманского мира, а это означало, что она распространяла свою власть не только на Крым, но и на Астраханскую и Казанскую ханства, агрессивность которых ввиду создавшегося положения значительно возросла. Эту новую политическую ситуацию Москва должна была учитывать в своих отношениях с ними, да и с другими соседями.

В Большой Орде также произошли важные изменения. Ее возглавил энергичный хан Ахмат, открыто заявивший о новых походах на Русь. И это были не пустые угрозы. В августе 1460 года он неожиданно напал на Рязань, и только стойкость воевод спасла ее от разорения. Две недели штурмовал Ахмат город, но так и не смог его взять. Пришлось ему уходить «прочь с великим срамом». Однако он не оставил своих честолюбивых планов.

На восточных рубежах Москвы постоянно тлеет огонь пограничных стычек. Новое Казанское ханство- держава сыновей Улу-Махмета- вело себя чрезвычайно агрессивно. Тысячи русских людей были уведены в полон и томились в татарской воле. Набеги казанцев были особенно опасны – с востока Москва не имела серьезных укреплений.

С крымским ханом столица Руси сохраняла хорошие отношения. Этому способствовала непрекращающаяся вражда ханов Золотой Орды со своими сородичами в Крыму. И поэтому южный сосед был пока неопасен, более того- заинтересован в дружбе с русскими.

В самой Москве тоже наступили перемены. 28 марта 1462 года великокняжеский престол занял Иван Васильевич. Его отец, Василий Темный, назвал его в духовной грамоте своим преемником. Молодой великий князь сразу ощутил всю тяжесть ответственности, которая легла на его плечи. Впервые за 220 лет, с момента, когда Русь оказалась под игом Батыя, он первым из великих князей не поспешил в Орду за ярлыком. Не прибыли и ханские послы, чтобы «сказать» жего на великокняжеский стол. Иван Васильевич понимал, что он открывал новый этап отношения Москвы с Золотой Ордой и что предстоят важные события, исход которых предугадать пока трудно. Это тревожило его и вынуждало постоянно думать о безопасности южных и юго-восточных рубежей.

Мысленно обзревая пределы государства, доставшегося ему в наследство, Иван III понимал, насколько сложно будет обеспечить охрану и оборону его довольно протяженных и во многом неопределенных границ. Лишь на северной границе не было войны. Обширные пространства, простиравшиеся до Белого моря, надежно защищали Москву от любых вторжений с этого направления. Остальные границы требовали много энергичных, мужественных и храбрых людей, способных противостоять набегам жадных до чужого добра кочевников, «ушкуйников», а так простобродячих шаек, живущих за счет грабежей и разбоев. На юге хотя и поддерживался мир с крымцами, но тревожили набеги ногайцев. Что же касалось западной границы, то здесь постоянно следовало быть начеку. Литовцы и ливонцы почти ежегодно вторгались в пределы Русской земли для грабежа и разбоя, и надо было непрерывно сдерживать натиск.

«Как поступить? – думал Иван Васильевич. – Только обороняться? Не устраивать же засеки от Чернигова до Казани и Нижнего Новгорода – это очень дорого, да и требует много служилых людей, чтобы оборонять защитных».

Он знал, что еще со времен его прадеда, Дмитрия Донского, за Диким полем установлено наблюдение. На высоких деревьях и курганах сидели отважные воины-дозорщики и высматривали: не скачут ли в степи конный татарский отряд – чамбул, не стелется ли рыжая пыль по широким шляхам, не мчатся ли станичники с донесениями о появлении «воинских людей»? Чуть что – запаливали они свой факел, давая знать следующей стороже, вскакивали на коня, которого готовность держали внизу их товарищи, и самым быстрым аллюром неслись к ближайшим гарнизонам. Татары, увидя на дереве огонь, преследовали и нередко догоняли порубежников. Неминуемая смерть ждала их отзлых кочевников «за утечку информации». Однако задачу свою они выполняли: сигнал принимался, в Москву скакали гонцы, начинался сбор войск по тревоге, выдвигались резервы. Вся сложная оборонительная система приходила в движение.

Татары, увидя, что внезапность не удалась и они обнаружены, начинали ловить людей по ближайшим селам, уходили в степь, чтобы скрыться от преследования. Русские догоняли степных разбойников, потому что их кони еще не устали, беспощадно рубили их и освобождали плененных. И так день за днем, из года в год... Сколько сил, сколько мужества надо, чтобы вести борьбу с дикими ордами, знающими степь, как свою ладонь, выросшими в ней и воспитанными по законам волчьей стаи!

Иван Васильевич знал, что в Русской земле есть силы, способные противостоять степной стихии. Они,

эти силы, значительны. Их надо только организовать, поставить на службу, сделать настоящими порубежниками. Боярские дети – вот его опора на границе. Смелые, энергичные, свободные люди. Но у них не было земли. Ну так пусть они расселяются вдоль границы, получают землю и несут боевую пограничную службу!

А еще есть у Руси казаки! Они не уступали кочевникам ни в лихости, ни в смелости, ни в степной удали. Не зря ведь они жили среди татар и знали их хитрости повадки. Многие знатные татары опасаясь от междоусобицы, брали себе на службу казаков и определялись в Московском государстве. Так, хан Тогай еще во время борьбы Руси с Мамаем привел из-за Волги отряд казаков. Он образовал Мещерское княжество, которое скоро было присоединено к Москве. Казаки, пришедшие с Тогаем, были определены на службу для охраны границ Рязанского и Черниговского княжеств.

Еще к его отцу, Василию Темному, перешли на службу два сына хана казанской орды Улу-Махмета. Царевича Касима великий князь посадил в Звенигороде, откуда тот в 1449 году отразил набег ордынцев, а в 1451 году бился с другим отрядом татар. Спустя несколько лет под Рязанью появилась крепость Касимов, построенная для усиления обороны южной границы и названная по имени татарского царевича. Касимовские татары не раз помогали Москве в ее войнах с соседями, а царевич Егун помог Василию Темному в борьбе с Шемякой. Казаки, татары, перешедшие на русскую службу, могли, по мысли Ивана III, оказать ему большую помощь в охране границы.

Что касается западных рубежей, то Иван Васильевич знал, что новгородцы по-прежнему держали в устье Невы морскую стражу и псковичи выставили вставь порубежников против вивонцев и литовцев. От них уже не раз поступали важные вести о нашествии вражеских ратей.

«Конечно же, – размышлял молодой князь, – одними сторожами, засеками и даже крепостями границу не закрыть от врагов. Нужны иные, более решительные меры, которые позволили бы коренным образом изменить обстановку». И уже тогда он решил перейти к более активным действиям. Первый поход должен был состояться против Казани, потому что вела она себя наиболее вызывающе и подло – без конца набегала на русские земли. Мир здесь мог наступить лишь тогда, когда удалось бы посадить на ханский престол Касима, дружественного Москве.

В 1467 году Иван III дал ему войско и Касим попытался вступить в Казань, однако хан Ибрагим не позволил ему переправиться через Волгу. Пришлось отступить и истомен же без путей, понеже без осень студена без и дожде, а корму начат не оставати», – отметил летописец, описывая трудности похода русских и касимовских войск.

Однако война не закончилась. В 1469 году был предпринят второй поход во главе с воеводой Безубцевым. Иван III предписал ему совершить набег на Казань отрядом добровольцев, а самому с главными силами оставаться в Нижнем.

Поход и на этот раз оказался неудачным. 21 мая воевода Иван Руно с «охочими людьми» штурмом овладел посадом и освободил множество пленных. Но он допустил ошибку: ввязался в бой с главными силами хана. Пришлось снова отходить.

Вторая рать подошла к Казани, когда отряд воеводы Руно уже отступил. Выход из Камы татары перегородили своими судами, и русским пришлось принять жестокий и неравный бой. С тяжкими потерями они пробились к Волге и отошли к Нижнему Новгороду.

Неудача не обескуражила Ивана III. Через два месяца он послал новую рать. Часть сил двигалась водным путем, а конница во главе с братом великого князя Юрием – сушей. Скоро Казань оказалась в кольце русских ратей. Помощи ждать было неоткуда, и казанцы запросили мира. Пленных пришлось освободить. Хан покорился и смиренно обещал вести дружественную политику и не нарушать ее.

границ.

Эта была победа. Впервые за многие годы на восточной границе наступило затишье, однако Иван III, помня уроки прошлого, не ослабил ее охрану. Более того, он приказал выставить новые пограничные сторожы от Муромы, Нижнего Новгорода, Костромы и Галича, «повелевая соблюдать осторожность от казанских наездов». Восточный сосед явно не внушал великому князю полного доверия.

А тем временем осложнилась обстановка на южной границе. В начале июля 1472 года поступили первые вести от пограничных сторожей: хан Ахмат начал поход на Русь «со всеми князьями и силами ордынскими». Иван III приказал развернуть боевые полки по главному оборонительному рубежу – левому берегу Оки. Но Ахмат это предположение действовал по-иному: «оставил царицы свои, старых людей, и малых, и больных, а сам поиде с проводниками не по пути, а по старым традиционным шляхам, проложенным татарам в незапамятные времена. Это позволило ему резко увеличить маневренность своей орды и обмануть пограничных сторожей, хотя они и «стояли во многих местах по дорогам, ждучи татар». Хан «стороже великого князя разгониша, а иных поимаша».

Путь Ахмата пролегал западнее, ближе к литовской границе. Здесь он рассчитывал получить помощь от короля Казимира IV и нанести удар по русской обороне в неожиданном месте. Все учел хитрый хан, но ошибся в одном: он недооценил мужество русских людей.

На правом берегу реки, между Калугой и Серпуховом, располагался маленький городок Алексин. Не знали его жители, что их ждала большая беда – нападение татар. Ведь обычно они шли на Коломну, кратчайшим путем к Москве. У литовской границы татары появились впервые, и город оказался к обороне не готовым: ни пристройки городского не было, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов. Единственное, что успели сделать горожане, так это выставить охрану на обветшалых деревянных укреплениях.

В среду, 29 июля, на рассвете, когда город спал зыбким и тревожным сном, татары открыто подошли к его стенам. Они рассчитывали внезапно овладеть им и начать переправу через Оку, однако их хитрость удалась. Алексинцы мужественно встретили врага. Тогда нападавшие решили сжечь Алексин. На следующий день «татары веримет приметавшии зажоша град». В огне и дыму продолжали сражаться алексинцы, предпочитая смерть вражескому плену: «Граждане же одинако не предашася в руки иноплеменник, но изгореша вси с женами и детьми в граде том, и множество татары збиша из града того». Еще целые сутки бивали татары защитников города, и лишь в пятницу татарам удалось сломить их сопротивление. Сражаться же было некому, потому что жители изволиша згорети, нежели предатися татарам».

Когда-то, более двух столетий назад, жители Козельска предпочли умереть, но не сдать себя на милость ордынскому хану Батыею. Их подвиг повторили алексинцы. Они сгорели, но не «предались» новому татарскому завоевателю. Последние жертвы вековой борьбы русских людей с «нашествием иноплеменных»...

Уже на следующий день Иван III знал о нападении Ахмата на Алексин. Гонец проскакал 120 километров за одни сутки. Великий князь «в борзе» и «не вкусив ничтоже» двинулся на Коломну.

Он считал, что именно с этого направления следует ожидать нападения татарского хана. Но ошибся: Ахмат сделал попытку форсировать Оку недалеко от литовской границы. Русских войск здесь было мало, а татарское множество победоносно к ним». Завязался бой, в котором очень скоро начал ощущаться численный перевес врага: «Уже и стрел мало бьаше у них» и они уже «бежати помышляху». И все же татары вынуждены были отступить. Верхнего течения Оки подоспел полк Василия Верейского, а из Серпухова – князя Юрия Дмитровского. «Татары.. побегоша за реку».

Так был отбит этот большой и хорошо организованный набег золотоордынцев. Как знать, чем бы

закончился он, не будь в Диком поле сторожрусских порубежников. Они смогли обнаружены вовремя донести в Москву о начавшемся движении Большой Орды. Многие из них погибли, но свою задачу выполнили. Свою роль сыграли и мужественные защитники Алексина. Три дня, потерянные Ахматом при штурме этого города, позволили Ивану III совершить маневр силами и подготовиться отражению набега. Впервые татары возвратились в свои степи, уступив в поле боя противнику и не решившись вступить с ним в сражение. Моральная победа осталась на стороне русских.

В 1475 году в Москву прибыли ханские послы. По устоявшимся правилам великий князь должен был лично встречать кланяться им, поднося кубок с кумысом, а затем, стоя на коленях, выслушать грамоту хана. Иван Васильевич не встретил слов, сказавшись больным. Послы уехали, так и не добившись выплаты дани. Война с Ахматом становилась неизбежной.

К ней готовились обе стороны. Ордынский хан заключил союз против Москвы с польским королем Казимиром, рассчитывая на его помощь. Были установлены сроки нападения на Русь – весна 1480 года. Над Русской землей снова сгущались темные грозные тучи.

Иван III решил действовать так же, как и его противник, – так же, как и тебе союзника.

На его счастье, крымский хан Менгли-Гирей продолжал враждовать с Золотой Ордой и обещал великому князю содействие в его борьбе с Ахматом. Это обстоятельство имело важное значение в дальнейшем развитии событий.

В начале мая 1480 года дальние разъезды порубежников обнаружили движение орды Ахмата к верховьям Дона. С этого момента они неотступно следовали за каждым его шагом, стараясь определить направление главного удара. Сторожевые отряды татар расследовали порубежников, но они, спасаясь от погони, прятались среди высокой травы в зарослях камыша, ежечасно подвергаясь опасности быть захваченными врагом. Великий князь постоянно получал важные сведения о противнике. В середине мая он приказал начать развертывание русских войск по левому берегу Оки.

Для великого князя предстоящее сражение с ханом было главным делом его жизни. Он испытывал большую тревогу, прекрасно понимая, что на берегах Оки будет решаться судьба не очередной военной кампании, а всей Руси. Быть ей свободной или по-прежнему находиться в униженной зависимости – вот цена тех решений, которые будут приняты. Два с половиной века Золотая Орда паразитировала на теле Руси, питалась ее жительными соками, и вот теперь наступал момент, когда этому можно положить конец. Может быть, предотвратить предстоящее столкновение, «согласиться без кровопролития, на выплату дани, но это... гибельно для народа. Это унижительно для него, великого князя. Снова ездить в Орду за ярлыком, стоя на коленях... Нет, этому не бывать! Надо сбросить это постыдное ярмо! – твердо решил Иван Васильевич. – Но сбросить так, чтобы устоять на ногах!»

Он хорошо знал, как поступил решительный минуту его прадед Дмитрий Донской. Его великий предок встретил Мамай в верховьях Дона и разгромил его войско. Победа была блестящей, но и цена за нее слишком велика. Через полтора года Тохтамышу удалось без труда захватить Москву, потому что защитатее уже было некому. Воеводы и лучшие воины полегли на поле Куликовом. А у Орды – ввиду ее численности – силы нашлись.

«Шанс разгромить Ахмата в открытом бою у меня есть, – размышлял князь, – но ведь и риск большой! В случае неудачи сразу же жди удара в спину от литовцев и литовцев. Лучше встретитее на Оке и там дать решающий бой...»

Почти пять веков спустя, в переломный момент войны с немцами на Курской дуге, русские полководцы решали такую же по сложности задачу. Наступать или обороняться – вот вопрос, который стоял перед ними и от которого зависела судьба России. Можно было добиться победы и наступлением, но

все-таки решили разгромить врага от обороны. Расчет оказался верным, и немцы потерпели сокрушительное поражение. Опыт борьбы Ивана III пригодился потомкам в трудное для них время.

23 июля 1480 года из Москвы в Коломну выступили главные силы русских войск во главе с великим князем. Полчища Ахмата подошли к Оке чуть позже и остановились, не решаясь начинать переправу. Его разъезды постоянно искали слабое место в обороне, но так и не нашли. Тогда хан направил свои войска к устью Угры, чтобы преодолеть ее и ударить во фланг русским. Он намеревался сделать это скрытно, но просчитался: русские сторожевые посты и разъезды вовремя обнаружили маневр Ахмата и доложили великому князю. Тот тогда распоряжение направил в часть войск к устью Угры.

6 октября татарские разъезды появились на Угре. Начались бои. Везде ордынцы встречали организованное сопротивление. Впервые загремели русские пушки. Пять дней гремела канонада, а на шестой Ахмат приказал своим воинам прекратить тактику. Началось «стояние на Угре».

Приближалась зима. Наступили морозы. Угра покрылась льдом и уже не представляла преграды для конницы. Великий князь приказал русские полки отвести от берега и занять позицию в тылу, перекрывая путь татарам к Москве. Одновременно он решил вступить с Ахматом в переговоры. Хан требовал себе князя, заявив посланцу: «Жалую Ивана, пусть сам придет бить челом, как отцего к нашим отцам ездили в Орду».

Ахмат отказал в его требованиях, и стояние продолжалось. Иван III решил совершить рейд в тыл татарам, нанеся удар во главе с воеводой Ноздреватыми царевичем Нур-Даулет-Гиреем.

Получив сведения об этой угрозе, ордынский хан спешно отступил. Здесь свою роль сыграл крымский хан Менгли-Гирей. Часть ногайцев он направил в Золотую Орду, а вторую часть во главе с ханом Иваном – к русским границам, чтобы встретиться с возвращающейся с добычей войско Ахмата. Ногайцы напали на потерявших бдительность воинов ордынцев, разгромили их и захватили все, что они награбили. В этой схватке Ахмат погиб. Крымский хан не только помог московскому князю, но и покончил со своим опасным соперником.

Так «битвой без сражения» закончилось татаро-монгольское владычество на Руси. И хотя в этом «стоянии» Иван III не снискал себе ни громкой славы полководца, ни блеска личной храбрости государя, мудрость его как государственного деятеля очевидна. Он сберег силы для решения не менее важных задач как на восточных, так и на западных рубежах. В 1487 году ему удалось взять Казань и посадить на престол хана, лояльного к Москве, – Махмет-Аминя. В течение почти двадцати лет после этого на московско-казанской границе царил мир и согласие.

Не менее удачно действовал Иван III и на западном направлении. В 1500 году русские войска разгромили литовцев на реке Ведроше. В результате заключенного перемирия Русь возвратила в свой состав девятнадцать городов и около сотни мелких селений. Границы Московского государства отодвинулись на запад и проходили теперь по рубежу Дорогобуж – Гомель – Чернигов.

А в это время на юге Большая Орда доживала последние дни. После неудачного похода на Москву она превратилась в обыкновенный захудалый улус бывшей Великой империи и быстро шла к своему окончательному упадку. В 1502 году Менгли-Гирей уже не стоило большого труда нанести ей окончательное поражение и тем самым подвести черту под ее кровавой историей.

Событие это имело для охраны границ Московского государства самые непредвиденные последствия: казаки, исправно несшие свою службу десятилетиями, стали уходить на Дон. Они селились в бассейне рек Хопра и Медведицы, образовав «верховое казачество» с центром в Раздорах. Южные и юго-восточные границы оставались без охраны, наблюдения и защиты.

Встревоженная этим фактом жестра Ивана III, княгиня Рязанского княжества писала своему брату

Москву, что удержатъ казаков нет никаких сил, и просила у него помощи. На ее жалобы великий князь написал сердитое письмо, требуя, «чтобы княгиня запретила уход казаков на юг самодурью, а их бы ты, Аграфена, велела казнити, вдовым же и женским делом не отпиралась бы, а по уму бабью не учнешь казнити, ино мне велеть казнити продаватых в окуп...».

И все же, несмотря на строгие запреты, с южной границы ушло более четырех тысяч казаков. Ивану III пришлось принимать экстренные меры, чтобы комплектовать вограничную службу детьми боярскими и местными жителями – севрюками. Он хорошо знал, насколько опасны эти южные границы, и стремился к тому, чтобы они и впредь охранялись бдительно.

В 1488 году императорский посол Николай Попель предложил Ивану III ходатайствовать перед германским императором о пожаловании ему титула короля и услышал ответ полного достоинства силы: «Я государь на своей земле милостию Божией и ни от кого никаких титулов лучать не намерен».

Он был Великий Государь. Его упрекали и поныне упрекают в медлительности и нерешительности, даже трусости. Хочется сказать этим книжным «умникам»: побольше бы России таких «робких» государей, умных, спокойных и рассудительных, и, может быть, меньше бы крови пролилось на ее бескрайних просторах; может быть, в нашей стране больше было бы того, чего так не хватает нам сегодня; и, может быть, мы бы лучше извлекали уроки из прошлого, в том числе и в охране государственной границы.

«Утвердил землю свою заставами»

Василий III и охрана границ Московского государства

Утро 31 октября 1505 года застало нового московского государя Василия III в глубоком раздумье. Лишь вчера в каменной церкви Михаила Архангела он похоронил своего отца Ивана III и теперь остался один у руля огромной страны. Правда, в последние пять лет из-за болезни отца державой фактически правил он, Василий, всегда ощущая отцовскую поддержку, его твердую волю и зная, что в трудную минуту великий князь Московский, искушенный в государственных делах, поможет ему найти верное решение. Рядом находилась и мать – Софья Палеолог, многоопытная женщина, хорошо знавшая жизнь, людей, воплотившая, казалось, в себе все древние традиции византийского двора. Теперь все изменилось. Родители ушли из жизни, боярская дума слишком цепко держалась за удельную «старину», а родные братья тоже вряд ли заинтересованы в усилении власти великого князя... Так что надеяться не на кого, рассчитывать следовало только на себя, свои силы.

Тревожили нового царя и государственные границы. Все они были беспокойны и требовали постоянной вооруженной защиты. Хотя польско-литовское государство потерпело ряд поражений в войнах с Русью и турками, оно продолжало удерживать исконно русские земли и угрожать новыми военными вторжениями. На русско-литовской границе не прекращались вооруженные стычки, грабежи и разбои. Кроме того, в Литве продолжались преследования русских людей по религиозному признаку. Православных христиан, отказывавшихся принять католичество, лишали гражданских прав и права государственной службы. Их считали язычниками, лишеными божественной благодати, и принуждали к новому крещению. Все это создавало политические условия, требовавшие вмешательства Москвы.

Василий III знал, что на южных и юго-восточных границах десятилетиями шла непрерывная, тяжелая, изнурительная борьба с татарскими ханствами, жившими грабежом и разбоем. Он видел крушение Большой Орды, от власти которой освободился еще его отец, Иван III. Дань Орде перестали платить в 1480 года, а в 1502 году она распалась.

«Конечно, – размышлял князь, – Казанское ханство, Крымское и Ногайская орда, кочевавшая между Доном и Волгой, слабы, и тягаться с могучей, все набравшей мощь Русью уже не по силам, но беды принести могли они много. Самые опасные соседи – крымчаки. Далеко отделены они от московских владений пустынной степью и поэтому недоступны для нападения тяжеловесной малоподвижной рати москвичей. Иное дело – легкая конница крымчаков. Каждый всадник имеет запасных коней; в походе кони питаются травой, а всадники – конским мясом и кобыльим молоком. Быстро и стремительно врываются они в русские земли и столь же быстро исчезают, увозя с собой множество «полон» – мужчин, женщин, детей. В Кафе – Феодосии – у них невольничий рынок, где несчастных пленников грузят на корабли и развозят на продажу».

Василий знал, что его отец очень заботился о «береговой службе». Ежегодно посылал он на пограничный берег Оки несколько десятков тысяч воинов во главе с опытными воеводами, где они поджидали все лето до глубокой осени, «пока снега землю не укинут», татарские юсты. А на юг, до самого Дикого поля, высылал он сторожевые посты, «притоны» и разъезды, «станции» конных ратников – сильных, смелых и отважных воинов. Это были «дети боярские» и служилые «городовые» казаки. Зорко всматривались они в беспредельные южные степи, чтобы неприятели «на государевы украины войной

безвестно не приходили».

Василий сам видел, как несли ратники эту опасную службу. В степях растут огромные дубы, с высоты которых можно было видеть все далеко вокруг. Сидит порубежник на высоком дереве и высматривает те скачетли вдалеке чамбул – конный татарский отряд. Кругом ни души, только волнует серый ковыль да шумные вихри проносятся мимо, обдувая свежим дыханием разгоряченные, загорелые и обветренные лица пограничных сторожей. Внизу, под деревом, в полной готовности сидит второй ратник держит оседланными двух коней. Как только в степи поднимается пыль от копыт татарских коней, сторож на дереве зажигает факел, быстро спускается на землю и вместе со своим товарищем скачет к ближайшему гарнизону. Татары, заметив огонь, пытаются согнать ратников. Бешено мчатся кони по безлюдной степи, поднимая за собой рыжие шлейфы пыли и распугивая степных обитателей сурков, лисиц, зайцев. Крепко сцепившись в конские гривы и пригнувшись к луке седла, скачут отчаянные порубежники. Они надеются только на своих быстроногих коней да на свою силу, ловкость смекалку; иначе не избежатым удара кривой татарской сабли...

В гарнизонах, увидев вспышки факела и скакавших всадников, поднимают тревогу, трясают вонцов в другие города и в Москву, собирают войска. Хищные кочевники растекаются по русским селам и деревням, хватают пленных и начинают отход. Русские на своих свежих конях их преследуют, рубят, дают, освобождают пленных и отпускают домой. И это повторялось ежегодно, по многу раз. Тяжких усилий требовалась борьба от народа и государством жертвы были не напрасны. Непрошеным гостям все чаще приходилось уходить к своим кочевьям с пустыми руками. «Но когда же закончится это несчастье для Руси?» – думал Василий.

Он не знал, да и не мог знать, что еще двести лет потребуются России, чтобы оттеснить кочевников от своих границ и выйти на безопасные рубежи. Двести лет тяжелой, изнуряющей борьбы... И как нужно беречь и любить Россию сегодня, чтобы многовековой ратный подвиг русского народа, понесшего в ходе этой борьбы неслыханные лишения и страдания, не остался втуне, не подвергнулся забвению, а был по достоинству оценен потомками! Кто расскажет сегодня покоренной западной «культурой» молодежи, что у нас есть собственная гордость, которая не оценивается ни долларами, ни марками, ни фунтами стерлингов? Кто сможет сплотить русский народ на идеях патриотизма, любви, сострадания ближнему, а не на бесконечной погоне за все ускользающим «золотым тельцом»? Наверное, это может сделать только сам народ, каждый из нас. Я говорю о русском народе, потому что только одному принадлежит честь создания России и только он способен сегодня вновь возродиться...

Душа Василия III горела желанием продолжить дело отца, закончить объединение Руси, сделать ее сильной и могучей. Вероятно, отсюда проистекали его твердость, неуступчивость, упорство, а иногда и жестокость. И тогда в сырое осеннее утро 1505 года, он напряженно думал о том, как править страной, как добиться целей, поставленных еще его отцом, Иваном III?

Потомки оценили Василия III не очень лестно – посчитали его чересчур жестоким, хитрым, упрямым, расчетливым и эгоистичным, отдавая, впрочем, должное его неустанной борьбе за единение Руси, назвав «последним собирателем Русской земли». Может быть, оно и так, если взвесить его дела на современных весах и измерить мерками сегодняшнего дня... А ведь он жил и правил пять веков назад, когда уровень знаний, обычаи и нравы были совершенно иными.

Попытаемся мы за толщью веков рассмотреть, как этот один из последних князей из династии Рюриковичей, правил Русью и укреплял безопасность ее границ.

Василий унаследовал от своих родителей твердость отца, гордость и достоинство матери, византийской принцессы Софьи Палеолог. Он не любил бояр, не доверял им и считал своими врагами, так как знал, что они не желали его восшествия на престол. Их советам он не доверял и не терпел их стороны

даже малейшего противоречия. За «высокоумничанье» холмский князь Василий был посажен в тюрьму, а сын боярский Беклемишев лишился головы за непристойные речи о государе и введенных им порядках. Митрополит Варлаам вознамерился было «почаловаться» перед государем за опальных бояр, но был лишен сана и отправлен в монастырь. Его племянник Дмитрий, заключенный еще Иваном III в тюрьму, и при нем содержался в строгом заключении, где и умер в 1509 году.

Упрочив свою власть, новый государь обратился к главной цели – «собирацию» русских земель и укреплению безопасности внешних границ. Прежде всего необходимо было вернуть старинный русский город Смоленск, уже 110 лет находившийся в руках Литвы. Он занимал выгодное стратегическое положение, так как находился на прямом пути из Литвы к Москве, и овладение им создавало прочную пограничную базу, прикрывавшую путь к столице Руси.

20 августа 1506 года умер бездетным великий князь литовский Александр. Василий III, действуя через свою сестру, вдову умершего князя, пытался мирным путем достигнуть желаемого – занять освободившийся трон и присоединить к Москве литовские земли. Эти надежды молодого царя не оправдались: началось обострение русско-литовских отношений.

В марте 1507 года в Москву прибыло посольство от нового литовского великого князя Сигизмунда с требованием получить земли, вернувшиеся к России в ходе последних войн. Русский государь, естественно, отказал. Начались боевые действия, но с обеих сторон они велись вяло и сопровождалась большими разрушениями. В 1512–1513 годах русские войска дважды штурмовали Смоленск, но взять его не смогли. Василию III приходилось думать о своем тыле. Крупные соединения русских войск он вынужден был держать в Туле, на Угре и в землях Стародубского княжества, чтобы прикрыть Москву от набегов крымчаков и казанцев. Не хватало осадной артиллерии.

Государь сделал правильные выводы из первых неудач. В Москве в «Пушкарской избе» стали пешно отливать новые осадные пушки, а в крупных городах создавать подразделения «пищальников», на вооружении которых, кроме холодного оружия, имелись пищали. Фактически зарождались новые пехотные и конные войска, вооруженные ручным огнестрельным оружием. Формировались эти войска в основном из вольных людей, и служба их была пожизненной. Части пищальников получали за свою службу землю, на которой селились семьями, и жалованье. Каждый воин вооружался пищалью, имел запас пороха, свинца и продовольствия. Зарождение постоянных войск имело важное значение не только для исхода русско-литовской войны, но и для развития вооруженных сил Московского государства. Русь по уровню организации и вооружения своих войск становилась в один ряд с ведущими европейскими державами.

Летом 1514 года Василий III появился у стен Смоленска с восьмидесяти тысячной армией при 140 орудиях и двух тысячах пищалей. 29 июня мощная артиллерийская канонада буквально потрясла защитников города. Первый же артиллерийский залп попал в пороховой погреб. Раздался сильный взрыв. Крепость куталась дымом и гарью. Начались пожары. Скоро под давлением горожан наместники воевода запросили мира. Обстрел прекратился. Начались переговоры о сдаче города.

Условия, предложенные Василием III, были самые мягкие. Он обещал управлять городом «по старине» и «не вступаться» в отчины бояр и монастырей, а также принять на русскую службу всех пожелавших и выдать каждому по два рубля и по куску английского сукна.

Смоленск принял предложение московского государя и отворил ворота. Воевода Даниил Щеня вступил в город, привел его жителей к присяге, и 1 августа в Смоленск торжественно въехал Василий III.

Радость его была беспредельна: это его первая, по-настоящему крупная победа. Звон колоколов, улыбки и приветствия горожан вызывали у него восторги и гордость за Русь. Он смеялся, шутил, впервые

почувствовав себя счастливым человеком. «Отныне здесь будет развеяться флаг России, – сказал он своим приближенным, – и никогда, ни при каких обстоятельствах должно опускаться!»

Смоленск был возвращен в свою «отчину», а война продолжалась. Русские и литовские войска встретились под Оршей. Воеводы Василия III Челяднин и Голицын действовали несогласованно, нерасторопно не смогли вовремя привести свои полки в боевой порядок. Они оказались неспособными противостоять маневрам литовской конницы, переправившейся через Днепр и атаковавшей русские войска. Русская конница выступила навстречу литовцам, но была отброшена. Сражение оказалось проигранным. С большими потерями русским войскам пришлось отступить.

Война на этом не прекратилась, а велась еще несколько лет. Сигизмунд попытался в 1517 году взять штурмом город Опочку, но русские, совершив стремительный марш, наголову разгромили его армию. После заключенного перемирия Смоленск остался в Москве.

Крымский хан Мухаммед-Гирей воспользовался событиями на русско-литовской границе и в 1516 году с двадцатитысячным войском ворвался в Московские пределы и осадил Тулу. Василий III выслал против него свои лучшие войска под начальством «детей боярских». Чтобы сковать маневр легкой татарской конницы, в тыл басурман выслал пешие и конные отряды, которые по его приказу «засекли им дороги» и «многих татарюбиша». Вскоре полки больших воевод атаковали торгшихся кочевников с фронта «начаша татарю топтали по дорогам их и по бродам бити, и иных многих живых изимаша».

Победа русских войск была обеспечена тем, что Василий, предвидя вторжение крымцев, хорошо организовал пограничную сторожевую и разведывательную службу. По свидетельству летописца, русский царь в 1512 году «утвердил землю свою заставами». Тогда же он утвердил «ропись» русских полков для обороны «крымской украины». Они располагались по берегам пограничных рек: Оки, Угры и Упы. От больших городов высылались военные отряды на строго определенные участки границы. К примеру, «перевоз на Кашире» охранял отряд из Великого Устюга. Как отмечено в московской летописи, здесь «стояла устюжская застава на стороже на реке Оке, на устье реки Угры, от Орды».

До нас дошел «Наказ к угорским воеводам», подписанный Василием III в 1512 году. Этим военачальникам, охранявшим берега реки Угры, предписывалось:

«Людей расставити по берегу, вверх и вниз по Угре до устья, по всем местам, где пригоже». Одновременно воеводам вменялось не ограничиваться обороной, вести активные боевые действия «за рекой», сосредоточивая, однако, основные усилия на оборонительной линии, где имать «детей боярских помногу, и пищальников, и посошных».

Все это создает представление о том, как много жертв и усилий требовалось от Московского государства, чтобы отбить бег своих воинственных соседей.

Василий пытался обезопасить страну от набегов крымцев дипломатическими мерами. В ставку крымскому хану он неоднократно высылал послов с дорогими подарками, однако отношение к ним там было унижительное для Русского государства. Послов уже на въезде встречало множество князей, царевичей и мурз, которые требовали «поминок», и перед ними клался «батог» через который послы не имели права переступить, не заплатив «пошлину». За отказ платить послы подвергались унижениям: их оскорбляли, били, сажали «в цепи».

Московский государь решил не допускать такого унижения. Он наказывал послам, чтобы они «пошлин ни кому, ни под каким видом, ни царю, ни царевичам, ни князьям, ни царевым людям никак ничего не давали». «Если же бросят батог», – говорил Василий, – и станут просить пошлин у «батобага» – не давать и идти прямо к царю через «батобга». А если у дверей царевых станут просить пошлины, и тут ничего не давать... Пусть посол всякий позор над собой вытерпит, пошлину не должен дать. Не напишется хан

братом князю в «шертной» грамоте «брату не брать».

Ханы же пытались сохранить прежние отношения, когда Русь находилась под властью Большой Орды. Русским государям они по-прежнему «писали себя отцами московским князьям и требовали дани... сопровождая эти требования угрозами». Василий III пытался изжить эту психологию покорности у русских людей, хотя сделать это после многовекового господства было не просто.

Отношения Василия III с крымским ханом осложнились из-за Казани. Крымчак хотел видеть там своего ставленника, обещал за это русскому князю поддержку в войне с Литвой. Союз двух татарских государств мог таить себе серьезную угрозу Москве, и поэтому Василий III, на словах поддерживая крымского хана, на деле же старался не допустить этого. Он ставил на казанский трон людей, угодных ему.

Хан Мухаммед-Гирей решил вооруженной силой укрепить свое влияние в Казани. 21 июня 1521 года он неожиданно с огромным войском появился на берегах Оки. Шел ночами по известным только ему дорогам, ориентируясь по звездам, уничтожая пограничные заставы коршо подготовленными отрядами легкой конницы. Московские воеводы оказались застигнутыми врасплох.

Василий III спешно выслал против татар свои резервные полки во главе со своими братьями Андреем Старицким и Дмитрием Бельским, но они были поодиночке разбиты. Князья Курбский и Шереметев пали в бою. Великий князь покинул Москву и ушел на север собирать новые силы. Оборону столицы он поручил свояку – крещеному татарскому царевичу Петру. В то же время казанский хан Саип с войсками вторгся в Нижегородскую и Владимирскую земли, подвергая их страшному разорению. Положение столицы стало критическим.

Мухаммед-Гирей подошел на несколько верстк Москве и послал требование, чтобы великий князь обязался платить ему дань. Для переговоров был послан царевич Петр с письменным обязательством, что Москва будет платить Крыму дань и в пользу казанского хана уплатит 60 000 алтын. После подписания договора Мухаммед-Гирей вместе с днепровскими казаками, возглавлявшимися Евстафием Дашковичем, бежавшим из Москвы в Литву, отошел к Рязани и попытался взять ее штурмом. Но горожане были начеку и атаку отбили. Надежд на овладение городом силой у татар не было, так как с севера Василий направил по следам крымчаков крупные воинские силы, и тогда они вознамерились взять его хитростью – предложить рязанцам переговоры и под их предлогом, когда те откроют ворота крепости для проезда послов, ворваться в их стан. Однако этот хитрый замысел басурманам не удался – оборонявшиеся во главе с воеводой Хабаром Симским его разгадали. Они со всеми предосторожностями открыли ворота и пустили татарских послов с договорной грамотой о мире с Москвой. Хабар Симский отклонил все требования послов, а договорную грамоту удержал у себя. После этого по его команде с крепостных стен открыла огонь артиллерия, и татары, столпившиеся у дорог и приготовившиеся к стремительному броску, были рассеяны. Мухаммед-Гирей двинул свою орду на Астрахань с ходу овладел ею, но радость его была недолгой; ногайские князья неожиданно напали на стан потерявших бдительность крымчаков и разгромили его. Мухаммед-Гирей погиб. Было убито много татар, много пленено. Преследуя разбитого врага, ногайцы ворвались в Крым и начали его опустошать. Союзник крымского хана Евстафий Дашкович проник в Крым с другой стороны, тоже подверг его разрушению.

В Русской земле тяжело отозвалось «посещение» Мухаммед-Гирея: тысячи русских пленников появились на невольничьих рынках в Астрахани. Кафе, на местах и деревень дымилась развалины.

Эти печальные события побудили Василия III по-новому взглянуть на защиту южных и юго-восточных границ. Он решил начать строительство всех и других оборонительных сооружений на путях вторжения кочевников. Конечно, Василий Иванович понимал, что построить засеки от Чернигова до Нижнего Новгорода и Казани невозможно и слишком обременительно для казны, но главные татарские влиятельные все же следовало «лесом зарубить», особенно броды рек Оки и Угры. Во многих городах, находившихся под

защитой деревянных стен, возводились каменные, как, например, в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске. В самой Москве выложен был камнем ров около Кремля, а гостиный двор обнесен каменной стеною. «Пушечная изба» развертывалась и превращалась в «Литейный двор». Расширялся и «Зеленый» (т. е. пороховой. – Авт.) погреб. Развивалась выделка ручного огнестрельного оружия. В Москве, Новгороде, Пскове и других городах создавались новые полки пищальников, повышалась их боевая подготовка.

Для наблюдения за степью и разведки стали использоваться не только городские, но и донские казаки. Общей целью стал борьба против Крыма и других азиатских ханств. Донским казакам направлялись необходимые средства и вооружение. «Городовые и служилые» казаки своими дозорами связывались с донскими казаками и получали от них необходимую разведывательную информацию. Василий Иванович мог иметь теперь через казаков данные об обстановке во всей степной полосе вплоть до Крыма.

Василий через свое посольство в Турцию пытался повлиять на крымского хана. Турецкий султан Селим писал в Крым татарскому хану: «Слышал я, что ты хочешь идти на московскую землю, – так береги свою голову; не смей ходить на московского, потому что он друг великий, а пойдешь – такя пойду на твою землю...»

Угрозы тем не менее мало действовали на крымчаков. На предупреждения турецкого султана крымский хан отвечал: «Если я не стану ходить на валашские, литовские и московские земли, то чем же я и мой народ будем жить?..»

Русскому князю тоже приходилось рассчитывать на миролюбие крымских татар, принимать меры по укреплению безопасности своих подданных и огромных, но слабо защищенных границ государства. Кроме того, постоянная угроза для Москвы таилась в набеге не только крымчаков, но и казанских татар. Василий не мог смириться с тем, что вместе с Мухаммед-Гиреем в последнем набеге участвовали казанский хан Саип-Гирей.

Против Казани были двинуты московские войска. Хан Саип сбежал в Крым, оставив своим преемником племянника – тринадцатилетнего Сафа-Гирея. Казанцы обратились к Василию III с просьбой утвердить его на троне. Князь согласился и выслал в Казань свое посольство, но к этому времени Сафа-Гирей изменил свое решение и нанес оскорбление московскому послу.

В 1530 году Василий послал под Казань ратьсудоходную, конную и пешую во главе с воеводами Иваном Бельским и Михаилом Глинским. Казанцы просили мира, дали клятву воеводам никогда не нападать на московские земли и направили посольство в Москву. Было решено на ханский стол в Казани поставить сына из семьи Гиреев, состоявшего на службе у московского князя. Кроме того, Василий построил в казанской земле город Васильсурск и, чтобы ослабить благосостояние Казани, открыл ярмарку близ монастыря Макария Унженского, приказав русским купцам съезжаться туда вместо Казани. Таким образом было положено начало знаменитой Макарьевской ярмарке, переведенной позднее в Нижний Новгород. На данном этапе Казанью было покончено благополучно.

В 1523 году Василий III присоединил к Москве Новгород-Северское княжество, прикрывавшее юго-восточные границы Руси. Государь обвинил новгород-северского князя Василия Шемячича в том, что он, зная о походе крымских татар на Москву в 1521 году, не предупредил его. Шемячич был заточен в тюрьму. Юго-западный угол московской территории казался выдвинутым далеко вперед. Началось постепенное продвижение на юг от реки Оки в области «Дикого поля», что сужало татарскую юльницу, прижимая ее к Черному морю. Позднее здесь были построены укрепленные города, которые образовали Тульскую оборонительную линию, защищавшую Русь с юга. Еще раньше, в 1510 и в 1517 годах, Василий III присоединил к Москве Псков и Рязань, что значительно укрепило могущество Руси перед лицом постоянных внешних угроз. «Москва и впрямь может стать третьим Римом», – шутил князь, вспоминая

письмо, которое прислал ему инок псковского монастыря Филофей. «Да весть твоя держава, благочестивый царь, яко вся царства православных христианские веры снудошася в твою едино царство. Един ты во всей поднебесной христианам царь... яко два Рима падоша, а третий тоитя четвертому же быти, — уже твоё христианское царство иным не останется...»

Тем не менее папа римский Лев X не оставлял попыток подчинить православных христиан римской церкви. Василий III получил от него письмо следующего содержания: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римской церковью, не умаляя их добрых обычаев и законов; хочет только поддерживать эти обычаи и законы, грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы, патриарх Константинопольский в турецких руках. Папа, зная, что в Москве есть духовенство и митрополит, хочет его возвысить и сделать патриархом, как был прежде Константинопольский и аиянейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем...»

Василий понимал, что все это дипломатическая игра, призванная скрыть ту истину, что православие на Руси хотя и имеет католическое происхождение, но никогда не смог бы смириться с этим, как не смиряются этим все его подданные. И он отверг эти домогательства вежливо, но твердо: «Государь наш Божьей волею от прародителей своих закон греческий держал крепко, таки теперь волею Божьей крепко держать хочет». В Рим он отправил пышное посольство.

В последние годы царствования в жизни Василия случилось событие, которое отразилось не только на его личной судьбе, но и всей России. Однажды, посетив дворец князей Глинских, он встретил там молодую женщину изумительной красоты — Елену. Стройная, гибкая, как лоза, с огромными черными глазами и копной густых, волнистых, цвета воронова крыла волос, она произвела на него настолько сильное впечатление, что на всю оставшуюся жизнь он стал пленником любви к ней. Несомненно, эта женщина обладала огромной магической силой. Чтобы ни делал князь — ехал ли на войну, охотился в подмосковных лесах или принимал иностранных послов, всегда перед его взором неожиданно всплывал ее чарующий образ, и он думал: «Я, великий государь, располагаю жизнью и смертью многих тысяч своих подданных, но не могу приказать своему сердцу остановиться замолчать».

Дома с нескрываемой тревогой во взгляде его встречала жена Соломония. Тоже некогда красавица, теперь уже потерявшая быллой блеск и обаяние, она становилась ему все более далекой и чужой. «Надо развестись с ней, — думал Василий Иванович, — тем более есть причина: у нас нет детей». Не остановила его и христианская заповедь: «Что соединено Богом, да не разлучают туди».

Василий обрел союзника в лице митрополита Даниила, от которого он получил разрешение церкви на развод с Соломонией. Против этого шага царя выступил видный церковный иерарх Вассиан Патрикеев, однако государь приказал свою добродетельную, но неплодную жену постричь в монахини.

Испрашивая разрешение на новый брак у восточных патриархов настоятелей фонских монастырей, Василий получил от всех отказ, причем Иерусалимский патриарх Марк в пророческом духе писал ему, что если он, вопреки церковным канонам, дерзнет вступить в законопреступный брак, то будет иметь сына, который удивит весь мир лютостью и в это не остановит князя. Его новая избранница, Елена Глинская, 23 августа 1530 года родила столь ожидаемого наследника, в крещении нареченного Иоанном.

Народная молва донесла, что в это время над Москвой бушевала гроза. Огромные молнии сверкали почти беспрерывно, а раскаты грома слились в мощный, потрясающий гул. Василий и весь православный люд радовались наследнику, но радость эта после его восшествия на престол сменилась вскоре горем: Иоанн оказался очень жестоким царем, за что и был наречен Грозным.

Вот такая жизнь князя Василия переплелась с судьбой народа...

Но жизнь на Руси продолжалась, и ничто не могло остановить могучую поступь набравшего силу

Московского государства. Оно росло и крепло под бдительным надзором чудо-богатырей – старорусских воинов-пограничников. Они несли свою полную опасность и лишения службу на самой краешке Русской земли, не помышляя о почестях и славе, а лишь о том, чтобы преградить путь тем, кто пытался мечом проникнуть в ее пределы. И в это великое дело вложил часть своей души и сердца великий Московский Божией милостью государь Василий III.

«Царь пошёл на своё дело»

Иван Грозный и охрана границ Московского государства

Крымцы торопились. Пригнувшись к конским гривам, они гнали своих низкорослых лохматых лошадок крупной рысью, настороженно озираясь, готовые в любой момент выхватить из ножен кривые сабли, чтобы яростно обрушиться на врага. Высокая трава надёжно скрывала их от постороннего взгляда, и только серое облако пыли да тяжёлый топот конских копыт наруживали их стремительное движение.

Иван Грозный

Здесь, в чужой и полной неожиданностей земле, всадникам на каждом шагу чудилась опасность.

Кони устали, лора было дати́м отды́х перед броском в деревни и села «урусов».

Впереди показалась река с широкой поймой, заросшей густым жостарником. Татары спешили, стали поить коней. И в тот же миг со всех сторон выскочили воины в высоких шлемах, железных кольчугах и бросились на пришельцев. Зазвенели сабли, раздались крики раненых, и через несколько минут все было кончено: враг уничтожен, а его коварный замысел сорван. Это сделали порубежники – отважные ловкие воины, охранявшие передовые границы Московского государства.

Порубежники. Испокон веку знали и любили их на Руси. Слагали о них песни, былины. Несли они свою службу на самом краю земли русской, в Диком поле, где бродили орды кочевых племен. Спрятавшись в густой степной траве или в кронах высоких деревьев, наблюдали за полем зоркие стражники. Здесь побеждали сильные, умевшие перехитрить врага и постоять за себя. Иных степь не принимала. Они-то и охраняли границы Московской Руси.

В сложное время правил Московским государством Иван Грозный. Распряившаяся после унижительного татаро-монгольского владычества великорусская нация никак не могла обрести покой и безопасность: слишком велико было желание многих соседей надеть на нее новое ярмо. Некогда могущественная Золотая Орда распалась, но возникшие на ее развалинах ханства по-прежнему обескровливали русский народ. Крымцы, ногайскими хищниками кружили у границ Московии, внезапно и стремительно врывались в ее пределы, грабили, убивали, уводили в полон тысячи русских, воскрешая в памяти ужасы Батыева нашествия. Молодое государство находилось в кольце врагов. И неоткуда было ждать помощи или хотя бы дружеского участия. Рассчитывать приходилось только на собственные силы. Отсюда проистекала первейшая забота московских государей – зорко беречь границы государства от набегов многочисленных врагов, защищать Русь Святую, укреплять ее могущество.

Не было стабильности в отношениях с западными и северо-западными соседями. Слишком явно ощущалась их недружественная политика по отношению к Москве: претензии на новгородские, псковские и северские земли, попытки захватить торговые пути на Восток, отрезать Россию от Балтийского моря.

Иван Грозный был весьма озабочен охраной российского порубежья. Ежегодно доставлялись в Разрядный приказ подробные росписи всем сторожам станиц (сторожские станицы – виды пограничных нарядов, используемых в то время для охраны границы), охранявшим границу в течение года. В них записывалось «в которых местах кто именно на поле стоял из каких городов и по сколько человек с ними боярских и казаков». Он хорошо понял, что для борьбы с ногайцами и крымцами есть только одно верное средство – постепенное заселение степи надежной охраной границы. И действовал в этом направлении с усердием человека, убежденного в верности задуманного. Об этом свидетельствуют исторические факты.

В феврале 1536 года, после многих лет страшной вражды, Иван IV подписал с ногайским ханом по имени Шийдяк «шертную» – клятвенную грамоту, закреплявшую принципы добрососедства и сотрудничества в военных вопросах. Чуть позже удалось подписать такие же грамоты с ногайскими мурзами Мамаем, Юсуфом, Шихматом и Измаилом. Они также обязались совместно с русскими воинами охранять «украины» (окраины) Руси от нападений врагов и не «чинить грабежу» иностранным купцам, едущим с товарами в Москву. Казалось, отношения с опасным соседом налаживаются и на порубежье Руси приходит долгожданный мир. Но случилось непредвиденное – добытый с таким трудом зыбкий и неустойчивый мир осенью того же года подвергся испытанию.

Разъезды порубежников неожиданно обнаружили группу татар численностью около семидесяти человек,двигающуюся вдоль Волги в сторону Казани. Вскоре она была задержана передовым отрядом русских воинов. Среди прочих в ней оказались и посланцы крымского хана, сопровождаемые шестьюдесятью всадниками ногайского мурзы Келмагмета. Крымчаки поддерживали в Казани «крымскую» партию, действовавшую весьма активно против сближения с Москвой, и поэтому все они,

вместе с ногайской охраной, были доставлены в Москву и брошены в тюрьму.

Началась «дипломатическая» переписка, которая продолжалась больше года. Разгневанный Шийдяк писал Ивану Грозному, что, если он откажется платить дань и не выпустит плененных, «меня другом и братом не зови». Надо было решать: либо платить дань и освободить пленных, сохранив мир, либо готовиться к войне с ногайцами. Советники подсказали молодому царю, что худой мир лучше доброй ссоры, и 21 июля 1538 года прибывшим в Москву послам хана Шийдяка была объявлена воля Ивана IV: плененных на Волге ногаев выпустить из тюрьмы и разрешить им свободно торговать с Русью, а хану выплатить жалованье».

Мир на границе был сохранен, но ненадолго и лишь в одном месте. В этом же году крупное татарское войско Казанского ханства совершило большой поход в Среднее Поволжье, угнав в неволю около тысячи человек. Не было покоя русскому народу от татарских набегов. Надо было принимать более эффективные меры к защите населения, укреплению границ. И царь решился на смелое предприятие: военный поход на Казань.

Дважды совершил его Иван IV: в 1547–1548-м и в 1549–1550 годах, и оба раза неудачно. Главная причина состояла в том, что у Руси поблизости от Казани опорной крепости, через которую можно было бы снабжать войско. Вернувшись из похода, Иван Грозный увидел вещий сон, в котором ему было указано место будущей крепости – гора Круглая в устье Свяги, в пятнадцати верстах от Казани. Царь загорелся идеей, поручив строительство крепости дьяку Ивану Выродкову.

Прошло только три с половиной месяца после возвращения Ивана Васильевича из казанского похода, как в Москву прискакал гонец из Путивля. Тамошний наместник князь Семен Васильевич Шереметев докладывал, что на южные окраины Руси «пришли люди многия» крымские. Надо было не мешкая собрать войско и подготовиться к отпору крымчакам.

Посоветовавшись с ближайшим окружением, царь решил «идти самому на Коломну, а выйти из Москвы июля двадцатого, на Ильин день...». Войска должны были спешно собираться в Коломенском. Здесь находилась укрепленная линия Русского государства – Засечная черта, которую не раз разбивались усилия татарской конницы. В книге Разрядного приказа появилась короткая записка: «Царь пошел на свое дело в Коломну».

В эту крепость Иван Грозный прибыл в начале августа и сразу же сюда прискакал гонец, который сообщил:

«На мещерские и рязанские места пришел царевич крымский, а с ним 30 тысяч войска».

Полки развернулись и стали готовиться к бою, но татарского не приняли. Узнав, что в Коломне находится сам царь, они повернули назад, грабя и опустошая все, что попадалось на пути. Еще десять дней ожидал крымцев Иван Васильевич, а затем решил оставить три полка в Рязани для борьбы с татарами, если они вздумают вернуться. Воеводой большого полка был назначен князь А.Б. Горбатый-Шуйский, передового – князь М.Л. Морозов, а сторожевого – князь М.И. Воронов-Волынский. Для охраны подступов к Рязани в город Пронск посадили воеводой князя А.М. Курбского, а по берегу речки Коломенки расположили сторожевые тригоны.

Взятие Казани Иваном Грозным

Создав таким образом глубоко эшелонированную охрану южной границы, Иван Васильевич в конце августа вернулся в Москву. Столичный люд приветствовал его весело и шумно, радуясь тому, что удачно отпугнули крымчаков.

Неожиданное нападение ордынцев не поколебало решения царя покорить Казанское ханство. В мае 1551 года в устье Свияги начали возводить крепость из заранее заготовленных блоков, а спустя четыре недели здесь вознесся новый город, который отныне должен был стать важной опорой Москвы в борьбе с Казанью. Участь Казанского ханства была предрешена. После нескольких часов упорнейшего сражения 2 октября 1552 года Казань пала. Ханства на Волге, принесшее так много бед Руси, перестало существовать.

Иван Грозный праздновал победу недолго. С южных границ пришло известие, что крымский хан Девлет-Гирей готовится походу на Москву, 2 июня 1553 года царь со своим войском выступил в сторону Коломны, погнав на Засечную черту передовые отряды. В августе они встретились с крымской конницей. Произошло несколько кровавых стычек, но на этом дело и закончилось. Крымчаки поспешили убраться

восвояси.

Прошло около двух лет, и Ивану Грозному снова пришлось садиться на коня. С южной границы сообщили, что Орда опять готовится к походу на Москву, однако время ее выступления не было точно известно. И царь решил выслать отряд казаков во главе с князем Ржевским, чтобы провести глубинную разведку. Князь с казаками должен был идти из Путивля на Днепр, затем по реке скрытно подобраться к татарским улусам, захватить язык и, выяснив намерения татар, немедленно донести в Москву.

Однако этим царь не ограничился. На легких судах вниз по Дону был направлен второй разведывательный отряд. Ему была поставлена задача вести наблюдение, опрашивать местных жителей, чтобы с полной достоверностью узнать намерения врага. И это принесло желаемые результаты.

Вскоре Москве стало известно, что Девлет-Гирей с войском выступил из Крыма, а запасов всяческих он велел брать на целое лето. Можно было предположить, что хан собирается не только пограбить пограничные города и села, но и совершить набег в глубь страны.

Снова Иван Васильевич повел свое войско на Засечную черту, однако на этот раз предполагалось дать бой татарам южнее Тулы, в Диком поле, чтобы они не ушли отвозмездия, как это было раньше.

Теперь царь расположился не в Коломне, а в Серпухове. Здесь на реке существовал так называемый Сенькин переход, которым в последнее время все чаще стали пользоваться татары, поэтому сюда и выдвигались русские сторожевые отряды.

Вскоре князь Ржевский прислал грамоту из-под Ислам-Керменя, в которой сообщал, что его поход против крымских татар проходит успешно. Он напал на их улусы, основательно разрушил, пожег, а многих крымцев захватил в плен. Князь прислал также несколько пленных, которые и подтвердили все сказанное в грамоте.

Прислал донесение и Чулков, начальник высланного на Дон отряда, сообщая, что близ Азова встретил отряд крымцев человек в двести, напал на него и полностью разгромил. Пленные подтвердили: их хан действительно готовил поход на Русь, но, узнав от своих лазутчиков, что царь с войском выступил ему навстречу, повернул обратно.

На этот раз Иван Грозный решил перед возвращением в Москву осмотреть Засечную черту – он хотел лично убедиться в надежности оборонительных сооружений на южной границе. Целый месяц царь осматривал укрепления, и в результате было решено возвести вторую линию Засечной черты. Сооруженная позднее, она шла с востока на запад, от Алатыря на Суре до Орла, откуда отклонялась сперва к югу, а потом к юго-востоку и заканчивалась у Рыльска и Путивля.

Укреплялась не только южная граница. После покорения Казанского, а позднее и Астраханского ханств надо было обезопасить восточную границу по Волге, чтобы защитить население и торговый путь от набегов.

В 1555 году здесь была размещена пограничная охрана из стрельцов и казаков – Хоперский полк, которому царь лично вручил знамя. На рубежах, обращенных к Уралу, пограничные укрепления возводили братья Строгановы, заинтересованные в защите своих владений от набегов из-за Каменного пояса.

Все труднее становилось кочевникам безнаказанно грабить русские города и села, уводить в полон людей. Порубежники все чаще не только обнаруживали движение врага и своевременно предупреждали о нем воевод, но и вступали с ним в бой, вынуждая к бегству.

Положение на границе снова стало ухудшаться 60-х годов XVI века, когда Иван Грозный вступил в открытую войну с Ливонским орденом. Царь рассчитывал быстро покончить с этим одряхлевшим государственным образованием, но не учел, что Польша, Швеция и даже Англия не были заинтересованы

том, чтобы Русь возвращала свои земли и снова выходила к морю. Еще в 1553 году польское правительство, обеспокоенное усилением Москвы, направило свои посольства в Рим и Вену. Они предупреждали об опасности возможного выхода Руси к Балтийскому морю. «Если москвитин научится морскому делу и сделается обладателем моря, – указывалось в послании, – то это послужит к великому вреду всех народов: на море они будут более грозны, чем на суше».

Зимой 1558 года русское войско выступило из Пскова на земли Ливонского ордена. Началась война, которая продолжалась почти четверть века. Сначала она шла успешно, но победы сменялись поражениями. Война требовала новых отрядов и людей, и их стали набирать из гарнизонов южных городов. Опасность же опустошительных набегов со стороны Крымского ханства не ослабевала, а становилась все более реальной.

Весной 1570 года царь готовился к походу на Ревель и уже собрал войско, но с южных окраин шли вести одна тревожнее другой. Гонцы сообщали, что близ границы в степи «огни многие и от стад лошадиных ржание великое».

Встревожившись, Иван Грозный с набранным уже войском прибыл в Серпухов, поближе к берегам Оки. Здесь он готовился отразить татарский набег. Однако время шло, крымчаки не появлялись, и царь решил, что его обманули.

Но станичники, как показали затем грозные события, не солгали. Назревало новое нашествие татар юга – они требовали возвращения Казанского и Астраханского ханств. И потому необходимо было запретить южные границы на крепкий замок.

Долго размышлял Иван Васильевич, кому поручить это многотрудное дело. Выбор пал на князя Михаила Ивановича Воротынского, знатного боярина, любимца царя, занимавшего третье место в боярской думе. Он хорошо знал южные окраины, прекрасно изучил повадки ордынцев, не раз поражал их в кровавых сечах. Ему сам Бог велел заняться устройством охраны и обороны рубежей государства.

История не оставила нам свидетельств содержания разговора государя со своим боярином при назначении на столь высокую должность. Но предположительно царь мог сказать так: «Ставлю тебя князем, хозяином рубежей... Даю тебе великую власть, но и ответственность велика. Для начала собери в Разрядном приказе боярских детей с украин, станичных голов и старших казацких, и всех людей сторожевых. На общем сборе рассуди, князь, как-то сделать, чтобы мужеством на наши украинны войной безвестно не приходили, а станичники и сторожанесли бы службу усторожливее. Учيني тем собором боярский приговор о сторожевой и станичной службе, какой она должна быть, а мы затвердим его царским указом. Верю, что явишь ты на рубежах усердие немалое. Будь честен, как и был, а на милость мою полагайся. Иди с Богом! Верши!»

«Да будет так Великий государь!» – вероятно, ответил Воротынский и низко поклонился.

Вот так появился на свет этот удивительный документ – первый устав сторожевой и станичной службе. Можно сказать, что это был первый документ в истории охраны государственной границы, который регламентировал пограничную службу в правовом отношении, устанавливая порядок ее отправления в масштабе всего государства. Его значение огромно как в практическом, так и в теоретическом плане. Принципы организации и несения службы, заложенные в нем, актуальны сегодня.

В самом деле, вчитаясь в эти давние строки, задумаемся в их глубинный вековой смысл и зададимся вопросом: устарели ли они, имеют ли выход на современные проблемы?

«А станичникам бы к своим урочищам и сторожам стоять в тех местах, которые бы места были усторожливее, где бы им воинских людей можно устеречь».

«А становим не делати, а огни класть не в одном месте, коли кашу сварить, и тогда огня в одном месте не класть дважды».

«А в каком месте то не вал и в том месте не ночевати, в лесах им не ставиться, ставиться им в таких местах где бы было усторожливо».

Эти слова из устава пронизаны идеей скрытной службы и высокой бдительности. Бороться блестяще подготовленным к своему разбойничьему ремеслу врагом было чрезвычайно трудно и опасно. От внимания пограничника не должен был ускользнуть ни малейший шорох, ни далекий звук зверя, ни траектория ружья, ни изменение полета тетивы или хвоста. Они должны были знать десятками примет, чтобы определить приближение противника. Не зря пограничники славилась умением бесшумно передвигаться, подкрадываться к самому осторожному врагу. Никто не мог сравниться с ними в таланте читать чужие и запутывать собственные следы. Они были неистощимы на выдумку, устраивая хитрые засады и неожиданные ловушки. Часто они ночевали на деревьях, а костры разводили в их дуплах.

Устав Ивана Грозного узаконивал также строгую ответственность за небдительную службу: «А которые сторожине дождався себе смены, с сторожисойдут, а в те годы государевым окраинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам от Государя Царя быти казненным смертью».

Мера ответственности была идентична той опасности, которая нависала над страной. Ежегодно тысячи русских людей попадали в полон и продавались в рабство. Угонялся скот, разворовывалось имущество. Вот почему государству нуждалось в совершенной службе пограничников.

Все сделал первый пограничный воевода, как государь велел, – и сторожевых людей со всех укрин собрал, и совет с ними в Разрядном приказе держал, и боярский приговор учинил, но не успел главного – по-новому организовать на Украине сторожевую станичную службу: татары пределили с набегом. И хотя князь выслал на рубежи для практической организации дела с крымской стороны Михаила Тюфякина и дьяка Ржевского, а с ногайской Юрия Булгакова и Бориса Хохлова, было уже поздно.

Крымский хан Девлет-Гирей весной 1571 года со двадцатитысячным войском стремительно ворвался в центр Московского государства, захватил столицу и испепелил ее дотла. А Ивану Васильевичу отправиться:

«Жгу и пустошусь за Казань и Астрахань. Будешь помнить. Я богатство всего света применяю к праху, надеюсь на величество Божие, на милость для веры Ислама. Пришел я в твою землю с войсками, все пожег, людей побил; пришла весть, что ты в Серпухове, я пошел в Серпухов, а ты из Серпухова убежал; я думал, что ты в своем государстве в Москве, и пошел туда, ты оттуда убежал. Я в Москве посады жег и город сжег и опустошил, много людей саблею побил, а других в полон взял, все хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А еще хвалишься, что ты Московский государь! Когда бы у тебя была способность (дородство), ты бы против нас стоял. Отдай же мне Казань и Астрахань, да не дашь, так в государстве твоем дороги видел и узнал, и опять меня в готовности увидишь».

Грозный проявил видимую «покорность и смирение» – послал к хану гонца с челобитьем, предлагал деньги, писал, что готов отдать Астрахань... Однако ничего не сделал. И крымский хан в следующем году предпринял новый поход, столь же стремительный, колючий и внезапный.

На этот раз замысел Девлет-Гирея не укрылся от бдительной стражи, и русские воеводы во главе с князем Воротынским успели собрать достаточно сил, чтобы разгромить крымцев. Почти целую неделю, с 26 июля по 1 августа, в пятидесяти километрах от Москвы продолжалась жестокая сеча. Татары были полностью разгромлены и, побросав свои обозы и снаряжение, бежали. Теперь хан признал, что пограничную службу в Московском государстве несут небрежно. В письме к царю он писал: «Наш приход сведав, на Оке, на берегу хворостом сделали двор, да около того ров копали». Видимо, татары попали в

ловушку, устроенную князем Воротынским в виде полевых укреплений.

Нашествие татар на Москву потрясло царя, сильно задело его самолюбие. Зажатый тисками двух войск – на западе с союзниками Ливонии, а на юге с Давлет-Гиреем, – он мучительно искал выхода из этой непростой ситуации, и в сумятице чувств родилась не совсем обычная идея: чтобы лишить крымцев возможность скрытно передвигаться по степи, а их лошадей – подножного корма, он решил выжечь траву на путях пределах Москвы. В боярском приговоре по этому делу указывалось: «А жечи поле в осенинах в октябреили в ноябре по заморозам и как гораздо на поле травасохнет...чтобветербыл отгосударевых украинных городов на польскую (степную) сторону, или как будет пригоже...»

Огненный смерч, как полновластный хозяин, гулял в Диком поле. Все живое просыпалось от спячки и в панике мчалось прочь. Огонь стремительно уходил в глубь степи, оставляя после себя безжизненно-черную равнину с торчавшим кое-где обугленными стволами деревьев.

Для кочевавших татарских разбойничьих банд степь стала весьма неуютной, укрыться было негде. Нечем и коней кормить. Воины же порубежья получили прекрасные условия для наблюдения за степными «хищниками». Такова была логика жизни, борьбы. Охрана державы требовала немалых жертв томиле и такой...

В тот день Иван Грозный был особенно мрачен. Беглый холоп пограничного воеводы поведал царю о злом умысле князя М.И. Воротынского – известие своего государя чародейством. Презренный холоп не отказался от своих слов даже под пыткой. Теперь стража ждала возвращения князя с далекого порубежья, чтобы ваковать его в цепи и доставить пыточный подвал.

Царь ходил большими шагами из угла в угол своей горницы, подолгу стоял у окна, глядя во двор. Сильно беспокоили его неудачи в Ливонской войне, слухи о новом набеге Девлет-Гирея. «Все это не случайно, – думал он. – Бояре плетут заговоры, творят измену. Они хотя и вернутся к старой удельной вольнице, но это не бывает в борьбе за сильную и единую Русь врагам пощады не будет... Воротынский тоже должен пройти через пытку, чтобы доказать свою невиновность».

В пыточном подвале было душно. Ярко горели два костра, освещая безобразное, безволосое лицо ката, деловито раскладывавшего на широкой скамье длинные щипцы, острые когти, иглы. На земляном полу у самого костра лежал скованный цепями князь Воротынский. Он был раздет почти донага. Лицо его изуродовано, на теле страшные кровоподтеки, ожоги, раны. Рядом на стуле сидел царь с дергавшейся щекой и безумно горевшими глазами, задыхавшийся от крайнего возбуждения. Своим длинным посохом он придвигал к обнаженному телу князя горящие угли и с упоением смотрел, как конвульсивно дергалось его тело, как искажались от боли тонкие черты лица и как, скрежеща зубами, он сдерживал рвавшиеся из груди стоны. Царь был поражен его мужеством и твердостью духа. На все вопросы князь неизменно отвечал, что никогда и мысли не имел известие своего государя и не желал нанести ему хотя бы малейший урон. Вскоре, в конце истерзанной, он потерял сознание и уже по дороге в Бело озеро, в ссылке, умер. А царь аккуратно записал его имя в поминальный синодик и назначил нового начальника сторожевой станичной службы – Никиту Романовича Юрьева, знатного сановника, родного деда будущего царя Михаила, первого из династии Романовых. Начальником порубежной службы должен быть знатный и доверенный человек.

Грозный хорошо знал, что без надежной охраны порубежья державе не обойтись. Мысленно обозревая границы своего государства, он видел, как по татарским мялям осторожно ехали на рослых конях разъезды крепких казаков, как в укромных местах притаились сторожиз отважных стрельцов, как бесстрашные разведчики выслеживали в Диком поле важного языка. Он знал также, что эти люди верой и правдой служили ему, своему государю и своей Отчизне, и верил, что наступит время, когда границы России будут надежно защищены.

«Охрана границ государства во времена смутные»

Борис Годунов и другие

ЖЕСТОКОСТЬ Ивана Грозного повлекла за собой трагические последствия для династии Рюриковичей, правившей Русью более семисот лет: началось ее угасание. В 1581 году царь совершил едва ли не самый страшный грех – в припадке гнева он убил любимого сына и наследника престола Ивана. Позднее в десятилетнем возрасте погиб в Угличе его младший сын – Дмитрий. Царский трон, где еще недавно восседал Грозный Иван, достался Федору – «постнику и молчальнику, более для кельи, чем для власти державной, рожденному», как говорил о нем его отец. Чтобы не оставить страну без управления, умирающий царь в помощь Федору создал Верховную Думу из пяти бояр: Никиты Романова, Ивана Мстиславского, Петра Шуйского, Бориса Годунова, Богдана Бельского.

Борис Годунов

Самой заметной личностью в Думе был Никита Романов (Никита Романович Захарьин-Юрьев),

возглавлявший пограничную (сторожевую и станичную) службу. Родной брат первой жены Ивана Грозного, Анастасии Вахариной, которую царь очень любил, он пользовался у царя большим доверием, как человек, обеспечивающий на высоком уровне безопасность границ государства. Его внук Михаил Федорович Романов позднее, в 1613 году, Земским собором будет избран на царство и станет основателем династии Романовых, правивших Россией 300 лет. Сам Никита в это время сильно занемог и в Верховной Думе царя уже не работал. Лидером в этом коллективном органе правления стал Борис Годунов, который вместе с Шуйским добился ссылки в Нижний Новгород Богдана Бельского.

Бывший опричник, женатый на дочери царского палача Малюты Скуратова, Годунов сумел избежать участия в казнях и не запятнал своего имени кровью.

К началу царствования Федора Борису Годунову было тридцать два года. Был он статен, красив и очень осторожен. Происходил из татарского рода, переселившегося в Россию и принявшего в XIV крещение. Один из предков Бориса имел прозвище Годун, от которого его потомки стали называться Годуновыми. Борису удалось выдать свою сестру замуж за молодого царя, и после этого он стал фактическим правителем России. Но роль соправителя его не устраивала. Стал самодержцем и овладеть российским престолом – вот чему стремился его властолюбивая натура.

Вскоре Годунову удалось расправиться с остальными членами Верховной Думы. Обвиненные в заговоре, они понесли суровое наказание: Иван и Андрей Шуйские тайно умерщвлены, а Иван Мстиславский пострижен в монахи.

После этого власть Годунова стала фактически неограниченной. Федор только значился царем и совершенно не вникал в управление. Вставал он около четырех часов утра, молился и весь день проводил в храме и в ласковых беседах с боярами. Обедал вкусно и сытно, а затем отдыхал три или два часа – на час меньше он спал в том случае, если ходил в баню или отправлялся на третью лагуну. После ужина он снова молился и отходил ко сну, тихий и умиротворенный. И так прошло все его царствование. Народ любил своего царя и молился о его долголетию и здравии со слезами на глазах.

В годы его царствования постепенно спадало то огромное напряжение, которое испытывала страна в последние десятилетия Смуты. С Турцией велись переговоры о мирных отношениях. Крымский хан с трудом отбивался от непрерывных вторжений запорожских, днепровских и донских казаков в свои владения и должен был на некоторое время отказаться от набегов на московские земли.

При Федоре Иоанновиче начинается быстрое заселение открывшихся новых территорий по Волге и в Диком поле. Людей привлекали плодородные земли, богатые охотничьи и рыбные промыслы, свободная от боярского угнетения жизнь, и одно было плохо – переселенцы, подвергаясь нападениям кочевников, нуждались в охране и защите.

Учитывая это, Борис Годунов организовал по всем южным и юго-восточным границам строительство линий укрепленных городов, занятых многочисленными гарнизонами, от которых в степь высылались сторожьи станицы. В 1550 году были основаны Ливны, Елец, Воронеж; в 1593 году крепости выдвигаются еще дальше на юг: вводятся в строй действующих Оскол, Валуйки и Белгород. В 1587 году он начинает строительство Белгородской укрепленной пограничной линии, продолжавшейся девяносто лет. Сюда направляются служилые люди: городские казаки, дети боярские, дворяне, «верстают их землями и обязывают нести воинско-пограничную службу. Воеводам, станичным атаманам головам предписывается во всех случаях хозяйственной деятельности соблюдать меры безопасности против татарских набегов. От них требовалось, чтобы служилые люди на сенокос ездили с пищалями и со всяким ружьем, и около сенокосу огорожены и людей с ружьем держали и были бы на сенокосе надвое: половина из них косили, а другая половина стояла для бережения от татар ружьем наготове, чтобы на них татары безвестно не

пришли и не побили».

Годунов укрепил границу и на юго-востоке. По течению Волги строятся крепости: Уржум, Царево-Кокшайск, Царево-Сунгурск; они предназначались для отражения набегов черемисов. В нижнем течении реки основываются города Саратов, Переволока, Царицын. Вдоль Волги, по ее берегам, им организуется сторожевая станичная служба. К ней, помимо городских казаков, детей боярских и стрельцов, Борис привлекает вольных казаков: волжских и яицких. Их дозоры прикрывают волжские берега от Нижнего Новгорода до Астрахани, оберегая границы московских владений от набегов ногайцев. За свою службу волжские и яицкие казаки получают от царя жалованье, однако они, в отличие от городских казаков, присягу на верность ему не принимают.

Разъезды служилых казаков от укрепленных городов все дальше проникают на юг, достигая территории вольных донских казаков. Один из «голов», ведающих пограничной службой, по приказу Годунова стоял непосредственно на Дону, в Вежах, выше Медведицы и Хопра. Он контролировал участок границы от Айдара до устья Балыклеи. Мещерские казаки обязывались «ездить вниз по Дону к Клестькам до Переволоки волжинской и ниже, где ходят ногайские люди в Крым и из Крыма в Ногай». Все дальше в степь ходят рязанские станицы. При необходимости они высылались вниз по Дону до Кумшацка и до Раздоров Донецких.

Прибывая к вольным казакам, порубежники обменивались с ними своими наблюдениями о передвижениях татар и получали от них данные разведки. Это взаимодействие помогло казакам успешнее отражать набеги татар.

В 1591 году крымский хан Касим-Гирей собрал огромное войско в сто пятьдесят тысяч человек и стремительно ворвался в пределы московских владений. Его движение пограничники обнаружили, но заблаговременно собрать полки воеводы не успели. Борис Годунов лично готовил войска к сражению с татарами. Москва готовилась к осаде. Из Донского монастыря была вынесена икона Донской Божией Матери, воодушевлявшая воинов на битву у Куликова поля, а теперь призванная помочь жителям отстоять свой город. Когда Касим-Гирей появился под стенами Москвы, напряжение достигло предела, но случилось непредвиденное: басурманы в панике побежали. Как оказалось, донские казаки напали на второй эшелон татар, предназначенный для приема пленных и добычи, и разгромили его, освободив семь тысяч пленных и захватив пятнадцать тысяч коней. Хан Касим-Гирей вынужден был снять осаду Москвы и спешно уходить к Перекопу, чтобы защитить свои земли от казаков. Москва без жертв с ее стороны спаслась от разграбления и разрушения.

В середине царствования Федора Иоанновича случилось событие, оказавшее тяжелое воздействие на сознание народа и положившее начало истории Московского государства. 15 мая 1591 года в Угличе был зарезан царевич Дмитрий. Царь Федор не имел детей, и поэтому смерть Дмитрия прекращала прямую мужскую ветвь династии Рюриковичей. Для русского народа, привыкшего, несмотря на все зигзаги истории, к правлению «законных», Божьим промыслом данных князей, это была тяжелая психологическая драма, наложившая свой отпечаток на все последующие события. Несмотря на все старания Бориса Годунова показать смерть царевича как «случайное самоубийство», народная молва упрямо не верила, обвиняла его в содеянном злодеянии и никогда не смогла простить.

В начале января 1598 года умер царь Федор Иоаннович. Народ присягнул царице Ирине, сестре Годунова, но она вскоре заявила о своем желании удалиться в монастырь. Никакие уговоры не помогли, и Земский собор, созванный для решения вопроса о престолонаследии, избрал на царство Бориса Годунова. Воцарившись, Борис Годунов осуществил мечту своего отца, но она не принесла ему ни радости, ни счастья.

Во внутренней жизни новый самодержец стремился навести жесткий порядок. Его законы «сделали невольными крестьян и холопов», окончательно закрепостив их. Раньше крестьянин один раз в год – в

Юрьев день – мог уйти от своего владельца и часто жил этой надеждой, но Годунов отобрал ее, чем восстановил против себя всю крестьянскую стихию. Это явилось одной из социальных предпосылок гражданской войны, развернувшейся в Смутное время.

На окраинах государства Борис Годунов проводил прежнюю линию укрепления охраны границы путем строительства крепостей и размещения в них крупных гарнизонов войск. Сторожевая станичная служба по-прежнему «денно и ночью» бороздила южные степи, стараясь выявить намерения татар. Она опиралась на крупные силы регулярных войск численностью до шестидесяти пяти тысяч человек, которые постоянно держал под ружьем новый правитель.

Годунов пытался подчинить своему влиянию и донских казаков, назначая для управления ими своих представителей. Казаки с гневом отвергли это предложение на их свободу. Он грозил им «за вооруженные нападения на азовцев» жестокой карой, так как хотел сохранить мирные отношения с турецким султаном. Казакам он запретил появляться в московских владениях, а пограничным жителям – вести с ними торговлю. Москва по его приказу прекратила поставлять на Дон «жалованье» – хлеб, порох и свинец. На Северском Донце Годунов начал строить крепость Царев-Борисов, направленную против казаков. Ответом казаков было нападение на Воронеж, где они произвели разрушения, а воеводу князя Долгорукова-Шабанского убили.

Силовая политика Годунова в отношении казаков привела к тому, что они становились враждебными к нему отношениями. В ней они видели не выражение интересов Московского государства, а происки «незаконного» царя, не имевшего права на престол. Эта ненависть казаков к Годунову в полной мере проявилась в годы Смутного времени, вовлекшего в свой водоворот не только население страны, но и казачьи войска. Идея восстановления справедливости, возвращения на московский престол человека, которому он принадлежит по праву родства с угасшей династией Рюриковичей, все больше овладевала казачьими массами.

Правление Бориса Годунова было беспокойным и сопровождалось многими бедствиями. 1601 год был крайне неблагоприятным для сельского хозяйства, и страна постиг страшный голод. Следующий год тоже оказался неурожайным. Люди пухли от голода и умирали тысячами. Только в Москве, по свидетельствам современников, погибло около полутора миллионов человек. Народ воспринимал это бедствие как Божию кару за убийство царевича Дмитрия незаконное воцарение Бориса Годунова. Уже в это время стали появляться слухи о том, что царевич спасся и жив и готов вернуться к престолу Бориса. В 1604 году с царским поручением в Астрахань по Волге направился Семен Годунов. Донские казаки захватили его и отпустили в Москву с наказом: «Объяви Борису, что мы скоро будем к нему с царевичем Димитрием». Появились первые признаки Смутного времени, которым пока еще никто не придавал серьезного значения. Между тем время шло, слухи разрастались все шире, и во второй половине 1604 года Дмитрий действительно объявился на московской земле. Началась борьба Годунова с самозванцем, которая закончилась неожиданно быстро: 13 апреля 1605 года царь умер. Народ был приведен к присяге Федору Годунову, его матери и семье, однако царствовали они недолго и скоро были убиты боярами.

Русские города сдавались самозванцу без боя. 20 июня 1605 года он въехал в Москву, а 5 июля в Архангельском соборе состоялось его венчание на царство. Народ искренне поверил в «чудо» его спасения, и на московской земле постепенно восстановился мир и порядок.

Боярство, однако, было недовольно правлением Дмитрием и составило против него заговор. Во главе его стоял Василий Шуйский. В ночь на 17 мая 1606 года заговорщики подняли мятеж, убили Дмитрия около двух тысяч поляков. Бояре и возбужденная толпа царем провозгласили Шуйского.

Весть об убийстве Дмитрия всколыхнула широкие народные массы, вызвала в их среде горячий протест. Годами копившаяся ненависть к боярству вылилась в открытое восстание. Смута на Руси

разрасталась хватив всю страну.

Народ, выступив против бояр, надеялся улучшить свое положение. Он хотел восстановить на престоле «законного» царя, который облегчил бы их безотрадную жизнь и выражал бы интересы не только боярства, но всего народа и государства. В это время на арену борьбы вышли Иван Болотников, Истомин Пашков, Шаховский и другие. Восстание было неорганизованным и закончилось полным поражением «низов». Боярство торжествовало, держав победу над народом, вышедшим из повиновения.

Но этим борьба не завершилась. На юге появился второй Лжедмитрий, которого поддерживали средние слои населения: горожане, торговый люд, духовенство, служилый класс и казаки. Однако новому самозванцу не удалось захватить московский престол: он был убит в Калуге крещеным татарин Мрусом. Василий Шуйский был свергнут, и Москва присягнула польскому королевичу Владиславу. Польский король Сигизмунд тоже пожелал стать московским царем и осенью 1609 года осадил Смоленск. Эта осада полностью меняла суть внутренней борьбы в Московском государстве, изменив ее характер и цели. Теперь она превращалась из гражданской в национальную войну против польской интервенции, за освобождение страны от иноземцев. Она объединила разрозненные народные силы для достижения независимости Родины. В народной толще обнаружилось такие силы, которые, несмотря на многолетнюю внутреннюю вражду и междоусобицу, сумели преодолеть взаимные обиды, сплотиться и победить. Эти силы представляли собой крестьянство, дворянских казаков, служилых людей и нарождающийся средний класс: горожан, торговцев, духовенство.

Разносились по всей стране грамоты патриарха Гермогена и другого великого подвижника – архимандрита Троицкой лавры Дионисия. Народ был готов к борьбе. Нужно было дать толчок началу движения. И этот толчок был дан в Нижнем Новгороде.

В октябре 1611 года в церкви Святого Спаса народ услышал речь Кузьмы Минина: «Коли хотим помочь Москве, не пожалеем достояния нашего... дворы свои продадим, жен и детей заложим и станем челом бить, кто бы вступился за истинную православную веру и стал бы у нас начальником. Дело великое совершим, если Бог поможет. Какая будет хвала нам от всей земли...» По призыву Минина на содержание ополчения сдавали «по третьей деньге», то есть третьей части имущества. Многие жертвовали гораздо больше.

Возглавил ополчение по просьбе нижегородцев князь Дмитрий Михайлович Пожарский, хозяйство и финансы находились в ведении Кузьмы Минина. Их усилиями Москва была освобождена от поляков и смогла заняться решением первой задачи: выборами нового царя.

Здесь мнения разделились. Князь Пожарский, руководитель народного ополчения, как и все боярство, был сторонником приглашения на московский престол иностранного царевича. Бояре еще не утратили надежду вернуть свои бывшие «вольницы» и независимость от центральной власти и полагали, что больше для этой цели подходит иноземный кандидат.

Крестьяне и казаки боролись за своего, русского царя, обладавшего сильной державной властью и выражавшего общие государственные интересы. Боярский произвол, который они уже испытали, их совершенно не устраивал. Среди них давно сформировалась идея избрать на московский престол «ближайшего братенного блаженного государя Федора Иоанновича, сына Федора Никитича Романова – Михаила». После долгих дебатов Земском соборе восторжествовала именно эта идея, и 21 февраля 1613 года Михаил Романов был избран на московский престол. Смутное время, потрясшее Русь и принесшее так много бед народу, заканчивалось.

Смута привела страну почти к полному разрушению. Половина населения – около семи миллионов человек – погибли в гражданской войне и в борьбе с интервентами. Земля не обрабатывалась, пустовала.

Границы страны оказались открытыми так как их никто не охранял. Пограничные укрепления пришли в негодность. По обезлюдевшей стране бродили шайки запорожцев и бродяг, а крымчаки и ногайцы не только делали набеги, но и жили в московских землях «без выхода».

Чтобы окончательно замирить Смуту, потребовалось еще несколько лет, а на восстановление страны – несколько десятилетий. Так дорого обошлась России Смута, происшедшая от беззакония, гордыни, безнравственности неверия.

Вместо эпилога

События Смутного времени наводят на мысль о некоторых исторических параллелях российской действительности. В самом деле, династия Рюриковичей, как известно, правила Русью более семисот лет. На последнем своем этапе она существовала в виде жестокого царя Иоанна Грозного, чье имя вызывало у современников панический страх и ужас. Под грузом прошлых ошибок она прекратила свое существование. Последнюю черту в ее непростой истории подвел Борис Годунов. Однако смена власти обернулась для страны тяжелым потрясением – Смутой.

Через тридцать лет власть России оказалась в руках большевиков. Они расстреляли царя и его семью и семьдесят четыре года управляли страной. Их лидеры, последовательно сменявшиеся у государственного руля, оказались не способными ответить на вызовы времени. Последнюю черту в истории их власти подвел также Борис, хотя с другой фамилией – Ельцин. Время покажет, научились ли мы делать выводы из собственной истории.

«Земским собором избран»

Михаил Романов и охрана границ Московского государства

13 марта 1613 года Михаил Романов со своей матерью инокиней Марфой стояли у Ипатьевского монастыря со страхом и тревогой ожидали приближавшуюся к ним в торжественном месте большую делегацию Земского собора. Они уже знали, что Михаил избран на русский престол, и решили противиться этому всеми силами. Помня историю, они не хотели для себя царства. Их пугало, что совсем недавно были убиты Григорий Отрепьев «тушинский вор» (Лжедмитрий II), а в плену поляков умер Василий Шуйский. Да и самому Михаилу всего лишь месяц назад грозила смертельная опасность. Отряд поляков разыскивал его, чтобы убить, и лишь мужество Ивана Сусанина спасло его от неминуемой гибели. И поэтому ни мать, ни сын и слышать не хотели об избрании.

– Сыну моему не быть царем! – воскликнула Марфа. – Не будет на том его благословения!

– Не хочу царствовать, не могу быть наследником великих царей русских! – вторил ей сын.

Начались уговоры, но матери сын продолжали стоять на своем. Лишь только угроза гнева Божия за страдания русского народа в случае отказа да обещание «блести государя» сделали свое дело: они согласились с решением Земского собора. Приняли благословение святителя Феофота, осенившего их животворящим крестом. Михаилу была поднесена грамота об избрании его на царство, а Марфе – моление о благословении сына на Российский престол. Шестнадцатилетний царь – первый из династии Романовых – вступил в права самодержца России.

Выбор россиян оказался на редкость удачным. Юный Михаил отличался тем достоинством, что прекрасно понимал свою роль: он должен не править, а царствовать. В условиях всеобщей разрухи положение могло спасти лишь коллективный ум и воля всей нации, и поэтому Земский собор в первые десять лет его пребывания на престоле работал почти непрерывно. В него входили представители всех сословий, практически наиболее уважаемая и мыслящая часть народа. Решения, принимаемые им в хозяйственной, военной и дипломатической областях, наиболее полно отражали возможности страны, отличались продуманностью и взвешенностью. Молодому царю оставалось лишь утверждать их. Тем не менее работал он много и напряженно. Искренне радовался успехам и тяжело переживал неудачи. Начинать же свою деятельность ему пришлось в крайне сложной обстановке.

После Смуты Россия представляла собой печальную картину. Враги, почувствовав ее слабость, напали со всех сторон. Поляки заняли двадцать городов и угрожали самой Москве. Шведы сидели в Новгороде.

Татары не только грабили и опустошали южные и восточные районы, но и по несколько лет находились в пределах московских земель и «жили без выхода». На севере свирепствовали литовцы. Из четырнадцати миллионов человек, населявших Россию при Борисе Годунове, в живых осталось лишь семь.

Тяжкое бремя восстановления страны и возвращения ее к новой жизни выпало на долю Михаила Романова.

Уже по пути в Москву молодой царь почувствовал нелегкую ношу, которая легла на его плечи. Народ засыпал его челобитными и просьбами о восстановлении утраченных прав, о помощи, о возвращении земельных наделов. Обратились с челобитными и казаки, в которой писали: «Есть нечего, мерзнем без

одежды, умираем без помощи отран». Крестьяне просили защититих отворов и разбойников, творивших насилие и терзавших их с необычной жестокостью. Встречалось много деревень, вообще брошенных жителями. Сердце юного Михаила томилось и скорбело. Не раз просил он свою мать отказатьсь от престола и повернуть назад, в Кострому, но теперь уже инокиня Марфа была непреклонна.

«Такими делами не шутят, говорила она. – Отказываться теперь уже нельзя. Как-нибудь с Божией помощью справимся». Скрепя сердце сын соглашался, но тревога не покидала его до самой Москвы.

11 июля 1613 года Михаилу исполнилось семнадцать лет. В этот день он венчался на царство. Красивый и стройный юноша сидел в царском кресле, слушал Божественную литургию и ясно сознавал, что отныне он принадлежит себе, а России. Мысленно он давал Богу клятву быть добрым и справедливым правителем, заботиться о благе своей «отчины» и защищать ее от врагов. И когда закончился этот торжественный обряд, все присутствовавшие сразу увидели, что Россия теперь имеет своего законного государя, с которым она сможет преодолеть обрушившиеся на нее невзгоды!

А для Михаила начиналась жизнь, каждый день которой был заполнен важнейшими государственными делами.

Прежде всего необходимо было навести внутренний государственный порядок: ведь казна была пуста, собирать подати трудно. Многие города лежали в развалинах, а их жители разбежались. Отовсюду присылались жалобы на бесчинства и обиды воевод. Решено было переписать жителей, распределить по имевшемуся имуществу. Там, где воеводы «творили неправду», людям разрешили выбирать старост вместо воевод. На огромных просторах Московии шла беспощадная борьба с шайками воров и грабителей. Жизнь в стране стала постепенно возвращаться к нормальному руслу.

В «наследство» от смутного времени новому царю достались еще две войны, которые следовало завершить как можно быстрее, если на их ведение у Москвы не было.

В 1614 году шведский король Густав-Адольф напал на северные земли. Он осадил Псков, но древняя русская крепость на этот раз оказалась на высоте своей славы. Она дала шведам решительный отпор, как и раньше давала его ливонским немцам, литовцам и полякам. В феврале 1617-го между Россией и Швецией был заключен Столбовский мир, по которому шведы возвратили захваченные ими ранее Новгород, Старую Руссу, Гдов, Порхов и Ладугу, но удержали за собой Ингрию – побережье Финского залива с городами Ям, Иван-город, Копорье и Орешек. Кроме того получили с России 20 000 рублей. Этот договор на целый век отрезал Россию от Балтийского моря, которое ей необходимо было для торговли с Западом.

Если со Швецией удалось заключить мир, то борьба с Литовско-Польским государством продолжалась. Поляки ни за что не соглашались с избранием на царство Михаила. В 1617 и 1618 годах королевич Владислав предпринял большой поход на Москву, чтобы взять свое Московское государство, от Бога нам данное и от всех вас крестным целованием утвержденное». Он штурмовал Москву, но, понеся большие потери, вынужден был отступить. В конце 1618-го воевавшие стороны подписали в селе Деулине перемирие на четырнадцать с половиной лет. Россия уступила Польше Смоленскую и Чернигово-Северскую области, но нравственная победа осталась за ней: в трудной борьбе с сильным врагом она сохранила свою независимость. Теперь необходимо было обезопасить границы.

Воеводы окраинных городов докладывали государю, что охранять границу государства нечем: пограничные укрепления разрушены, служилых людей нет, засеки заросли травой и сгнили. Крымцы, ногайцы, казанцы бесчинствовали, уводили людей в полон. Окраины обезлюдели, подати платит было некому.

Эти сообщения всегда очень волновали Михаила Федоровича. Еще будучи ребенком, он знал, что его

дядя Никита Романович при Иване Грозном был главным пограничным воеводой – начальником сторожевой станичной службы. В их семье все понимали, насколько трудна и опасна была его служба, сколько сил он положил, чтобы укрепить рубежи «отчины». Михаил еще с детства воил, что на окраинах государства на самой границе, много врагов, которые хотели прорваться в глубь страны. Он знал, что там, на далекой и пугающей окраине, день и ночь сторожили родную землю храбрые и отважные воины – порубежники, загораживая пути-дороги злым разбойникам. И теперь, остро ощущая, что границы его государства открыты молодой царь чувствовал себя неуютно. И он приказал своим помощникам срочно навести порядок в порубежье, чтобы воинские люди безвестно на Русь не проходили».

Уже в 1615 году положение на русском порубежье начало постепенно улучшаться. В окраинных городах появились воинские гарнизоны, а в степь высылались сторожи станицы. В тех городах, которые находились в более опасных для нападения со стороны крымцев местах, такие гарнизоны были более многочисленны. Так, в Туле было 640 человек, в Рязани – 829, в Калуге – 2109, в Курске – 1321. Всего же в южных окраинных городах было 24 350 воинов.

Кроме того, безопасность южных границ на крымском направлении берегли особые полки, которые перекрывали наиболее важные шляхи, по которым двигались кочевники. Большой полк численностью в 1649 человек во главе с князем Федором Куракиным был поставлен в Туле. Передовой полк во главе с князем Василием Турениным выдвинули в Мценск, а Сторожевой под командой Михаила Дмитриева – в Новосиль. В наказах, данных им царем, предписывалось, чтобы они непрерывно пересылали друг другу вестию движения крымцев и стягивались к той стороне, откуда являлся неприятель.

Были созданы также подвижные отряды, которые использовались для связи и взаимодействия с главными полками. Общая численность их, в зависимости от обстановки, колебалась от шести до десяти тысяч человек.

Вскоре выяснилось, что меры, предпринятые царем Михаилом, стали давать свои результаты. Набеги крымцев продолжались, но они уже не были безнаказанными. Встреча энергичный и резкий отпор порубежников, они ограничивались разбоем лишь в пограничной земле, прорваться же в глубь страны как это случалось еще совсем недавно, им уже не удавалось.

Вскоре у юного государя появилась надежная опора – 14 июля 1619 года из польского плена вернулся его отец, Михаил обратился к нему с просьбой:

– Сиротеет патриарший престол, владыко-батюшка, вороги наши замучили владыку Гермогена. Должен ты патриарший сан принять.

Филарет согласился, и через десять дней состоялось его посвящение в патриархи.

Михаил выдал своему родителю «беседную» грамоту, и с его согласия ему был присвоен титул «Великого государя». Посвящал его в этот случай гостивший в это время в Москве Иерусалимский патриарх Феофан.

Человек большого государственного ума и твердой воли, один из образованнейших русских людей того времени, Филарет во многом способствовал своему сыну в лучшем управлении государством. Он вникал во все дела, в том числе и в охрану государственной границы, и от его зоркого глаза не укрылось ни одно упущение или неправда. По словам летописца, «он царскими делами и ратными владел», и это помогло Михаилу быстрее вывести страну из тяжелого экономического кризиса.

В 1621 году крымские татары напали на польские земли. Пользуясь этим, московские воеводы уменьшили численность пограничных войск на юге до 5221 человека, хотя крымчаки с поляками заключили перемирие. Среди жителей приграничья они распустили слух, что на следующий год собираются снова напасть на Польшу и даже пригласили русских участвовать в этом походе. Они говорили,

что условились с турецким султаном «десять лет воевать с Польшей и что заключили перемирие только на зимнее время, ибо Турция зимой не воюет». Но это была очередная татарская хитрость.

На деле же они поступили совсем наоборот. В мае 1622 года отряды крымчаков появились в окрестностях Дедилова, Епифани, Соловья и Одоева, где их совсем не ждали, и им удалось захватить богатую добычу. Последствия этого нападения могли быть еще более тяжелыми, но татары не осмелились идти дальше.

16 июля воеводы пограничных городов Белгород, Оскол и других доложили царю о новом нападении азовских и ногайских татар. Государь приказал выставить в окрестных городах новые полки – Большой численностью в 902 человека в Серпухове, Передовой, насчитывающий 677 человек, в Алексине и небольшой Сторожевой полк в Кашире. Для охраны переправ через Оку он выслал со своими отрядами воевод князя Баратынского, Смердова-Плещеева и князя Засекина. Подступы к Москве были надежно прикрыты. Что касается гарнизонов окрестных городов, то они могли противостоять легкой татарской коннице.

Грозный поход крымцев и ногайцев не состоялся. Встретив достойное сопротивление, они повернули обратно. Пороубежники на этот раз свою задачу выполнили с честью.

На следующий год царь приказал привести в порядок сторожевые укрепленные линии и засеки. Было решено все сторожи, имевшиеся на южной границе, не выдвигать далеко в степь, а сосредоточить непосредственно подступами к окрестным городам. Ни одна из сторож не достигала Днепра и низовьев Дона; самые дальние из них ограничивались верховьями Ворсклы, Оскола, Валуга и Тихой Сосны; ни один разъезд не достигал устья Айдара и Святых гор. Сторожи самых дальних степных городов – Белгорода, Путивля, Валук – не высылались в степь далее пятнадцати километров. Город же Борисов, далее всех выдвинувшийся в степь, ввиду невозможности обеспечить его безопасность, был разрушен. Все окрестные города обязывались весной 1623 года выставить себе 153 сторожи.

Эти новые распоряжения царя Михаила послужили основанием для нового Устава сторожевой станичной службы. 1 марта 1623 года в виде циркулярного наказа он был разослан воеводам пограничных городов вместе с росписями сторож.

Устав вносил изменения в организацию и несение службы по охране границы. Учитывая опыт борьбы с татарами, станицы усиливались количественно и качественно; в состав каждой из них включалось по одному сыну боярскому, по два атамана по шесть рядовых воинов и по два вожа. Маршруты движения значительно сокращались. По Уставу 1571 года удаление станиц от городов достигало сорока-шестидесяти верст, а теперь – не далее пятнадцати. Служба начиналась с 25 марта при необходимости раньше. При отправлении станиц выдавались наказные памятки, заверенные воеводской печатью, в них указывалось, чтобы они ездили бережно и осторожно, доезжали до указанных урочищ и привозили к воеводам доездные памятки, в доказательство того, что они на урочищах были. При обнаружении неприятеля первой обязанностью станичников определялось немедленное донесение воеводам.

Перед началом весенне-летнего сезона все порубежники собирались в «съезжую избу», где сверялись их списки, которые затем отправлялись в Москву, в Разрядный приказ. Проверялась готовность их к службе, особенно состояние коней, которым станичникам имелось по два.

В сторожевую службу также вносились изменения. Теперь сторожи обязывались нести ее круглосуточно, сочетая наблюдение с разъездами, от них требовалась высокая бдительность, осторожность, тщательная маскировка на местности. Главная цель – вовремя обнаружить противника и немедленно донести воеводе о его появлении. Учитывая важность сторожевой службы для безопасности окрестных городов, дополнительно вводились «дозорщики», в обязанности которых входил контроль

службы сторожей.

Воеводы должны были наблюдать за исправностью городских укреплений, собирать местных жителей города при появлении неприятеля закреплять за определенными участками для обороны в случае штурма или осады города. В этом же году была сделана новая роспись городов, обязанных высылать от себя сторож для охраны границы. Всего выделялось шестнадцать пограничных городов, которым предписывалось в весенне-летний период высылать от четырех до двадцати пяти сторож. В общей сложности по новому Уставу одновременно на границу высылалось сто восемьдесят шесть сторож. Это обеспечивало контроль за весьма протяженной южной и юго-восточной границами Московского государства.

В апреле 1632 года умер польский король Сигизмунд. Царь Михаил Федорович и его отец Филарет, ставший врагом поляков после своего пленения, решили воспользоваться периодом междуцарствия, чтобы отвоевать Смоленск. Русские двинули на запад свое войско, часть которого сняли с южной окраины. Во всех окраинных городах осталось чуть более 4000 человек.

Началась осада старинного русского города Смоленска, имевшего прекрасные оборонительные сооружения. Война, начавшаяся удачно, затягивалась. Восемь месяцев стояли у стен города четыре солдатских полка, обученные воинскому искусству служилыми немцами, дворянская конница и донские казаки, но безуспешно. Когда же полякам удалось спровоцировать нападение крымских татар на московские земли, то отряд войск пограничных городов ушли на борьбу с кочевниками.

Под городом остались лишь полки иноземного строя. Подоспевший со свежими силами польский король Владислав окружил эти полки. Немцы и другие наемники сразу же перешли на польскую службу. Поражение было полное.

Царь Михаил и патриарх Филарет со всеми москвичами сильно переживали неудачу. По их приказанию командовавший русскими войсками боярин Шеин был казнен, чтобы было актом вопиющей несправедливости.

В свое время он возглавлял оборону Смоленска от поляков и действовал мужественно и умело. Война состоит же только из побед, но и поражений, и никто от них не застрахован. Можно предположить, что жестокость отношения к боярину Шеину была отражением того возмущения, которое испытывали русские люди. Они еще помнили бесчинства, творимые поляками на своей земле, и очень хотели вернуть русский город; удача, однако, на этот раз была на стороне короля Владислава.

Вскоре на реке Поляновке было заключено «вечное dokonчание». Смоленские и Чернигово-Северские земли вернуть не удалось, но Владислав отказался от притязаний на Московский престол и признал царя Михаила Федоровича.

Крымские же татары еще раз показали свою коварную сущность. Они и на этот раз не добились решающего успеха, но пограбить приграничье им все же удалось. Сам этот набег показал, что ослаблять южную границу еще рано. Царь приказал немедленно усилить здесь войсковую группировку и привести в порядок все оборонительные сооружения. Уже в 1635 году численность пограничных войск на юге страны была доведена до тринадцатитысяч человек. Укреплялись также войсковые гарнизоны в окраинных городах – Курске, Осколе, Воронеже, Ельцах, Брянске, Рильске, Путивле, Белгороде и других.

С 1636 года на южных рубежах начала разворачиваться гигантская работа по строительству новых крепостей, увеличению засек, рвов и забоев по рекам, по соединению окраинных городов друг с другом непрерывными полевыми укреплениями. Это вызывалось тем, что русский народ продолжал осваивать все новые и новые свободные земли на юге страны. Поселенцы, прибывавшие в новые районы, нуждались в защите.

Теперь уже необходимо было построить новые укрепленные линии далеко на юге. И здесь соорудили Белгородскую черту, состоявшую из тридцати городов-крепостей. Изменялась, таким образом, вся система охраны и обороны южных границ. Центре ее перенесли из Тулы и Переяславля Рязанского в Белгород. Этот момент предопределил рост военного значения южных оборонительных сооружений, в частности Белгородской черты, на протяжении всего XVII века.

Осторожный Михаил Федорович не забыл и о старой московской Засечной черте. В 1638 году на ней были проведены крупные восстановительные работы, что значительно увеличивало ее возможности по сдерживанию кочевников. И хотя она больше уже никогда не использовалась в боевых условиях, ее моральное значение ощущалось еще долго.

В 1643 году было составлено подробное известие о полевых укреплениях, возведенных в разные стороны от вновь построенного города Усерда. По нему можно судить о произведенных оборонительных работах на юге страны: «Да от города от Усерда вниз по реке Сосне в трех верстах на Кальмиуской сакме, на каменном броду за земляным валом устроен стоялый острог четвероуголен, по стене его кругом 73 сажени, а около его ров выкопан с трех сторон, ширина рву полтора сажень, глубина та же, а за рвом надолбы, а от реки от Сосны рву быт немочно, потому что гора крута гораздо; а для приходу воинских людей в том остроге устроены две пицали медные, к обеим ядра по две гривенки, да 50 ядер, да два пуда зелья (пороха). А стоят в том остроге головами Усердских казаков по 15 человек, а по весам по двадцати, а переменяются понедельно».

«Да города от Усерда ниже каменного острогу в пяти верстах, а от города в осьми верстах, в лесу, на крутой горе устроена сторожа смотрит на реку Сосну на Каменной, и на Черемхов, и на Вязов брод. А стоят на той стороже толковых казаков по четыре человека, переменяются понедельно».

«А от города Усерда вверх по малому Усерду по Оскольской дороге под Сосенским лесом, от города в 7 верстах дальних надолб устроена сторожа. А стоят на ней сторожи толковых Усердских казаков, по четыре человека, а смотрят на той сторожке Осколу по Московской дороге вверх по малому Усерду...»

В 1636 году были построены новые города-крепости – Чернавск, Козлов, Тамбов и Ломов. В них располагались гарнизоны боярских детей, городских казаков, стрельцов. В степь же для ведения разведки высылались дозоры и разъезды, а на ближние подступы – сторожи.

Охрана и оборона границ Московского государства опиралась на мощь возрождавшейся русской армии. Опыт Смутного времени показал, что одной из причин внутренней неустойчивости государства явилось сокращение кадровой, профессиональной армии, замена ее «посошной» ратью, собираемой в случае военной опасности. При Иване Грозном стрелецкие полки насчитывали двадцать пять тысяч человек, Борис Годунов сократил их до шестидесяти тысяч. Число же городских казаков, охранявших границу, осталось прежним – шестидесять тысяч. В то же время полки стрельцов показали себя в годы Смуты как наиболее устойчивая и подготовленная войсковая сила.

Царь Михаил Федорович начал восстанавливать «нарочитые», то есть постоянные, войска. В 1634 году количество стрельцов составляло свыше двадцати пяти тысяч человек, а служилых казаков – одиннадцать тысяч. Жалованье казаков, как и стрельцов, состояло из денежного и кормового. Атаманы получали десять, есаулы – восемь, рядовые – шесть рублей в год, и корм, «чтобы быть сытыми», собираемый с городского населения. Служилые люди освобождались от налогов и повинностей, но зато должны были нести службу на своих конях, при своем оружии.

Кроме стрельцов и служилых казаков в русской армии в то время имелись и полки боярских детей и дворян, общей численностью двадцать семь с половиной тысяч человек. Они «верстались» земельными наделами от ста до четырехсот пятидесяти четвертей, получали жалованье 3–5 рублей в год.

В дополнение к стрельцам, служилым казакам и частям детей боярских и дворян в Московском государстве появились и полки «нового строя» – солдатские, рейтарские, драгунские, а позднее и гусарские. Комплектовались они «даточными» людьми, призываемыми в армию на основе принудительного набора из расчета один-два солдата на трех-четыре мужчин. Им платили жалованье по пять рублей в год и кормовые по трикопейки в день.

Формирование конных войск шло успешнее пехоты, так как служба в кавалерии оплачивалась в два раза дороже.

Для обучения этих полков нанимались за большие деньги иностранные военные специалисты, по большей части не знавшие русского языка. В 1631 году в русской армии имелось 190 иностранных военнослужащих, в том числе: полковников – четверо, подполковников – трое, майоров – трое, квартирмейстеров – один, ротмистров – тринадцать, капитанов – двадцать четыре, поручиков – двадцать восемь, прапорщиков – двадцать пять, сержантов и капралов – восемьдесят семь...

Всего было сформировано десять полков нового строя, общей численностью семнадцать тысяч человек, в том числе пехотных полков – шесть, рейтарских и драгунских – четыре. Постепенно создавались собственные кадры офицеров и сержантов.

Восстановление армии шло трудно. Разрозненная и обескровленная страна возрождалась медленно, что сдерживало развитие вооруженных сил. Однако понесенные жертвы оказались не напрасными – во время царствования Михаила Федоровича крупных татарских вторжений не было. Армия, сторожевая и станичная служба надежно защищали границы государства от набегов разбойников.

В 1641 году в Москву к «белому царю» прибыло посольство донских казаков. Они рассказали, что четыре года назад захватили турецко-татарскую крепость Азов, что в устье Дона. Им удалось отбить нападение турок, но теперь они ожидали нового, более сильного, и поэтому приехали к своему государю, чтобы он взял крепость под свою высокую руку и прислал воевод с ратными людьми и запасами.

Царь задумался. Это был уже опытный и мудрый руководитель, искушенный в государственных делах. Конечно, ему хотелось бы иметь крепость в устье Дона, но пугала неизбежная война с Турцией и Крымом. Россия была еще не готова к такой войне. С Запада же ей постоянно угрожали Польша и Швеция, а воевать на два фронта значило потерять все, а не только крепость Азов. И он приказал собрать Земский собор, который должен был обсудить трудный вопрос: «...И государю царю... за Азов с Турским и Крымским царем разрываться, и Азов у донских казаков принимать?» Собранные на совет служилые люди ответили:

«Мы тебе, Государю, рады служить, локамест, Государь, наша мочь сяжет» но указывали, что страна по-прежнему находится в трудном положении. Воеводы и наместники творят неправду, злоупотребляют властью. Подданным от них иногда хуже, чем от «турских и крымских басурманов». Люди «обнищали и оскудели до конца». Когда царь ознакомился с этими ответами сразу решил Азов под свою опеку не брать и приказал казакам покинуть эту с таким трудом добытую крепость...

Царь Михаил Федорович по характеру был добр и кроток. Он не любил войну и старался ее решать миром и добром. При нем народ не испытывал такого ужаса, как при Иване Грозном и Борисе Годунове, подвергаясь пыткам преследованиям. Его главной заботой были мир и безопасность России. И ради этого он тридцать два года нес тяжелую работу по управлению государством и укреплению его границ.

«Стоят в аставою, смотреть беречь накрепко»

Царь Алексей Михайлович и охрана российских рубежей

Когда Земский собор избрал в 1645 году Алексея Михайловича царем и самодержцем всея Руси, ему едва исполнилось шестнадцатилетие. Был он статен строен, красив лицом и отменно здоровья. Те, кто близко знал его – русские и иностранцы, прочили ему долгое и благополучное царствование. Так оно и случилось: Алексей Михайлович управлял страной тридцатилет, уйдя из жизни совсем молодым – на сорок седьмом году.

Алексей Михайлович

В памяти людей он сохранился как самый «тишайший» царь, мягкий и добрый, хотя и страдающий болезненной вспыльчивостью. Он был терпелив, но ненавидел людей чванливых и кичливых, а также хвастунов, льяниц и дебоширов: они мгновенно возбуждали в нем вспышку гнева, которая обрушивалась на безнравственного человека внезапно, как ураган или вихрь, и часто заканчивалась пощечиной или пинками. Правда, царь также мгновенно и отходил, раскаивался и просил у потерпевшего прощения, а иногда задабривал его дорогими подарками. При этом он не делал различия между знатным боярином и самым «худым человечешкой»: безнравственность любого чина и звания была для него одинаково возмутительна. К тана похвальбе ходит, всегда посрамлен бывает», – часто оговаривал он своим боярам.

Рассказывают такой случай. Отец Никита, здоровенный дьяк Саввина-Сторожевского монастыря, будучи пьян, разбушевался, подрался со стрельцами, стоявшими в монастыре, побил их десятника (офицера) и выбросил за монастырский двор их секиры. Когда царю доложили об этом, он возмутился, да так, что, по его собственному признанию, «до слез ему сталово мгле ходить», и тут же написал сердитое письмо буйному монаху. «От царя и великого князя Алексея Михайловича, – писал он, – врагу Божию и богоненавистнику, и хриstopродавцу, и разорителю чудотворца вадому, и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злomu пронырливому злодею Миките». Он остановился, перевел дыхание. Гнев еще душил его. «Ты тасебе ведай, – вразумлял он дьяка, – что одному тебе да отцу твоему диаволу годна и дорога твоя здешняя честь, а мне, грешному, здешняя честь как прах, и дороги ли мы перед Богом с тобою дороги ли наши высокосердечные мысли, доколе Бога не боимся».

Самодержавный государь, он мог легко расправиться с отцом Никитой, сдуть его, как пылинку, с лица земли, но он этого не сделал: «потому что, – пишет он далее, – перед Богом все равны и безгрешных людей не бывает. Я сам со слезами буду милости просить у чудотворца преподобного Саввы, чтобы оборонил он меня от вонравного монаха. На оном веке рассудит нас Бог с тобою, а oprичь того мне нечем от тебе оборониться».

Монах Никита в общем – добрый человек, но большой любитель «медовухи», получив от царя такое злое письмо, долго и безутешно плакал, но потом попросил у стрельцов прощения и дал обет молчания на целый год.

Алексей Михайлович был глубоко верующим человеком. Вера его была не показная, не «на публику», а истинным состоянием души, живущей в гармонии с Богом. Ежедневно, с раннего утра, он спешил в храм, отставив там за утреню и обедню, горячо и усердно молился. В молитвах своих просил Господа Бога помочь ему править страной, чтобы его «холопы» жили в мире и согласии, по законам любви и братства, чтобы Господь Бог послал ему победу в борьбе с врагами, которые не оставляли в покое многострадальную Русь, рыскали у ее границ «как хищные звери». Защиту страны, ее границ и своих православных подданных царь считал своей «первеей» задачей.

А еще второй царь из династии Романовых любил охоту, особенно соколиную. Ему нравились утренние зори, туманы, покой и первозданная свежесть лесов и полей. Здесь он отдыхал душой от множества государственных дел, разрывая на миг размеренную монотонность царской жизни. С ним были его друзья, соратники, с которыми он, забывая чины и звания, носился на своем скакуне, увлекшись погоней за диким зверем.

Однажды, под Звенигородом, во время охоты на медведя Алексей Михайлович оказался один. Все его попутчики отстали и разбрелись по лесу. Вокруг – ни души, только вековые деревья покачивали густыми кронами да вдали сверкали на солнце куполами своих храмов Саввин-Сторожевский монастырь, основанный святым Саввою еще в 1377 году. Царь остановился в раздумье: что же делать дальше? Куда направиться? Неожиданно метрах двадцати от него из-за кустов вышел огромный медведь и, зарывав, встал на задние лапы. Гибель казалась неизбежной, и царь мысленно уже прощался с жизнью, но

свершилось чудо: перед ним, словно из-под земли, явился благолепный старец-инок, и медведь сразу же убежал.

– Как тебе ввуют? – спросил обрадованный царь.

– Я инок Сторожевского монастыря и зовут меня Савва, – ответил старец, исчез в лесу.

После охоты царь отправился в Сторожевский монастырь, чтобы отблагодарить своего спасителя. В обители же инока с таким именем не оказалось. Увидев икону Преподобного Саввы, которая была написана еще при его жизни, царь догадался, кто защитил его от неминуемой гибели. В благодарность Алексей Михайлович приказал открыть мощи преподобного старца, что и было сделано в январе 1652 года.

После случившегося молодой царь перестал «ходить на медведя», а увлекся соколиной охотой. Он подписал специальный указ о привозе в Москву ловчих птиц, в котором потребовал доставлять их без задержки, бережно, «а если приказные люди учнут инить задержанье и оттого нашим птицам учиниться какая поруха, то темот нас быт в великой опале и в наказаньи».

Но царь всегда оставался царем. И отдыхая «на природе», и в самые увлекательные моменты «царской потехи», то есть охот, Алексея Михайловича не оставляла тревога своей любимой «отчине», которая по-прежнему подвергалась усиленному давлению многочисленных врагов... В 1651 году раненый, покрытый пылью гонец с обветренным лицом привез царю сообщение с южной границы о подготовке крымских татар к походу на Русь. Путивльский воевода писал, что «видел в степи следы многих тысяч всадников, идущих к Оке», и предупреждал, что скоро они могут явиться к Кашире, Коломны и в других местах под Москвой.

Алексей Михайлович приказал также подготовить грамоту каширскому воеводе Михаилу Павлову «о предосторожности в случае вторжения крымского хана и ногайских татар». Ведомо нам учинилось, – писал он, – что недруг наш крымский хан с крымскими и ногайскими людьми весною рано хочет приходить на нашу Украину большим собранием. И ты бы на Кашире жил с великим бережением и про приход крымского хана проводывал, и сию нашу грамоту велел прочесть всем уездным и служилым людям... чтобы служилые люди на нашу службу были готовы, конны и оружны, и в дальние места не разъезжались, чтобы нашу Украину от татарских воинов уберечь и православных крестьян в плен и в расхищенье не выдать».

Далее царь четко определил порядок действий в случае появления крымчаков. «Чтобы служилые и уездные люди по вестям были в городе тотчас жен своих и детей везли в город, и хлеб везли в город ныне, чтобы в житницах и кладях никакого хлеба не было». Подлинник подписал дьяк Григорий Ларионов.

Как и его отец, царь Михаил, Алексей Михайлович был очень осторожен и этого качества особенно проявилось в защите русских границ от татарских набегов. При Михаиле Романове Москва упорно держалась за укрепления Засечной Черты. В 1638 году на ней были проведены крупные восстановительные работы под жестким контролем Разрядного Приказа. Новый царь так же решил держать «этот русский забор» в исправности и готовности к боевым действиям. Здесь в 1659–1660 и в 1676–1679 годах были проведены крупные реставрационные работы, которые значительно увеличили ее возможности в борьбе с кочевниками. По-прежнему запрещалась в этом краю рубка леса, и с нарушителей закона удерживались крупные штрафы. Только за пятнадцать лет (1671–1686) они составили 57 520 рублей. Положение на Засечной Черте изменилось много позднее, при Петре I. Великий Реформатор разрешил рубить леса в этом некогда «заповедном краю» на казенные нужды. (Сама же засечная стража была упразднена лишь при Екатерине II.) И теперь только сохранившиеся названия былых засек – Тульская, Щегловская, Липецкая, Корницкая – напоминают «великой московской изгороди», защищавшей некогда

центральную Русь от набегов алчных и опасных соседей.

При Алексее Михайловиче Засечная Черта уже не играла той роли, как столетием ранее. После крушения Казанского и Астраханского ханств русский народ устремился в широкие черноземные степи южной целины, распахая и обустривая их с крестьянской основательностью и жечасно рискуя оказаться в полоне промышлявших здесь кочевников. Надо было защищать их, но московские власти, страшась былых татаро-монгольских шествий, по-прежнему оборону страны строили по линии Рязань – Тула, мало заботясь о своих освоенных землях.

Сторожевая пограничная служба, растянутая по фронту в глубину, с трудом обеспечивала разведку противника и сдерживала его натиск. Оборона центра становилась рыхлой, оторванной от авангарда и нуждалась в серьезной реконструкции. Ее законсервированное построение явно отставало от условий жизни, и Алексей Михайлович, не отказываясь от нее совсем, дал указание перенести основные усилия южнее, на линию города Белгорода. К концу его царствования здесь возникла новая укрепленная линия, которая изменила всю систему охраны и обороны южных границ. Теперь дозоры порубежников далеко углублялись в степные просторы, добывая для Разрядного Приказа сведения о противнике. Его набеги все чаще разбивались о бдительность пограничников, и «тишайший» царь был доволен их службой. Безраздельному господству азиатских кочевников в южнорусских степях приходил конец.

На долю Алексея Михайловича выпало очень непростое время царствования, когда Россия патриархальная, словно пробуждаясь от долгой спячки, начала осторожно, оглядываясь и озираясь, «прощупывать» окружающий мир, с удивлением обнаруживая, что кроме воинственных кочевников за пределами ее границ существуют иные страны, более развитые в хозяйственном и культурном отношении. Она осторожно проникала в этот мир, познавала его законы, училась извлекать выводы из сотрудничества с ним и защищать свои интересы. В пограничной политике это означало поворот от военно-оборонительных задач к экономическим, к умению выгодно торговать, хорошо охранять границы от проникновения контрабанды. Алексей Михайлович был одним из тех передовых людей своего времени, кто востановил эту струю, идущую с «латинского» Запада. Его преобразования коснулись в первую очередь таможенного дела. Здесь он рассчитывал получить дополнительные деньги, чтобы содержать армию и охранять государственные границы.

«Царь Алексей Михайлович с боярами на соколиной охоте близ Москвы», Н.Е. Сверчок

В 1653 году им был утвержден Торговый устав. Многочисленные российские торговые пошлины были заменены единой рублевой пошлиной в размере пяти процентов с рубля цены товара. Конкуренция англичан была уничтожена еще раньше: в 1649 году Алексей Михайлович, воспользовавшись тем, что англичане «всею землею своего короля Карлуса убили», приказал лишить их права беспошлинной торговли. Эту привилегию англичанам предоставил Иван Грозный, и они очень умело пользовались ею: через своих агентов разъезжавших по всей стране, выгодно скупали все сырьевые продукты и отправляли их за границу.

Однако русское купечество не выдерживало конкуренции с более опытными и искусными в торговле иностранцами. Оно много раз обращалось к Алексею Михайловичу с жалобами на иноземных торговцев, обвиняя их, в частности, в сговоре между собой в интересах установления низких цен на русские товары, а также «в обидной торговле подкрадными товарами» (т. е. в контрабанде). Купцы терпели убытки, и правительство Алексея Михайловича вынуждено было защищать их. Новоторговым уставом пошлины на иноземные товары повышались в четыре раза. Торговля иностранцев ограничивалась пограничными городами: Архангельском, Новгородом, Псковом и некоторыми другими. Иностранцам под угрозой конфискации товара запрещались розничная торговля и обмен друг с другом помимо таможен. Привилегии давались лишь индийским, греческим, бухарским и армянским купцам, которым разрешался вывоз валюты. Запрещалось ввозить в страну предметы роскоши, а также табак, сахар и вина, а вывозить драгоценные металлы и предметы из них. Высокие требования предъявлялись к качеству товаров, не только иноземных, но и русских. Таможенным начальникам дано было право «худые товары бличив и во весь свет гласив, отослать бесчестьем с ярмарки».

Иноземные торговцы не хотели терять рынки в России и стали доставлять свои товары через

границу тайно. В Первопрестольной появились и вина, и табаки предметы роскоши... Тогда решено было строго наказывать контрабандистов Их жестоко и принародно избивали на площадях и рынках, били кнутом, а за тайную доставку спирта отрубали руки и ноги. Число искалеченных людей в Москве увеличивалось, но контрабандных товаров меньше не становилось. Что же предпринять еще? С одобрения царя решили усилить охрану границы. На границе со Швецией стали размещаться драгунские полки, а с Польшей – казахи.

Контрабандные товары доставляли в Россию не только с запада, но и с востока. Алексей Михайлович знал, что казаки и «охочие» люди дошли до «края земли» и для охраны новых земель строят остроги, крепости, города: Томск, Енисейск, Якутск, Красноярск, Иркутск... Им нелегко в этих диких краях. Он, царь, помогает им деньгами, зельем (т. е. порохом), пищалями да солью, а остальное они добывают сами. Уже не раз пришлось выдержатим осады не только «ясачных» людей, но и маньчжур, китайцев, и, слава богу, успешно. «Да, раздвигает свои пределы Древняя Русь, – размышлял русский царь, – теперь их надо закрепить, надежно оберегать и защищать. И в Москве уже заметно, что Русь богатеет, вот сколько появилось пушнины – белок, соболей, лисиц, горностаев. Говорят, в Сибири так много соболей, что женщины бьют их коромыслами. Открываются новые пути в Монголию и Китай. Надо налаживать торговлю, чтобы казне было прибыльно».

И вот появляется новый указ – об учреждении заставы на новой Верхотурской дороге. Царь указал, что многие товары везутся в Россию беспошлинно, используя новые окольные дороги, и поэтому «перед прежние годы чинится недобор многих». «И мы, Великий Государь, указали: с Верхотурья, на той дороге, где пригоже, поставит заставу посылать на ту заставу детей боярских, добрых и служилых людей... чтобы нашим таможенным пошлинам впредь недобору не было».

Торговля развивалась, государственная казна становилась полнее, а Россия все теснее вписывалась в мировой товарообмен. Ей было что продавать, было и что покупать, но надо было учиться торговать и защищать свои интересы на государственной границе. Алексей Михайлович это понимал, и, хотя ему не всегда хватало решительности в государственных делах, интересы России на границе он защищал надежно. Он был, конечно, добр и мягок, но матушку-Русь своих подданных в обиду не давал. Так было и в русско-польской войне.

Государь хорошо помнил, какие тяжелые потери понесла Россия в Смутное время: Белоруссия и Малороссия были захвачены Речью Посполитой. Началось насильственное ополячивание этих земель. Поляки-католики еще в 1596 году навязали православным малороссиянам унию – соединение католической и православной церкви под эгидой папы римского. После этого началось открытое преследование православных христиан со стороны католиков и униатов. Православные священники изгонялись, их церкви закрывались, а население приходов жестоко притеснялось.

Русское население никогда не мирилось с искусственным ополячиванием и насильственным обращением в католичество. Оно боролось, и авангардом этого движения выступало днепровское казачество. Католицизму униатствам были также чужды, как и всему православному населению. Но их борьба с польским религиозным фанатизмом и вмешательством во внутренние дела была неравной, трудной и временами оканчивалась тяжелыми поражениями.

Алексей Михайлович внимательно следил за ходом этой борьбы.

В 1647 году гетманом запорожских казаков был избран Зиновий – Богдан Хмельницкий, служивший ранее писарем реестровым у казаков. Это был широко образованный для своего времени человек, знавший польский и латинский языки. В одном из казачьих боев он попал в плен к татарам, оттуда был отправлен в Турцию, где овладел турецким языком. Во время похода против татар гетманом Вишневецким на его имение напал польский шляхтич Чаплинский, разорил его, убил десятилетнего сына, а

жену увел с собой. Жалобы Хмельницкого в различные инстанции, в том числе и польскому королю, окончились ничем, но он усвоил одно правило: противясы надо действоватьилой.

Хмельницкий возглавил стихийное и разрозненное движение казаков и православного населения против Польши, придав ему осознанность и организованность. Основную часть его войск составляли запорожские казаки и русское слободское население. На стороне Хмельницкого выступили татарский мурза Тугай Бей со своими войсками.

Первое сражение поляков и армии повстанцев произошло у Желтых Вод, окончившееся победой Хмельницкого. Поляки потеряли около девяти тысяч человек. Восставшие одержали еще несколько побед, но полностью освободиться от польского господства не могли. В 1651 году они потерпели сильное поражение от польских войск, потеряв около тридцати тысяч казаков. Хмельницкий понимал, что спасение Малороссии и православных малороссиян – вернуться под покровительство русского царя, в состав своего родного русского государства. Однако Алексей Михайлович вел осторожную политику и не торопился принимать столь важное решение – Польша обладала достаточными силами, да и весь католический Запад был на ее стороне. Пришлось заключить с поляками мир, по которому права казаков сильно ограничивались, и потому он, конечно, не мог быть прочным. Но он требовался, чтобы выиграть время. Население, спасаясь от преследования католиков-поляков, переселялось на левый берег Днепра.

Новая война казаков с Польшей начиналась из-за Молдавии. Польские войска пытались не допустить похода казаков в молдавские земли, но были разбиты. Другой отряд польских войск вторгся в казачьи земли и стал опустошать. Богдан Хмельницкий спасение видел только в одном – в переходе под руку Москвы, и в 1653 году послал в столицу два посольства но оба они вернулись ни с чем.

В середине 1653 года Алексею Михайловичу стала известна переписка Хмельницкого с турецким посольством о переходе казаков под власть Турции. Перспектива иметь на юго-западных границах могущественную оттоманскую Порта была весьма тревожной, и он дал согласие на свое покровительство казакам. 1 октября Земский собор принял решение «о приеме Войска Запорожского с городами и землями» под руку царя и о том, чтобы «против польского короля войну вести». Рада, собранная в Переяславе, приветствовала решение, и казаки принесли присягу на службу московскому царю. Часть казаков и атаманов поддержали решение Рады. Среди них был и кошевой атаман Иван Серко, ушедший со своими сторонниками в Запорожье.

Началась долгая русско-польская война. Московские войска направились на запад, и царь Алексей Михайлович тоже поехал на войну. План ее он одобрил. Боярина В.Б. Шереметева со стрельцами, лушниками и пищалями он направил на юг, на соединение с войсками Хмельницкого для охраны южных рубежей от татар совместных боевых действий на территории Малороссии (Украины).

На Дон был послан боярин Троекуров, чтобы совместно с донскими казаками оберегать южные рубежи от возможного вторжения турок.

Сам Алексей Михайлович во главе стотысячной русской армии двинулся к границам Польши по старой Смоленской дороге.

Принимая доклады и проводя военные советы с ближними боярами, молодой царь впервые в жизни ощутил горячее дыхание войны, ее строгие законы, увидел неизбежные жертвы. То, что издали представлялось рыцарским подвигом и романтическим приключением, на деле оказалось тяжелой и монотонной работой многих тысяч людей. Бесконечные марши, стоянки, кочевки в поле сильно его изматывали, не радовали глаз и старые, лохосившиеся крестьянские избы, и толпившиеся у них бородатые мужики в холщовых рубахах, измученные тяжелой работой женщины. Кругом грязь и нищета.

К великой радости ближних бояр, это «худое» настроение царя продолжалось недолго. Скоро он

привык к походной жизни, и его все чаще видели на рыжем прекрасном скакуне усталые солдаты. Это поднимало их дух, прибавляло силы, и они, распевая песни, шагали дальше по грязным и разбитым дорогам. Тем более что война началась успешно.

Был взят Смоленск, а в следующем году – Вильна, Ковно, Гродно. В дальнейшем положение русских войск осложнилось. Алексей Михайлович, поддавшись на уговоры австрийского посла, вступил в войну со Швецией. Эта война продолжалась пять лет и закончилась на прежних условиях Столбовского мира.

На польском фронте положение русских войск из-за разногласий с гетманом войсковым старшиной ухудшилось. Под Конотопом Чудовом они потерпели поражение. Польский король повел свои войска в наступление, но, потерпев ряд серьезных неудач, отошел в Польшу. Для продолжения войны ни у русских, ни у поляков сил не было, и в 1667 году они подписали Андрусовский мир, по которому границей между Польшей и Московской Русью стала река Днепр. Восточная часть Малороссии вошла в состав московских владений, а западная осталась за Польшей. Смоленская и Северская земли были возвращены России. Киев на три года также переходил под руку московского государя. Границы Московского государства отодвинулись далеко на запад, однако спокойствия на новой границе не было. Потребовались еще многие годы, чтобы Украина была освобождена от польской зависимости и вошла в состав России. Но главное было сделано – две ветви одного русского народа, как и во времена Владимира и Ярослава, вместе боролись против завоевателей-угнетателей и добились победы. Это понимал и «тишайший» царь Алексей Михайлович, принявший Украину под свою руку.

Алексей Михайлович расширил пределы «своей отчины» не только на юго-западе, но и далеко на восток и юг. У Кавказского хребта сотни гребенских казаков охраняли на укрепленных линиях новые границы; на Тереке сидели московские воеводы. Цари Кахетии и Имеретии, теснимые турками и персами, просили русского царя принять их в свое подданство. Еще больших успехов русские добились за Уральским хребтом, дойдя до берегов Охотского моря. Везде устанавливались новые границы, строилась их охрана. Россия выходила на широкую мировую арену, везде добиваясь своей выгоды и защищая свои интересы.

Все это потребовало от Алексея Михайловича огромного напряжения: в сорок семь лет его не стало. Уходя из жизни, он остался верен себе, проявив христианское милосердие – освободил заключенных, возвратил из ссылки «опальных», простил казенные недоимки и оплатил счета тех, кто содержался в тюрьмах за частные долги. Он так и не решился на радикальные реформы, но оставил России своего наследника – Петра, будущего великого преобразователя, творца новой жизни и новой порубежной политики. Дело «тишайшего» царя продолжил его славный сын, еще больше укрепивший могущество России и ее государственные границы.

«На троне вечный был работник»

Петр I и охрана рубежей Российского государства

Победу в Северной войне в новой столице Санкт-Петербург отметили весело и шумно. Петр сам объявил народу и войскам о заключении мира, после чего из крепости раздался пушечный салют полки, поставленные на площади, салютовали ружейным огнем. На 10 сентября был назначен маскарад, который начался в восемь часов утра. Придворное общество собралось у здания Сената. Петр вышел в костюме корабельного барабанщика, отбивая барабанную дробь. Торжество началось и продолжалось восемь дней.

Петр I

Не забыл Петр I о простых людях города. Для них устроены были два фонтана из которых лилось белое и красное вино. Многие петербуржцы не покидали это место до тех пор, пока вино полностью не

иссякло. Здесь тожились до победы.

Сенат просил Петра принять титул Великого, Отца Отечества и Императора Всероссийского. Царь согласился. Русь превратилась в Российскую империю.

Радостно было на душе у Петра. Продолжавшаяся двадцать один год война, которую он называл «трехвременной жестокой школой», окончилась «так хорошо, как лучше быть невозможно». По Ништадтскому миру, заключенному 30 августа 1721 года, за Россией сохранялись Ингрия с Петербургом, вся Эстляндия с городами Ревелем, Нарвой и Ригой и часть Карелии с Выборгом. Пробыт, то есть возвращен, прямой путь в Европу, а границы государства значительно раздвинулись. Теперь их нужно было укреплять, организовать надежную охрану и защиту.

Полтора года спустя, в 1723-м, после завершения работ по установлению новой границы на местности, появился указ Петра I «О разграничении Российских со Швецией земель». Император предписал:

«1. Дабы чисто и непрекословно граница содержана была, как ныне, как и в предыдущие времена, от начала границы до заключения оной прорублена аллея в три или четыре сажени шириною и не что более.

2. Заключено и договорено, чтобы с обеих сторон учредить к тому надлежащих послуживцев, которые возымеют попечение, дабы граничные аллеи лесом не зарастали... чтобы по всей границе обретающиеся каменные столбы дерева, на которых с обеих сторон граничные признаки начены и назначены...»

Как видим, думал царь о границе, о поддержании на ней порядка. И не только о новых рубежах заботился, но и о тех, которые уже существовали десятилетиями. На границе с Польшей по линии Исков – Смоленск – Брянск он потребовал прорубить аллею шириной 150–500 шагов.

Петра уже давно тревожили вести, поступающие с южных границ. Татары по-прежнему занимались там грабежом населения пограничных уездов, захватывали десятки тысяч подданных России. По донесениям пограничных воевод, в Крыму постоянно находилось не менее 60–65 тысяч русских, обращенных в рабов. Сил же для военного похода против крымчаков, чтобы усмирить их, у Петра пока не хватало. Откупались от ханов взятками, дорогими подарками, надеясь отвести их набеги. Но все было напрасно – дикие и жестокие вторжения грабежи не прекращались. Знал об этом царь, знал и скорбел душой за своих подданных, которых не мог защитить от подлых басурманов, не раз пытался им помочь, но пока был бессилен, хотя делал все возможное.

Еще в 1713 году Петр I из поселенцев, прибывших из центральных районов, великороссов и малороссов, сформировал пять полков поселенного войска – ландмилиции: Ахтырский, Сумской, Изюмский, Острогжский и Харьковский. Они несли службу на укрепленных линиях весной и летом, а осенью и зимой возвращались домой и занимались своими хозяйственными делами. В «Записках о России» Маништейна сохранилось описание службы малороссийской (украинской) ландмилиции: «Линии охраняются 20 000 драгун из милиции, размещенных по крепостям и по селам, нарочно для них выстроенным. В мирное время они получают на одну треть менее обыкновенного войскового жалованья, а взамен им розданы участки пахотной земли, которую они обрабатывают. Это войско набрано из 20 000 бедных дворянских семейств в областях Курской и Рыльской, так называемых однодворцев, то есть владельцев одного только двора, которые сами пахут свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линию из своей среды известное число работников в помощь при земледельческих работах. Скажу мимоходом, что это превосходнейшее войско в России. Из этого войска набраны были при императрице Анне люди как для Измайловского гвардейского полка, так и для кирасиров Миниха. Все же войско было сформировано по проекту Миниха 1731 года. До него еще при Петре I существовало это войско в числе 6000, из числа последних и сформирован был Измайловский полк».

Чтобы ослабить разрушительные последствия татарских набегов и быстро оповещать население об этой угрозе, Петр задумал осуществить идею, известную еще со времен Киевской Руси: создать систему оповещения сигнальными маяками. 7 января 1723 года президент Военной коллегии А.Д. Меншиков объявил именным царским указом «О предосторожности в случае нападения татар на границы Российские». Указ требовал, чтобы в «Киевской, Воронежской, в Казанской и Астраханской губерниях, а именно как при Царицынской линии, так и в прочих пограничных в те губернии местах до всем учрежденным форпостам и караулам, так же и большим и малым дорогам, которые лежат от тех форпостов к городам, местечкам, селам и деревням великороссийским и малороссийским и к казачьим, чинить в каждом месте по три маяка, или пирамиды в вышину по три сажени». Далее предписывалось, чтобы у тех маяков всегда караул был конный, а для скорого зажигания чтобы в тех местах не престанно был огонь... и когда маяки зажгут, чтобы все пограничные жители ретировались в города, кому куда способно...».

Прошло немногим более месяца, и Петр решил оповещение маяками распространить на всю юго-восточную границу. Новый указ «О построении по всей Украине, для опасности от набегов татарских, сигнальных маяков и об определении к ним для караула людей» предписывал «...учинить по всей Украине, начав от Волги у Царицына до Паншина по линии, а от той линии до Тамбовского уезда, а потом до Днепра, в глубь земли от той линии верст по 100 и по 150 расстоянием по линии, для опасности от набегов татарских ржи на высоких пирамидах, на таких, какие уже по Царицынской линии от Волги до Дона учреждены, и к ним определить для караула пристойное число людей...».

Часто, очень часто пылали по всей Украине сигнальные маяки, оповещая жителей и сзывая их под стены крепостей, чтобы уберечь от татарского рабства. Многие жизни были спасены благодаря петровским указам. Труднее же всех приходилось караулам у сигнальных маяков: татары хотели сыграть на них, как на самую ценную добычу, но и сами нередко испытывали на себе силу казацкой сабли. Степь жила своей тревожной и напряженной жизнью.

В 1725 году Петр I возвращался из похода в Персию. Остановился в Астрахани и внимательно ознакомился с состоянием охраны границы в этом регионе. Многие ему здесь не понравились. Сама Астрахань была укреплена слабо, а крепость Терки вообще разрушена. Он приказал в кратчайшие сроки при граде Астрахани построить крепость Святого Креста и крепость Кизляр, укрепить их редутами, а также построить укрепленную линию до Моздока и Ставрополя. Завершено было строительство этой линии лишь в 1736 году. Важность этой укрепленной линии позднее оценил князь Потемкин. Будучи в 1771 году новороссийским наместником, он удлинил эту линию до Кубани, до ее впадения в Азовское море, и назвал Кавказской линией. Охраняли ее кубанские казаки.

Петр все обошел пешком, сам спланировал размещение основных объектов, сильно устав, присел отдохнуть. Рядом опустился на камень помощник, бригадир Левашов. «Нет ли у тебя, братец, водки?» – спросил у него Петр. «Водки нет, государь, – ответил тот, а есть сивуха!» «И то гладно, – заметил царь. – Не найдется ли только редьки закутить?» Принесли редьку. Петр велел всем наполнить кружки и сказал: «Выпьем за то, чтобы и здесь, у Волги, и везде, где проходят границы нашего Отечества, ржи были неприступны для неприятеля». Звякнули кружки, и сопровождавшие царя служилые люди вместе с ним выпили до дна за великолепный toast своего государя.

Проезжая через Саратовскую губернию, не забыл Петр посетить уездный город Царицын. Еще в 1717 году приказал он построить здесь укрепленную линию в северо-западном направлении: уж очень досаждали местным жителям кубанские татары. Теперь положение изменилось. До самого Дона, на шестьдесят верст, протянулась линия форпостов, крепостей, редутов. Кочевали здесь некрещеные калмыки, они же и охраняли укрепленную линию. Последнее обстоятельство особенно обрадовало царя, и он приказал комплектовать из волжских калмыков команды для охраны границы и на других участках.

Уезжал он с нижней Волги в хорошем и добром настроении, понимая, однако, что охрана границ российских «зело трудное дело» и требует себе большого внимания.

О многом передумал Петр, трясаясь в своем тарантасе по пути в Санкт-Петербург. Вспоминал войну со Швецией, которая опустошила казну, стоила больших жертв и тяжело отразилась на жизни людей. «Оградив Отечество безопасностью от неприятеля, – размышлял Петр, – надлежит теперь обогатить и возвеличить его. И тут главное средство – промышленность и коммерция». Много думал он о том, как поднять экономику и торговлю, «чтобы облегчен был народ». Возможно, именно здесь, по пути в столицу, созрела у Петра мысль проводить в торгово-экономических отношениях с европейскими странами политику «меркантилизма». По господствовавшим тогда экономическим взглядам государству, чтобы быть богатым, должно было стремиться, как можно больше производить у себя дома, как можно больше продавать товаров в чужие страны и как можно меньше покупать иностранных.

Для Петра не было секретом, что русская промышленность не выдержит конкуренции с европейскими странами, и потому он решил ввозимую из-за границы продукцию обложить высокими пошлинами, а некоторые ее виды вообще запретить для ввоза в страну. Но, полагал он, эта мера неминуемо вызовет потаенный ввоз товаров, то есть контрабанду, и поэтому необходимо, прежде чем повышать пошлины, надежно закрыть границу, сделать ее неприступной для контрабандистов.

Сразу же по возвращении в столицу Петр подписывает указ, в котором требует: «По всей польской границе, по большим дорогам учредить крепкие заставы между больших дорог проезды летом варубить, а где нет лесу, торвами перекопать и накрепко наказать, чтобы никто ни для чего по оным за рубеж не ездил и следу не прокладывал, а съезжал бы на помянутые большие дороги, и для того помянутые заставы от одной до другой иметь разъезды, а ежели на такихاپоведных проездах явится след, тотудожидать и кто поедет, того вязать и штрафовать, а вязать и того, с чем будет вязать».

Почему в своем указе Петр определил местом выставления «крепких застав» польскую границу? Ответ на этот вопрос несложен. К тому времени Польша в военном отношении уже не представляла серьезной угрозы для России, зато польские контрабандисты были необычайно дерзки, предприимчивы и изобретательны. Они рыскали по всей Европе, скупали по дешевке все, что попадало под руку, и везли в Россию, где «свой» товар продавали втридорога. Надо полагать, что Петр знал об этом и принимал ответные меры.

А в следующем, 1724 году он утвердил подробный таможенный тариф, по которому заграничные товары облагались высокими пошлинами, если они конкурировали с товарами отечественного производства. Пошлины за ввоз парусины, скатертей, железных игл, предметов роскоши достигали семидесяти пяти процентов стоимости. Товары же, в привозе которых странамуждалась, так как они производились на русских мануфактурах в недостаточном количестве, облагались низкими пошлинами. Новая торгово-экономическая политика Петра вступила в действие.

Впрочем, выставление «крепких застав» по границе преследовало не единственную цель – борьбу с контрабандой. Надо было еще удерживать «беглых людей», которых становилось все больше. Помещики обращались к Петру с жалобами: «Бегают по нас люди и крестьяне с женами и с детьми на Дон и Хопер, и на Медведицу беспрерывно, многие села и деревни запустошили». Люди бежали не только «на Дон и Хопер», но и в Польшу, Литву, вообще «куда глаза глядят». У Петра народу было мало – всего четырнадцать миллионов человек, и каждый, можно сказать, был на счету. Удерживать их нужно было во что бы то ни стало!

И вот в марте 1725 года появляется указ «Об учинении во всех российских городах по рубежам застав и об определении на оныя из полков офицеров, для поимки беглых», в котором Петр удрученно констатировал, что «бегут в Польшу и за другие границы», и строго потребовал «учинить крепкие заставы»

на тежаставьопределитыиз армейских полков. А на тежаставаживотитьбеглецов...».

Воттакаяяростнаякартинароссийской действительностилюди бегутиз своего ОтечестваИ такдо сих пор...

Все предусмотрелПетрI, но не учел одного фактора- в нищей и голодной странеуказы, даже самые строгие, не действуют.Злоупотребления чиновников, как высших, так и низших, казнокрадство, взяточничества хищения парализуютвсе усилия правительственныхорганов. Так произошло и с указами по охране границы. Таможенные головы и их помощники – «целовальники» – за беспошлинный провоз товаров брали взятки, казна лишалась доходов, а отечественнаяпромышленность – защиты от конкуренции. Тогда-то и появилось своеобразное толкование слова «таможня» как «там можно» (разумелось – пожитья).Тогда же родилась и поговорка: таможня- золотоедно. Не отличались в этом отношении особой щепетильностьюи унтер-офицеры, стоявшие на форпостах, которым Петр I предписывал «ни с кого никаких взяток запросов иматьне дерзать,под опасением военного суда». Они же не слушались, а «дерзали и имали».

Не помогли и введенные ранее фискалы, которыедолжны были «тайнопроедывать,доносить и обличать»,осуществлятьконтрольза деятельностьвластей,особенно в отношенииказенных доходов и расходов. В провинциях, «которые при границах государства обретаются»,фискалы обязаны были проедывать, «не вкрадываются ли в государство подозрительные люди, шпионы (лазутчики), чужестранныезлодеи и темподобные и прочие; также не ввозятли заповедные товары не уходятли из государстватайнокакие подозрительные...».Хотяи вскрыли фискалы много злоупотреблений,но и сами не смогли вырватьсяиз тогопорочного круга хищений и коррупции, в которомвращалось чиновничество петровскойРоссии. В 1724 году был казнен жестокойказнью – колесован – главный фискал России (обер-фискал) А. Нестеровза то,что«не токмоса другими противныхдел по должностисвоей не смотрел,но и сам из взяткови для дружбы многое в делах упущение чинил».

ПетрI, конечно, нашел бы средства,чтобыусилитьохрану границы, но уже сильно болел. Он еще успел написатьнаказ Камчатскойэкспедиции, котораядолжна была выяснить,соединяетсяли северо-восточнаяАзия с Америкой или они разделены проливом. Петрпоручал экспедиции плыть«возле земли, котораяидетна норд», и искать,«где оная сошла с Америкой». Значит,думал царь о дороге через Ледовитоеморе в Китай Индию.

Сибирь всегда волновала Петра своими необъятными просторами, богатствомртдаленностька малой изученностью.Он знал, чтокроме русских землепроходцев сюда устремилисьманьчжуры, китайцы, японцы, и предполагал, чтоосвоение новых территорийи удержание их в границах Российской империи будет делом «зело трудным».Расположенные на краю светаи уже освоенные русскими Курильские островапровозглашаютсяя частьюРоссийской империи. Но одновременно с юга уже выдвигались сюда самурайские отряды,обосновавшиеся на островеХоккайдо. Здесь впервые столкнулисьинтересыРоссии и Японии. Российские интересыПетрготовилсващицатьтвердойдержавной рукой.

На границе с КитаемПетрпродолжаетпроводитьоборонительныемероприятия.Еще в 1686 году в Приамурье и Забайкалье из Москвы зимним путембыл отправлен обоз из 120 подвод с воинским снаряжением: 1000 пицалей, 20 пушек, тяжелаямортира,1000 пудов пороха и свинца, 1000 ядер и другое вооружение. Сибирские воеводы начали комплектоватьдля охраны дальневосточной границы отряды служилых людей общей численностью в 1400 человек. Их ядро составляли стрельцы (500 человек), подобранные в центральнойчастистраны.

Спустячетвертьвека ПетрI, учитываяослабление военной угрозы с запада, решил усилитьохрану дальневосточной границы. 20 января 1724 года он подписал указ, в котором Военному ведомству предписал: «Для охранения сибирских пограничных местпослатьподполковника Бухгольца, да с ним

отправит Сибирскому губернатору из гарнизонных регулярных полков конных 1000, пехотных 1000 же человек».

Постепенно и здесь, в этом далеком краю, начинали вырисовываться контуры будущих границ Российской империи. Они вытягивались длинной извилистой линией до холодных морей Тихого океана и, повернув на север, терялись во льдах Ледовитого моря. И теперь на этой не обозначенной пока черте быстро и основательно ставились крепости и остроги, поселялись в них служилые и пахотные люди, начинали корчевать лес, сеять хлеб и... охранять границу. Державная Российская власть прочно утверждалась в этих обжитых местах. А иных целей, кроме могущества державы и благоденствия подданных, у Петра не было.

Прекрасные слова о роли Петра Великого в нашей истории сказал М.Н. Погодин: «В руках Петра концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаем с этою колоссальною фигурою, которая бросает себя длинную тень на все наше прошедшее и даже заститам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее».

Мы можем только догадываться, что могучая тень Петра нависает над охраной границы, которой он сумел придать совершенно новое, военно-экономическое значение. «Ничто так не надлежит хранить, как границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал внутрь государства», – писал он в указе Ф. М. Апраксину, требуя от него бдительно оберегать рубежи России. Таким он и остался в памяти народной.

...На широкой площади Санкт-Петербурга, реки Невы, там, где бронзовый всадник медной рукой осадил коня над самым краем пропасти, стоит А.С. Пушкин, задумавшись и скрестив на груди руки. Памятник скульптора Фальконе завораживает его своей мощью, волнует воображение, вызывает бурю мыслей и чувств, которые тут же облекаются в поэтические строки:

Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта,
И в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Затем, взглядевшись в запечатленный в бронзе облик Великого преобразователя России – Петра, продекламировал:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

«Ее Императорское Величество повелели»

Елизавета Петровна и охрана российского порубежья

У Елизаветы, как и у всякого человека, отмеченого печатью судьбы, была своя «звездная» минута, перевернувшая всю ее жизнь, взметнувшая ее из пустоты абвения к вершине власти и славы. Она, эта минута стала для нее тем моментом истины», в котором сфокусировалась вся ее предшествующая жизнь, полная утраченных иллюзий, горестных обид, несбывшихся желаний и негаснущих надежд. И когда она пришла, Елизавета уже не сомневалась в своем выборе. Твердо и решительно вошла она в казарму гвардейцев Преображенского полка и позвала их за собой «во имя справедливости и чести». Гвардия, уставшая от правления временщиков, восторженно встретила свою будущую повелительницу и в несколько часов совершила то, к чему страстно стремилась Россия уже много лет: она возвела на престол ту, чьи права на него были неоспоримы, – родную дочь Петра Великого. Это случилось 25 ноября 1741 года. Кажется, никогда в России в течение всего XVIII века не было такого бурного веселья и такой искренней радости «от двух столиц до самых до окраин», как в те ноябрьские дни. Все облегченно вздохнули, надеясь, что добрая и умная Елизавета облегчит тяжкое бремя их существования. И действительно как пишет В.О. Ключевский, «с правления Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 года не оставляло по себе такого приятного воспоминания, как время царствования дочери Петра».

Елизавета Петровна

Елизавета была мила и очаровательна. Испанский посол Дукде Лирия говорил о ней: «Принцесса такая красавица, каких мало встречается. У нее удивительный цвет лица, прекрасные глаза и рот, замечательной красоты шея и несравненная фигура. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует уверенно, без малейшего страха ездит верхом. Умна, грациозна и очень кокетлива, честолюбива и имеет слишком нежное сердце».

Она поклялась, что сделает свое правление гуманным и милосердным, и следовала этому обету всю жизнь. 17 мая 1744 года своим указом она отменила смертную казнь, а позднее и пытки по отношению к малолетним, клеймение и вырывание ноздрей у женщин. Раненные в боях и при охране государственной границы солдаты находили себе приют в выстроенных многочисленных инвалидных домах и богадельнях.

Мирная и добросердечная, она не любила войну, но вынуждена была воевать чуть ли не половину своего царствования. Она вела войну со Швецией, в ходе которой русские войска под командованием Ласси разбили шведов. По заключенному в 1743 году в Або миру к России отошла часть Финляндии, и граница со Швецией была установлена по реке Кюмень. С 1756 года Россия участвовала в Семилетней войне, заключив союз с Англией и Францией против Пруссии. Разгромив войска Фридриха II на полях

Цорндорфа и Кунерсдорфа, русская армия в 1760 году дошла до Берлина и заняла его. Пруссия была на грани катастрофы только смерть Елизаветы спасла ее от гибели. Новый император России Петр III прекратил войну против Пруссии и даже заключил с нею союз. Жертвы России оказались напрасными, и только военная слава была ей в награду за блестящие победы.

Сознавая, что она не обладает теми талантами, которыми так щедро наградила природа ее отца, Елизавета Петровна окружила себя выдающимися людьми своего времени. Среди них выделялись графы братья Разумовские, Шуваловы, Воронцовы, ученик Петра Великого граф Бестужев-Рюмин. Она упразднила Кабинет министров и восстановила прежнее значение Сената. В первые годы царствования и сама самодержица проявила большой интерес к государственным делам, стремилась быстрее решать те проблемы, которые достались ей в наследство.

Вступив на престол, Елизавета сразу объявила, что в управлении государством будет следовать заветам отца. В отношении охраны границы это означало восстановление высоких пошлин на ввозимые иностранные товары, усиление борьбы с контрабандным промыслом, введение таможенного контроля на морских торговых путях.

Новая императрица не ограничилась общими декларациями. Пошлины на ввозимые товары в размерах, установленных Петром I, были введены сразу же после ее воцарения на российском престоле. Спустя три с половиной года она подписывает строгий указ, запрещающий ввоз и вывоз российских денег, серебряной посуды и слитков. В указе говорилось: «Ее Императорское Величество повелели в подтверждение опубликованных указов во всей Империи публиковать еще печатными указами, чтобы никто медных пятикопеечников денежек, и полупек из-за границы в Россию, так и малороссийские города ни тайно, ни явно отнюдь ни под каким предлогом, хотя бы оные и российского чекана были, вывозить не дерзали, напротив уж того серебряной рублевкой и прочей монеты и мелких серебряных денег и сделанной всякой посуды и слитков из России за границу не вывозили...» Указ требовал на «заставы форпосты определить особливо добрых и надежных людей», которые бы осматривали всех проезжающих, «какого бы достоинства и чести он ни был», и если у кого найдутся российские деньги, «оного со всеми воровскими деньгами арестовать» после тщательного расследования, «ежели дойдет до пытки, то пытаться в тех местах, где кто пойман будет – казнить смертию». Если же несущие на форпостах заставах службу военные чины и таможенные чиновники «хотя бы однажды пропустят великую или малую сумму, так и по подлинному известию казнить смертию, а именно на том же месте, где такой пропуск учинили – повесить...».

Этот указ Елизавета подписывала с болью в сердце. Жестокие меры воздействия на виновных – пытки и смертная казнь – противоречили ее убеждениям и данному ею обетумилосердия. Ее мучили вопросы: вправе ли она, давшая клятву не применять пытки и смертную казнь к людям, как бы ни велика была их вина перед законом, подписывать указ, в котором предусмотрены такие жестокие меры наказания? Можно ли ограничиться более мягкими? Царица оказалась в тисках сомнений: Сенат уже одобрил этот суровый указ, а Синод ходатайствовал о необходимости отказать от данного императрицей обета. Она была готова плакать от несправедливости вырванного у нее решения и к вечеру, устав от своих мучительных мыслей, уехала в храм. Там Елизавета стояла на коленях, молилась Господу Богу, прося у него прощения за нарушенный обет. Вышла из храма царица в полном изнеможении, но с чистой, ясной и просветленной душой. Спустя несколько дней, 17 мая 1744 года, она подписала указ об отмене в России смертной казни...

Елизавета Петровна в продолжение всего своего царствования поддерживала блеск придворной жизни. Ее гардероб по количеству разнообразных платьев, шелковых чулок и других предметов дамского туалета превосходил все мыслимые пределы. Все привозимые в Санкт-Петербург иностранные ткани

немедленно закупились для императрицы, и боже упаси, чтобы какая-нибудь из придворных дам опередила ее в пошиве нового модного платья. Наказание ослушнице выносилось прямо на балу и сразу же приводилось в исполнение.

Однажды в конце лета 1746 года граф П.Н. Шувалов, направлявший внутреннюю политику России, обратил внимание Елизаветы Петровны на то, что большинство иностранных тканей в Санкт-Петербурге оплачены пошлиной, то есть, по сути, являются контрабандным товаром. Остановит тот поток нетни сил, ни средств. Россия до сих пор не установила ширины своих территориальных вод. Она не имеет ни одной таможенной яхты, хотя еще в 1724 году государь-император Петр I повелел построить ее и спустить на воду «в целях морского таможенного надзора».

Императрица, выслушав доклад, распорядилась немедленно приступить к постройке таможенной яхты, а спустя неделю, 20 сентября 1746 года, подписала указ, в котором потребовала «...учредить таможенную яхту, которая бы имела крейсировать до Березовых островов и быта на ней для исправления навигации из морских офицеров мичману, имеющему на той же яхте вымпел». Указом устанавливалась зона территориальных вод России в Балтийском море, определяемая, как это было принято во всех европейских странах дальностью выстрела.

Каждое иностранное судно обязывалось извещать о своем приходе в порт, брать на борту таможенных служащих, которые в пределах территориальных вод должны были оформить следование судна, осмотреть опечатанные места товаров и пассажирской кладью. Неисполнение этого требования влекло за собой штраф в пятьдесят фимков (талеров). Командиры отходящих из порта судов также должны были извещать власти принимать на борту таможенников для оформления отхода.

Между тем спустя год была построена и спущена на воду и первая таможенная яхта. Командовал ею морской офицер. В его распоряжении были два надсмотрщика и восемь солдат из кронштадтского гарнизона. По ее сигналу (выстрел из пушки) останавливались все корабли и брали на борту таможенных служащих. Контрабандного товара в лавках Санкт-Петербурга заметно поубавилось, а Елизавета Петровна в кругу своих друзей как-то заметила, что она унаследовала от своего великого батюшки не только сильную волю, но и неугасимую кипучую энергию.

Путешествуя, Елизавета не раз замечала, что существующая в России таможенная практика тормозит торговлю. В стране взималось семнадцать различных таможенных сборов. Сама процедура осмотра товаров и записей в книгах была громоздкой и неуклюжей. Процветали коррупция и взяточничество. Ей самой не раз приходилось рассматривать дела о несправедливостях и злоупотреблениях при взимании таможенных пошлин. Особенно страдал мелкий продавец, так как всякий товар ценою выше двух гривен должен был быть оформлен через таможенную товарную дорожку, мелкие торговцы не могли его продать и разорялись. Мудрый и дальновидный граф П.Н. Шувалов уже давно предлагал провести таможенную реформу, но императрица не соглашалась, опасаясь снижения доходов.

Наконец она решилась. Ее указ 1753 года отменял в России рублевую пошлину и все семнадцать таможенных сборов с внутренней торговли. Для компенсации доходов казны пошлины в портовых и пограничных таможнях увеличивались в среднем на тринадцать процентов. Внутренние таможенные границы ликвидировались, и таможенные операции переносились на линию государственной границы.

Но жизнь и на этот раз оказалась сложнее теоретически построенной. Купцы стали перевозить свои товары не через таможню на границе, а обходными путями, минуя их. Иногда, правда, они провозили свой груз и через таможню, но предварительно подкупив чиновников. Российские торговые ряды снова наполнились контрабандными товарами... Чем же ответила на это русская императрица? Да тем, чем и положено отвечать царице, когда ее воля не выполняется...

8 августа 1754 года Елизавета Петровна подписала указ, по сути положивший начало созданию особого рода войск, предназначенного для охраны государственной границы. В состав таможен вводились специальные служители – объездчики, которые обязаны были совершать вдоль границы разъезды и не допускать потаенного провоза товаров. Они набирались из разорившихся купцов, чтобы при поимке «своей братии – купцов с товаром могли быть искуснее военнотружеников».

Елизавета справедливо полагала, что охраной границы «обеднелым купцам» не справиться, и потому повелела командировать на форпосты два драгунских полка «с крепким подтверждением, чтобы они смотрением своим могли все воровские пролазы, тайные проходы пресечь». По всей западной границе она потребовала сделать засеки шириной от десяти до пятнадцати саженей, на дорогах выставить рогатки, а вдоль засек проложить дорогу шириной не менее трех саженей, по которой должны были двигаться разъезды драгун.

Предприняв строгие меры по охране границы, императрица долго думала над тем, как покончить с другим злом – продажностью таможенных чиновников? Снова вводить смертную казнь? Но это противоречило ее убеждениям. А может, снизить таможенные пошлины? От этого пострадает государственная казна. Значительно увеличить денежное содержание таможенников она тоже не могла, так как средств для этого не было. Однако выход, казалось бы, был найден. Его подсказали сами купцы.

Шемякин и Яковлев предложили правительству свои услуги по управлению таможенным делом на западной сухопутной границе. Несколько пограничных таможен они брали в аренду на пять, а затем и десять лет, обязуясь исправно перечислять казну половину получаемого дохода.

Вскоре Елизавета Петровна узнала о том, что купцы с задачей не справились. Из-за частых злоупотреблений арендаторов, плохой отчетности постоянно растущей с их стороны задолженности правительству вынуждено было аннулировать этот договор, а купца Шемякина отдать под суд. Неудавшийся арендатор оправдывался тем, что воинские команды не оказывают содействия таможенникам в выполнении их обязанностей. Давая показания в суде, он говорил: «Командиры делают препятствия в сборах, таможенных служителей немилосердно бьют и держат долгое время под караулом и тайно проезжающих с товаром людей из-за взяток пропускают через границу, оговоренных к следствию не дают... От соседних с границей жителей никакой помощи нет, напротив того, сами они по соглашению с поляками и русскими купцами, собравшись по стои более с ружьями и копьями, непрерывно провозят товары и удержатых нельзя по причине малочисленности команд на форпостах».

Пришлось сданные на откуп таможи снова передать в казенное управление. Из всего происшедшего императрица сделала один печальный вывод: воровство в России истребить трудно, ей эта задача не по плечу...

И все же ее радовал хотя и не очень яркий, но все же светлый луч в этом царстве воровства, взяточничества и лихоимства – доходы, приносимые пограничными таможами и стражей, постепенно росли. И если в начале ее царствования государственная казна от таможенных пошлин имела всего девятьсот тысяч рублей в год, то через двадцать лет она пополнялась ежегодно двумя с половиной миллионами рублей. А это уже были деньги, и немалые. С этой мыслью она и завершила свою деятельность по укреплению охраны границ империи.

...Прошло несколько лет. Российский престол занимала уже другая императрица, которую так же не устраивала процветающая на границе контрабанда, и она тоже готовилась навести здесь твердой рукой своей государственной порядок. В 1770 году она организовала проверку таможенных учреждений на границе, поручив это важное дело князю Мещерскому. И вот что писал князь в своем донесении: «Границы никем не укреплены, и форпосты форпостами поставлены в дальнем расстоянии, разъездных команд вовсе нет, караульных же на форпостах находится по малому числу, и самые престарелые из гарнизонов солдаты

и малороссийские казаки, кои, нередко оставляют открытыми и доверенные им места, ездят в дома для забирания к своему пропитанию хлеба и прочего харчу. А сверх того надзирателя, над ними определенные офицеры, привлекаемые лакомством, помогают купцам к тайному товаров провозу, или, имея поблизости собственные свои земли, желанием жить в оных спокойно, покупают отправление своей должности при форпостах, бывающего по 2 и более, получая как с проезжающих, так с проходящих людей взятки».

Если бы Елизавета довелось прочитать это донесение, то она вряд ли удивилась бы. За двадцать лет своего царствования она узнала, что в управляемой ею империи строгость законов часто компенсируется плохим их выполнением, и потому последние годы своей жизни совершенно отошла от государственных дел, в том числе и по укреплению охраны границ. Зачем писать новые указы, если не действуют старые? Не лучше ли дать общественности простор, и пусть она сама себе пробивает дорогу?..

«Я желаю только добра стране»

Екатерина II и охрана границ Российской империи

КНЯЗЬ Потемкин сделал, казалось бы, невозможное: путешествие Екатерины II в Новороссию было подготовлено блестяще и прошло увлекательно и интересно. Царицу восхищало все – и выстроенные на станции дворцы, и прекрасные экипажи, и иллюминированная на десятки верст дорога. На историческом поле боя под Полтавой ей показали настоящие военные маневры, в которых участвовали многие выдающиеся полководцы того времени. Восторгам императрицы не было предела. Но главное ждало впереди. Спустившись от Киева по Днепру на галере «Десна», Екатерина прибыла в Херсон – новый город-крепость, где в ее присутствии были спущены на воду два линейных корабля. Севастополь же встретил ее залпами орудий всего Черноморского флота выстроившегося на рейде широкой изгибающейся дугой. А в степи, на бескрайних просторах некогда Дикого поля, зеленели и наливались соком нивы, паслись стада коров и табунь коней, строились новые села, деревни, города. В распахнутые степные просторы врывалась новая жизнь, бурная и неукротимая, как вышедшая из берегов река.

Странные и какие-то неведомые ранее чувства вызывало это путешествие русской императрицы. Она хорошо понимала всю значимость происшедшего на ее глазах исторического акта, когда Россия после стольких веков унижения, борьбы и невероятных страданий все же возвратилась к Черному морю и вышла на свои естественные границы. И если ее великий предок Петр I «прорубил окно» в Европу на Балтике, то она, Екатерина II, сделала это на юге. Рухнуло также Крымское ханство – это удивительно прочное осиное гнездо, доставившее так много страданий великороссам и малороссам, да и другим народам, жившим по соседству. От этих мыслей на душе становилось легко и спокойно, и радостное, приподнятое настроение не покидало Екатерину всю поездку. Но была и тревога. Тревога за судьбу края, людей, прибывших в новые земли со всех концов страны. Ведь воинственная Турция не примирилась с потерей Крыма, а это значило, что впереди ждала долгая и изнурительная борьба.

Екатерина II

Опасения императрицы оправдались. 13 августа 1787 года Турция напала на Россию и потребовала пересмотра Кючук-Кайнарджийского договора. Османы добивались возвращения побережья между Бугом и Днестром, Крыма и Азовского моря. Известие тяжело поразило Екатерину. Она упала духом, начала говорить о непрочности славы и изменчивости счастья, о трудной доле правительницы. Но спустя несколько дней мир снова ощутил железную длань «принцессы Фредерики». Она отдает необходимые распоряжения, вселяет уверенность в успехе. Минутная слабость была, пожалуй, единственной за все тридцать четыре года царствования. «Теперь граница наша по Бугу и по Кубани, – писала она Потемкину. – Херсон построен, Крым – область империи, знатный флот в Севастополе, корпус войск в Тавриде, армии знатные уже на самой границе, и они посильнее, нежели были армии оборонительные и наступательные 1768 года. Дай Бог, чтоб за деньгами не стало, в чем всячески теперь стараться буду и надеюсь иметь успех».

Главным командующим в этой войне считался генерал-фельдмаршал Потемкин, фактически же войсками руководил Александр Васильевич Суворов. Его блестящий военный талант более полно и ярко проявился в этой трудной для России, но победоносной кампании.

В 1789 году Суворов одержал над многочисленной турецкой армией две великолепные победы: при Фокшанах и на Рымнике, которые не оставили султану Османской империи никаких надежд на благополучное окончание войны. В следующем году под натиском русских «чудо-богатырей» пала казавшаяся неприступной крепость Измаил – Суворов взял ее штурмом. Для продолжения войны у Турции не было ни сил, ни средств, и она, сломленная и потрясенная мощью русского оружия, запросила мира. По Ясскому договору она признала присоединение к России (а точнее – возвращение русским) Крыма и Тамани, а также степного пространства между Южным Бугом и Днестром. Граница между двумя

империями устанавливалась теперь по северным берегам Черного моря.

В 1762 году, вступив на престол, Екатерина II объявила себя преемницей Петра I в политических устремлениях, в том числе и в обустройстве границ.

1 января 1764 года она издала указ, предписывающий выделить для охраны южных рубежей десять пехотных полков и полк драгун. В соответствии с новой инструкцией полки поочередно несли службу: собственно охранную по линии границы, караульную и резервную. Смена производилась ежегодно в январе.

В 1770 году существовавшее поселенное войско преобразуется в регулярные армейские части, а казачьи формирования – в гусарские полки. В задачу им ставилось отражение набегов крымских татар, которые по-прежнему жили грабежом и разбоями.

Весной 1769 года вражеская конница вновь вторглась в пограничные южные русские владения. Это был последний крупный набег крымских татар на русские земли. Екатерина повелела командующему русской армией на юге генерал-аншефу П.А. Румянцеву укрепить южную границу, повести более решительную борьбу с Крымским ханством,

Весной 1770 года на юге началось строительство новой укрепленной пограничной линии – Днепровской. Она начиналась южнее Запорожья Александровской крепостью в устье реки Московки и простиралась до южной части реки Берды, впадающей в Азовское море. Здесь возводилась Петропавловская крепость, а всего на укрепленной линии было построено семь крепостей, охватывавших дугой Крымскую степь. Охраняли эту линию полки ландмилиции, а западнее – от Днепра до Буга – пограничную стражу держали запорожские казаки.

В ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 годов русская армия нанесла ряд тяжелых поражений войску крымчаков, и 1 ноября 1772 года Сахиб-Гирей, в то время крымский хан, признал себя слугою России, приняв ее покровительство.

Прошло одиннадцать лет. Новый крымский хан Шагин-Гирей добровольно отказался от престола, крымские и ногайские мурзы присягнули русской императрице. Екатерина манифестом возвестила Европу о том, что Крымский полуостров, Тамань и Кубанская страна присоединяются к России. В 1791 году, после поражения в очередной войне, эти территориальные изменения признала и Турция. Русская царица к своим традиционным титулам императрица и самодержица Всероссийская прибавила новый: «царица Херсонеса Таврического».

Так завершилась долгая и трудная борьба России со степью. Крымское ханство – последний осколок Золотой Орды – на двести лет лишним пережило ханства Казанское, Астраханское и Сибирское. Великая историческая драма непрерывного противоборства татаро-монгольским шествием, разыгрывавшаяся на просторах России пятью половиной веков, окончилась. Теперь уже не было нужды держать на границе постоянное войско – угроза миновала, и поэтому в 1775 году Екатерина II издала указ о расформировании корпуса ландмилиции. Основное бремя охраны границы легло на линейные полки действующей армии и казачьи войска. Запорожская сечь, исправно в течение веков оберегавшая южные границы Малороссии (Украины) и России, тоже оказалась лишней и была разрушена войсками Потемкина.

В бытность царствования Екатерины II юго-восточные границы России проходили по Тереку и Кубани. Здесь, в ближайшем пограничье, вырисовывались контуры будущей кавказской политики России на многие десятилетия вперед, и в соответствии с ней осуществлялась охрана границы.

В 1771 году князь Потемкин в звании Новороссийского наместника по согласованию с императрицей приказал Моздокскую линию, заложенную при Петре I, распространить до реки Кубани, до ее впадения в Азовское море. Новое пограничное укрепление он назвал Кавказской линией. Позднее, опираясь на нее,

Потемкин выбил из Кубанской области турецкие войска и в значительной мере локализовал кабардинские набеги на русские селения. Издавна здесь по берегам Терека и Кубани селились казаки, которые несли пограничную службу, защищая интересы России. В 1784 году на Тереке была возведена крепость с символическим названием «Владикавказ»... Что влекло Россию в этот спокойный край, где, как писал М.Ю. Лермонтов:

*И дики тежцелий племена,
Их Бог свобода, их закон – война...
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро,
И кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.*

Только ли бескорыстное желание помочь христианским народам Армении и Грузии или обеспокоенность за безопасность своих подданных, чья жизнь на протяжении многих столетий постоянно терзали соседи-хищники, жадные всегда поживиться за чужой счет? Наверное, было и то и другое. Для нас же важнее сегодня не забывать историю прошлого, учитывать опыт создания благоприятных спокойных условий жизни в пограничье. Впрочем, не только здесь, но и на всех пространствах,менуемых Россией...

Осень 1782 года особенно памятна в деятельности Екатерины III по укреплению охраны границы. 27 сентября она подписала указ «Об учреждении особой таможенной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров». Чем вызывалась необходимость этого документа? Ответ содержится в самом манифесте: «Употребленные до сего времени средства к уменьшению потаенного провоза товаров через границы Наши и к удобному открытию паки покушений, не были к тому достаточны. Большая же часть оных обращалась единственно на напрасный казне убыток и в тягость воедам, на стражу посылаемых, престарелых и увечных из гарнизонов, с коими силами подобное провозов пограничных охранение ни мало согласоваться не может. По многом разыскании всего того, что может способствовать лучшему образу прекращению таковых злоупотреблений, мы предпочли учредить по границе Нашей особую таможенную цепь и стражу».

И все же царица, объясняя причины низкой эффективности пограничной службы по борьбе с контрабандой, не была до конца откровенной. Обратимся к мнению на этот счет А.Н. Радищева, служившего в Санкт-Петербургской таможне: «Ни в одной пограничной таможне, и по объявлению служителей никогда при самой таможне не было товаров конфисковано. Как будто никогда, никто, ни под каким видом не смог сделать ошибки, ни покушения на утрату товаров от пошлины. Если были где конфискации, то разве объездчиками на границе, и то думаю в таком случае, когда тайно провозчик не захотел ничего остановить у своего служителя подарить. В противном же случае он всегда его пропустит, ибо конфискованное никогда не доходило до рук поимщика, а оставалось в руках начальников, присвоивших себе принадлежащее».

Как видим, Радищев, избежав дипломатических тонкостей, прямо и честно назвал вещи своими именами. Взятничество и коррупция на таможнях процветали и в годы правления Екатерины. В бюрократическом государстве человеку в чиновничьем аппарате сделать ничего: система его отторгает и в российских таможнях исключений не было. Если купцам не удавалось подкупить таможенную стражу, то они легко подкупали более высоких по рангу чиновников из казенной палаты, всегда обходили таможенные преграды. До 1784 года ввоз в Россию французских вин разрешался только через Петербургский и Архангельский порты, но купечество, подкупив таможенных чиновников, ввозило их через все таможни. Контрабандным товаром торговали во всех лавках Петербурга, Москвы и других

городов. Да и могло ли бы иначе, если объездчик получал 100 рублей в год и на эти деньги должен был купить ружье и другое оружие, обмундирование, коня? Как говорят, двух мнений тут быть не может. Надзиратель же имел денежное содержание в 200–250 рублей в год – деньги в то время немалые. Для сравнения скажем, что капитан арнизонных войск получал всего 120 рублей, а прапорщик – 56.

Екатерина, конечно, знала, какие порядки существуют в управляемой ею империи, а потому в своем указе предусмотрела ряд мер, которые должны были снизить злоупотребления на границе. Прежде всего предусматривалась ежегодная сменяемость с переводом к новому месту службы таможенных объездчиков и надзирателей. Для контроля за службой каждые десяти объездчиков вводился один надзиратель. Эта категория таможенных служащих комплектовалась из отставных офицеров. Кроме того, нововведенный таможенный тариф не имел строго покровительственного характера (размер пошлины составлял десять процентов стоимости товара), что само по себе сужало поле возможных злоупотреблений. Наблюдение за таможенными доходами и стражей было поручено казенным палатам генерал-губернаторам.

Таможенная пограничная стража, введенная Екатериной II, была вольнонаемной, то есть сугубо гражданской стражей. Она комплектовалась «обедневшими купцами» и отставными нижними чинами – кавалеристами. Все они служили по контракту, подчинялись дистанционным надзирателям, под отчетным губернским правлением. Надзиратели назначались по одному на пятьдесят верст, а объездчики – по одному на пять верст границы. Задержанную контрабанду им разрешалось брать в свою пользу, с уплатой лишь пошлины.

Надо отдать должное последовательности Екатерины: утвердив новый тариф и учредив таможенную стражу, она не посчитала свою задачу выполненной, хотя следует учесть, что эти указы были не единственными (ежегодно она издавала в среднем двенадцать указов). Императрица потребовала от Комиссии о коммерциях немедленно разработать единые таможенные обряды, общие для таможен европейского направления, а от генерал-губернаторов пограничных губерний запросила их мнения по поводу содержания новых указов.

Анализ докладов с мест был поручен директору Санкт-Петербургской таможни Г. Ю. Далю. В указе Екатерины по этому поводу говорилось:

«И для трактовки этого дела пригласить к общему оной Комиссии собранию господина статского советника Даля». Даль, как это зачастую у нас водится, перепоручил свою работу А. Н. Радищеву, помощнику директората таможни. Радищев представил свои замечания на доклад Пассеку, белорусскому генерал-губернатору, высказал также соображения о таможенных обрядах и инструкциях. Для нас они интересны тем, что характеризуют Радищева как очень принципиального и компетентного в таможенных делах человека, твердо следующего букве закона, бичующего «нерадение о таможенной части начальников и попускание их к злоупотреблениям». Некоторые документы, разработанные им, рассматривались Комиссией о коммерциях уже во время его ссылки и были приняты ею. И, как это часто бывает, после завершения работы по упорядочению таможенного дела награды получил Даль. Радищев же был «облагодетельствован» вознаграждением в 1000 рублей.

Пограничная таможенная стража учрежденная Екатериной II, просуществовала сорок лет. Она была малочисленной и плохо справлялась со своими обязанностями. Нередки были случаи, когда контрабандисты подкупали надзирателей и объездчиков, а если им это не удавалось – контрабанду провозили силой, нападая на малочисленных стражников, вооруженных тяжелыми гладкоствольными ружьями. Обстановка требовала усиления охраны западной границы.

Французская революция встревожила европейских монархов. Екатерина выразила свою позицию так: «Дело французского короля есть дело всех государей» – и свои слова подкрепила делами. Она запретила

ввоз в Россию французской мануфактуры вывоз во Францию каких бы то ни было российских товаров. Французским судам запрещалось заходить в русские порты. Позднее ввоз всех товаров из Франции в Россию был полностью запрещен.

На все эти меры граница реагировала по-своему: усилился контрабандный ввоз товаров и незаконный ее переход. Екатерина в свою очередь приказала увеличить численность таможенной пограничной стражи, выдвинуть на границу новые казачьи и армейские полки.

На пограничном горизонте появились первые признаки будущей войны с Францией, и это обстоятельство потребовало более существенных изменений в деле укрепления порубежья. Но эту задачу решали уже преемники великой императрицы.

Екатерина II оставила заметный след в истории установления охраны границы России. Как и ее великий предок, Петр I, главной целью своего правления она считала величие и процветание державы, безопасность которой покоилась бы на хорошо обустроенных защищенных границах. И пусть средства достижения этой цели с точки зрения сегодняшнего дня не всегда были цивилизованными и гуманными, они вполне соответствовали духу времени.

Таможенные доходы в царствование Екатерины II утроились. В 1763 году они составляли 1 997 000 рублей, а уже в 1796-м достигли 6 470 000 рублей. Не менее впечатляющими были и успехи внешней политики русской императрицы. Присоединение новых земель на западе и юге увеличили мощь и политический вес государства. Численность населения, составлявшая в начале ее царствования 20 миллионов человек, благодаря территориальным приобретениям естественному приросту к концу 1796 года достигла 36 миллионов. Бюджет страны возрос в 4,3 раза. Россия уверенно двигалась вперед семимильными шагами, превращаясь в могучую державу, считаясь которой вынуждены были все политики мира. В этом – огромная заслуга Екатерины II, которая, будучи немкой по происхождению, плохо писала и изъяснялась по-русски, но всю силу своего ума, весь темперамент своей талантливости поставила на службу России и русскому народу, сумела лучше других понять и осуществить мечты чаяния выдающихся умов того времени, отстаивать защитит национальные интересы, заложить основательный фундамент для дальнейшего укрепления могущества страны. Потому-то назвали благодарные потомки ее Великой.

«Я желаю только добра стране, куда Бог меня привел, – писала Екатерина, – слава стране составляет мою собственную – вот мой принцип, была бы я очень счастлива, если бы мои идеи могли этому способствовать».

«Советую все же выполнять свои обязанности»

Александр I и охрана границ Российской империи

Летом 1807 года Александру I Благословенному представился весьма благоприятный случай увидеть воочию, как несет службу русская пограничная таможенная стража. Он возвращался из Пруссии инкогнито, как частное лицо, а потому на Пасвенской заставе западной границы его не ждали и встречали, естественно, не как Императорское Величество, а по чину в паспорте – чиновника одного, весьма захудалого учреждения. Неряшливо одетые таможенники неторопливо проверили его документы, бесцеремонно осмотрели вещи в баулах и чемоданах и предложили уплатить за них пошлину. Едва Александр I приготовил деньги, как один из таможенников, видимо старший, предложил ему уплатить лишь половину пошлины, чтоб «без всяких формальностей» как он сказал, «разойтись миром».

Александр I

«Это выгодно и вам, и нам, бедным чиновникам, прозябающим в этой проклятой дыре, – заметил он, нахально глядя в лицо императору. – Государство от этого не станет беднее...»

Александр побледнел: ему, Самодержцу Всероссийскому, предлагают вступить в сделку и обойти им же утвержденный закон! «Плохи ж дела в твоей империи, государь, если даже ее начало – государственная граница – охраняется злоумышленниками», – подумал он. Сдерживая закипавший в груди гнев и стараясь сказать не возмутимым, император платил полную стоимость бошлыны и, глядя в глаза таможеннику, твердо сказал: «Советую все же добросовестно выполнять свои обязанности, ибо вы находитесь на государственной службе и, поступая таким образом, совершаете тяжкое преступление». Для себя же он решил, что по приезде в Санкт-Петербург распорядится снять этих взяточников с лихоимцев с границы и отдать под суд.

Почувяв недоброе, таможенникизасуетились,забегали и, низко кланяясь и улыбаясь, пожелали ему благополучного возвращения в родные пределы и счастливого пути.

Расстроенный неприятной сценой на таможене Александр долго ехал молча. Он думал о том, что его любимая бабушка Екатерина II, учредив вольнонаемную пограничную стражу видимо, допустила ошибку. В России испокон веков исправно работаетишь военная организация, спаянная присягой и дисциплиной. Гражданские же структурыбыстро разъедаются коррупцией, злоупотреблениями и паразитируютна правовой неграмотностилюдей. И если внутривостранытакаяадминистрациянежелательнатона границе она простанетерпимаи даже опасна...

Этойдолгой дорогой в Санкт-Петербурге императорасозрела мысль провести на границе реформу, заменитьвольнонаемную таможеннуюпограничную охрану военными людьми, преданными престолу и Отчеству.

Осуществитьзадуманное оказалось не просто.Нахлынувшие событиязвлекли внимание Александра отреорганизации охраны границы, заставивсосредоточиться в других важных делах: надвигалась война с Францией. Северный Тальяма, как звал Александра I Наполеон, после Тильзитского мира взял на себя трудную миссию. Он должен был играть роль добросовестного союзника Наполеона и присоединиться к задуманной Бонапартом континентальной блокаде Англии. Он знал, что затаея честолюбивого корсиканца была разорительна для России, противоречила ее интересам (она могла оказаться в положении вассала Франции), и поэтому стремился всеми силами избежать столь унижительной участи. Еще не порвав с Наполеоном, Александр I негласно начал с ним «таможенную войну». Император Франции требовал прекращения торговли не только с Англией, но и с нейтральными государствами. Русский император не согласился, и тогда Наполеон повысил пошлины на российские товары. В декабре 1810 года Александр I дал ответ Наполеону: ввел новый тариф, по которому пошлины на французские товары также были повышены, а некоторые товары из Франции вообще были запрещены к ввозу. Тогда они стали прибывать в русские порты на судах под флагами нейтральных стран.

Разгневанный Наполеон повелел своему морскому департаменту не покупать в России никаких материалов для французского флота. Повеление было исполнено, и морские снасти французы стали закупать в Пруссии, которая получала их из России и, естественно, оставляла за собой право на комиссионный сбор. Французскому императору стало казаться, что мирные средства его политики в отношении России исчерпаны, и он начал готовиться к войне: засылал в Россию шпионов, собирал сведения о ее военном потенциале и даже отправлял крупные города фальшивые русские ассигнации. На территории Польши, которой Наполеон обещал независимость и восстановление в старых границах, т.е. присоединить к ней Литву, Белоруссию и часть Украины, против России создавался крупный военный плацдарм. В условиях надвигавшейся войны учрежденная Екатериной II вольнонаемная таможенная пограничная стража не справлялась с охраной границы, тем более что порядок ее службы не имел стройной системы, а границу надо было закрыть не только от контрабандистов, но и шпионов. Здесь нужны были сильные и отважные воины, которые с оружием в руках могли бы встретить неприятеля.

В 1810 году Александр I поручил военному министру Барклаю-де-Толли проверить состояние охраны западной границы. После выполнения приказа тот пришел к весьма неутешительному выводу: граница фактически не охранялась. Таможенники выращивали кур, гусей, индюшек, коров и свиней, но на службу не ходили. Они не выявляли и не задерживали ни контрабандистов ни шпионов, и обеспокоенный военный министр подумал, что Наполеон со своей армией может дойти до самого Петербурга, а таможенники по-прежнему будут заниматься своим хозяйством и узнают об этом только из газет. Он решил срочно изменить положение на границе.

Итогом этой поездки явился проект «Положения об устройстве пограничной казачьей стражи»,

который был одобрен императором. 4 января 1811 года Александр I подписал указ, гласивший: «Учреждение доброй пограничной стражи на западном пределе империи всегда составляло одно из важных попечений Военного министерства, ибо все распоряжения полиции к отвращению побегов через границу, вывоза монеты и меди, прогона лошадей и скота и входа в империю людей без пашпортных не могут быть действительны без благоустроенной пограничной стражи. Всегда начальствующим пограничными губерниями и войсками давались предписания устроить стражу сию, но по неопределенности понятий о ее устройстве большей или меньшей деятельности начальствующих известно, что доселе ничего не было устроено; ибо охрана границ, вверенная одним казакам, не могла быть надежна, что и самые опыты, как то: частые многочисленные побегии, перегон лошадей и скота в большом количестве, вывоз меди и денег и провоз контрабанды все доказывают. Издание нового тарифа на 1811 год, сие столь важное законоположение к поддержанию общего и частного благосостояния, призывает к особенному вниманию на систематическое и надежное устройство западной пограничной стражи. Таможенный надзор в трех пунктах на пространстве 500 верст надзор недействительный, как скоро пространство между таможенными будеть связано беспрестанною и верною стражею беспрестанное движение сей стражи довольно легко устранишь, но зависит от состава ее и надзора над нею».

На основании этого «Положения» вся западная граница от Палангена до реки Ягорлык, впадающей в Днестр, разделялась на участки по десять верст каждый; на каждом таком участке размещался один казачий полк. Каждый участок делился на пятнадцать частей, и в итоге получалось на тридцать казаков по десять верст. Всего было выставлено на охрану границы одиннадцать полков: восемь Донских и три Бугских. Охрана участка границы от Ягорлыка до устья Днестра поручалась генерал-лейтенанту Дюку де Ришелье на тех же основаниях.

С этого времени вдоль западной границы непрерывной чередой двигались отважные казацкие разъезды, задерживая контрабандистов и плутов и всех, кто пытался нарушить государственную границу России. Сзади них, на удалении трех-пяти верст, несли свою службу и вольнонаемные таможенные объездчики, которые сведены были в команды по десять человек во главе с надзирателем и его помощником. На каждые пятнадцать верст границы выставлялась одна команда. Всего же на западной сухопутной границе имелось одна тысяча триста объездчиков, сорок надзирателей и сорок помощников надзирателей.

Александр I таким образом усилил охрану границы накануне войны с Наполеоном. К началу всенародной Отечественной войны 1812 года границы России с Польшей, Пруссией и Австрией охранялись в две линии: в первой разъезды казачьей стражи днем и ночью двигались непосредственно вдоль границы, а позади них протянулась линия дозоров из наемных объездчиков и надзирателей.

Прошел год. В ночь на 12 июня 1812 года французская армия четырьмя колоннами переправилась через Неман и вторглась в Россию. Наполеон оказался на русском берегу. В числе первых вместе со старой гвардией помчался он к соседнему лесу, ожидая столкновения с русскими войсками. Вокруг стояла почти первозданная красота. Необозримые пустынные поля и безмолвные леса тянулись до самого горизонта. Казалось, все живое вымерло или бесследно растворилось в этих бескрайних просторах. «Где же русские?» – спросил Наполеон. – Почему их не видно?» Ему ответили что передовой дозор французских войск встретился с переправой с разъездом казаков русской пограничной стражи. Завязалась перестрелка. Убитых и раненых нет. Русские пограничники с боем отошли в тыл вслед своей уходящей армии.

Это было боевое крещение казачьей пограничной стражи. Сразу же после боя разъезд казаков донес командиру полка графу В.В. Орлову-Денисову о вторжении неприятеля. Тот направил донесение командиру дивизии. Так поход Наполеона на Россию уже в первые минуты был обнаружен пограничниками.

В начавшейся войне охранявшие границу донские казаки во главе со своим атаманом М.И. Платовым мужественно сражались и в рядах русской армии, и в партизанских отрядах, нанеся врагу ощутимый урон. О мужестве казаков, их умении действовать на поле боя не раз доносили Наполеону. Однажды он, покоренный их отвагой, заметил: «Дайте мне одних лишь казаков, и я покорю всю Европу».

Но казаки не знали об этом. Они продолжали без устали бороться с врагом, захватив в конце войны казну Наполеона в 10 миллионов франков и едва не взяв в плен его самого.

Все это говорило в пользу строительства пограничной стражи как военной организации и показывало Александру I путь ее дальнейшего развития.

Что касается вольнонаемных надзирателей и объездчиков, то таможенное начальство о них попросту забыло, не дав никаких указаний на случай вторжения неприятеля. Это видно из доклада начальника Радзивиловского таможенного округа в Департамент внешней торговли от 19 августа 1812 года: «По случаю частых нападений неприятельских на пограничные здешние места, содержащие кордонную стражу, надзиратели с помощниками и объездчиками Радзивиловского таможенного округа в дистанциях Белогурской, Апполинской, Почекаевской и Милятинской, не быв в состоянии удержаться при своих местах, тем более что и казачья стража из тех мест снята, остаются же без отправления своих должностей, и донося о ненадежности настоящих своих пребываний, просили начальства о помощи».

Сверх того, по дошедшим сведениям, что неприятельское войско находится в недалеком от Радзивилова расстоянии, местные жители, тревожась предвидимой опасностью, пришли в крайнюю разстройку. Почему таможенна всякий случай все письменные ее дела и денежную казну отправил в Волынское губернское ведомство. А так как чиновники ее в случае наставления опасности без особого предписания начальства сами собой от мест своих отлучиться не могут, то об оном начальник округа, учинив представление Главнокомандующему Западной армией 2-му генералу от инфантерии и кавалеру Тормасову, испрашивал предписания, во-первых: не благоудно ли будет его высокопревосходительству надзирателей с помощниками и объездчиками из поименованных дистанций перевести на те места границы, где еще не имеется опасности и надобность требует укрепления в важнейших пунктах постов, а во-вторых: в каком предмете опасности чиновники Радзивиловской таможни могут отлучиться от своих мест для спасения себя от неприятельского захвата».

Обо всем этом, конечно, таможенному начальству следовало позаботиться заранее, а не в то время, когда уже полыхала война. К тому же какой-то организованной вооруженной силы, способной оказать сопротивление неприятелю, таможенники не представляли. Речь могла идти лишь о своевременном доведении до них указаний о действиях на случай войны. Как видим, этого не сделали равнодушные к судьбе своих подчиненных чиновники из таможенного ведомства.

Грозная и казавшаяся в начале похода непобедимой «великая армия» Наполеона ненадолго задержалась в России. Уже шестого октября, обессиленная и поредевшая, она покинула Москву, а через три месяца ее жалкие остатки брошенные своим спесивым и заносчивым полководцем, медленно брели по дорогам Пруссии и Польши. Русские войска, предводительствуемые «мудрым старцем» Кутузовым, вышли на государственную границу; для него и русских солдат Отечественная война завершилась. Но иначе думал Александр I.

В декабре он выехал из Санкт-Петербурга со своей армией. Смоленская дорога была забита окостеневшими трупами «завоевателей России», и, чтобы не травмировать чувствительную душу Александра, ему построили в сторону Вильно новую дорогу, параллельную старой. В Вильно у него произошла встреча с Кутузовым, которого он торжественно принял на глазах у всех и вручил ему Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия первой степени. И здесь Кутузов, глядя на своего государя бесконечно уставшими глазами, предложил ему остановить армию на государственной границе и

не идти в Европу. «Пора положить оружие, – сказал он Александру, – пусть европейцы сами разберутся своих делах». Ему не хотелось проливать русскую кровь за чуждые России интересы. Но Европа отчаянно звала на помощь, и Александр не мог отказаться в этом. Он приказал во всей армии отслужить молебен и благодарение Богу за дарованную победу над Наполеоном и начинать новую военную кампанию. Помнит ли Европа об этом походе сегодня и о том, как «варварская» Россия кровью своих сыновей оплатила ее свободу? Очень хотелось бы верить, что не забыла...

Армия ушла на запад, и казаки снова приступили к охране государственной границы. Понемногу возвращались на свои таможенные посты таможенники, служившие здесь по вольному найму объездчики и надзиратели, рассеянные войной по всей границе. Восстанавливались пограничные посты, патрульные дороги, шламбаумы, разрушенные французами. Жизнь на границе входила в свое нормальное русло.

И снова потянулись пограничные будни, томительные и однообразные, лишь изредка нарушаемые стычками и перестрелками с контрабандистами, дезертирами и иным беглым людом. Казакам после грохота пушек была непривычна эта безмятежная тишина и невозмутимость пограничных лесов и полей. Бесконечная череда разъездов и дозоров вдоль государственной границы казалась им однообразной и утомительной. Им, деятельным и отважным, привыкшим к боям и походам, трудно было тянуть монотонную служебную лямку в этих глухих и безлюдных местах. Хотелось живого, рискованного дела, и они его нашли. Это была... контрабанда.

Известно, что таможенная политика играет весьма важную роль в отношениях между государствами. Наполеон сам признавал, что столкновения на почве таможенной системы послужили одной из причин его войны с Россией. «Не стоить вести таких больших войн из-за кофе», – говорил он русскому императору, прося его о мире. Это хорошо понимал и Александр I.

Сразу после войны в 1816 году он наполовину отменил запреты, введенные в 1810 году на европейские (в основном французские) изделия, а в 1819 году принял один из самых умеренных в истории страны таможенных тарифов. Русская промышленность и торговля не готовы были к конкурентной борьбе с европейскими товарами, стали уступать свои позиции на внутреннем рынке, что дало повод известному финансовому деятелю графу Е.Ф. Канкрину сказать, что таможенный тариф 1819 года «убил русскую промышленность». В 1822 году Александр I эту ошибку исправил и ввел новый тариф, запрещавший ввоз 3110 видов товаров и вывоз двадцати одного. Это снова вызвало массовую контрабанду на границе.

Случилось, однако, так, что вести борьбу с нею на границе в это время было некому. Кордоны казаков, вместо того чтобы пресекать тайный провоз через границу, сами способствовали контрабанде, пропуская целые транспорты скрытно провозимых товаров и провозя их под своим прикрытием на немалое расстояние в глубь России. Объездчиков же из таможенного ведомства, препятствовавших ввозу контрабанды, казаки били дубинками или связывали им руки и ноги, оставляя лежать на дозорной тропе. Кроме того, сами вольноопределяющиеся в таможенную стражу люди большей частью были местными уроженцами, то есть связанные по родству и знакомству с местными жителями, многие из которых были контрабандистами. Это приводило к тому, что таможенники потворствовали контрабанде (естественно же бесплатно) и не вели с нею серьезной борьбы. Государственная граница, таким образом, была открыта охранялась лишь номинально.

Для Александра I это была неприятная новость. Он-то полагал, что казаки столь же честны и неподкупны, как и храбры, а они, судя по докладом министра финансов, превратились прямо-таки в пограничных разбойников. И он решил предпринять самые энергичные меры, сразу же приказал казаков с границы снять, а рубеж их разъездов определить позади таможенной стражи на удалении не ближе трех-пяти верст.

9 июля 1822 года он «высочайше» повелел таможенных объездчиков, служивших по вольному найму,

постепенно уволить с пограничной службы, а пополнять таможенную стражу «единственно полковыми нижними чинами обязательной службы, преимущественно из кавалерии»; для ограждения же ее от вредного сближения с местным населением «построить новые кордонные дома для чинов оной и не оставлять их чинов на одних и тех же пунктах более шести месяцев». Надзирателей же пополнять предъ только из отставных офицеров.

Преобразования в пограничной страже проводились весьма быстро.

Спустя год вдоль границы через каждые пять верст для жительства чинов стражи были построены казенные дома, а в промежутках между ними разбиты бивуаки в виде удобных и теплых шалашей. В 1823 году Александр I кроме конных объездчиков в состав пограничной таможенной стражи ввел еще и стражников – пеших воинов. И хотя количественный составной стражи был не очень значителен (108 надзирателей и столько же их помощников и 2738 рядовых пограничников), контрабандисты очень скоро почувствовали их силу. На содержание новой пограничной таможенной стражи император выделит 1 млн 136 тыс. 650 рублей – деньги по тем временам очень большие. То, что задумывалось им в далеком 1807 году, на Пасвентской застаवे выполнил и остался им доволен.

Александр I Благословенный любил путешествовать. Он исколесил всю Европу и Россию, нигде подолгу не задерживаясь, как будто хотел объехать весь свет и увидеть все своими глазами. Не раз бывал он в приграничных губерниях и городах, устраивал войскам смотр, а государственную границу своей империи пересекал множество раз. Он знал, что не смог исполнить все, что задумывал в молодости, и радовался тому, что все-таки добился улучшения охраны границ России. Теперь, возвращаясь из Европы домой, он видел на пограничных постах гражданских чиновников в серых, измятых жителях, а стройных и бравых стражников с суровыми и обветренными лицами, строгих и неподкупных. «Кажется, здесь, на границе, в мое царствование все-таки прибавилось порядка», – мелькала мысль у русского императора, когда он в очередной раз пересекал государственный рубеж России.

*«Мне хотелось оставить царство мирное,
устроенное и счастливое»*

Николай I и охрана границ Российской империи

Могучий Дунай, преодолевая напор встречного ветра, свободно и величаво катил свои воды к Черному морю. Крупная серая зыбь скользила по его широкой глади и, достигнув берега, уходила в песок. По небу нескончаемой грядой тянулись тяжелые, словно налитые свинцом облака, отчего наступивший день казался сумрачным и холодным. Кругом ни души. Берега Дуная безмолвны и пустынно...

Прошло совсем немного времени, и обстановка резко изменилась. На левый берег Дуная вышла русская армия. Топот многих тысяч сапог, лязг оружия, ржание коней и резкие команды нарушили безмятежную тишину этого края. Он словно ожил, проснувшись от долгого сна. Передовые подразделения начали переправу с ходу, стремясь закрепиться на противоположном берегу и обеспечить высадку всей армии.

Николай I

В первом эшелоне на речной стремнине – русский император Николай I. Небольшая запорожская лодка тяжело скользит по беспокойной дунайской волне, опасно кренится под напором ветра, грозя зачерпнуть своими низкими бортами воду и пойти ко дну. Государь сидит впереди, почти на самом носу лодки. Он знает, что на него устремлены тысячи глаз, и потому старается ничем не выдать своего волнения. Внешне он спокоен, и только подергивавшаяся левая щека да напряженность взгляда выдавали его состояние. Солдаты и офицеры, увлеченные мужеством своего императора, гребут изо всех сил и, достигнув берега, быстро занимают господствующие высоты, чтобы отразить натиск неприятеля. Но турецких войск не видно, и русская армия, переправившись через Дунай, устремляется на Балканы.

Шел 1828 год. Так случилось, что начало царствования императора Николая I, третьего сына царя Павла I, было беспокойным. Первым выступил персидский шах. Он был явно введен в заблуждение преувеличенными слухами о беспорядках в Санкт-Петербурге и в июле 1826 года направил свое многочисленное войско во главе с наследником престола Абас-Мирзой в закавказские владения России. Талантливый военачальник русской армии Паскевич разбил Абас-Мирзу при Елисаветполе, взял крепость

Эривань, считавшуюся оплотом Персии, и двинулся к ее столице Тегерану. Шах поспешил заключить мирный договор, который и был подписан 10 февраля 1828 года в персидской деревне Туркманчае. По этому миру Россия получила от Персии ханства Эриванское и Нахичеванское. Шах уплатил также контрибуцию в 20 млн рублей.

Спустя два месяца, 14 апреля 1828 года, был опубликован царский манифест о войне с Турцией: Николаю пришлось вступить в борьбу с православных греков, национально-освободительную борьбу которых османы подавляли с присущими им свирепостью и жестокостью. На Азиатском театре военных действий главнокомандующий граф Паскевич (теперь уже Паскевич-Эриванский) с небольшим войском в короткое время разбил в нескольких сражениях весьма многочисленную турецкую армию, взял сильные крепости Карс, Ахалцих, а затем Эрзерум – столицу древней Армении.

На Балканах наши успехи были более скромными, однако с назначением главнокомандующим Дибича дело пошло лучше. Николай I сам находился в армии и лично руководил переправой войск через Дунай. В июне сдались Силистрия, в начале августа – Адрианополь. Путь на Константинополь оказался открытым. Турецкий султан запросил мира, который и был подписан 2 сентября 1829 года. К России отошла черноморская полоса Кавказа, за исключением Батума. Европейские границы обеих держав были определены по реке Прути устья Дуная с прилегающими островами. Пограничной страже России необходимо было принять под охрану новые участки государственной границы. Дело это было отнюдь не простым.

Вступая на престол в 1825 году, Николай I не мог не воспринять идеи, которые волновали его предшественников. Относительно охраны государственной границы он видел два пути, которыми следовали тем, кто занимал российский престол до его воцарения. Бабушка его, Екатерина I, избрала прусский вариант охраны границы, при котором пограничная стража была полувойска. Она имела свой мундир, но комплектовалась по вольному найму. Для Пруссии такая стража была вполне приемлемой: конкуренции от ввоза российских товаров контрабандным путем она не опасалась, да и сам прусский чиновник, не в пример нашему, гораздо лучше подготовлен к государственной службе. Он аккуратен, вежлив, точен, пунктуален...

Иное дело Россия. Ему, Николаю, больше нравился военный путь развития российской пограничной стражи, избранный его братом, Александром I. «Однообразная красота» военного строя хорошо дисциплинированного войска всегда доставляла ему самое глубокое удовлетворение. И потому, когда министр финансов граф Е. Ф. Канкрин представил ему «Положение об устройстве пограничной таможенной стражи», предусматривавшее ее военное устройство, он с удовольствием начертил: «Быть по сему. 5 августа 1827 года». Ведь в докладе министра финансов военная направленность внутреннего устройства новой пограничной стражи была выражена вполне определенно: «Хотя такая стража не может быть в виде совершенно регулярного войска по рассеянности оной, но должна быть более приближена к воинскому порядку», и потому императору не было сомнений в правильности принимаемого решения. К тому же переустройство пограничной стражи связывалось с большими материальными затратами: стоимость ее содержания увеличилась всего на 73 тыс. 900 рублей и вполне окупалась таможенным доходом.

Что же нового внесло Положение от 5 августа 1827 года в устройство пограничной стражи? Граф Канкрин выразился так: «Главные перемены в сем положении состоят в твердом воинском разделении стражи, в назначении воинских командиров, в точном определении обмундирования и прочих снаряжений, в усилении числа людей и увеличении жалованья надзирателями помощникам».

Как видим, изменения предстояли довольно крупные. Фактически документ заложил основы принципиально новой по сути военной организации, как специального рода войск, предназначенного для

охраны государственной границы. И совсем не случайно днем рождения пограничной стражи России считалось 5 августа 1827 года.

И еще одна немаловажная деталь: с 1827 года зеленый цвет окончательно стал отличительным признаком обмундирования пограничников. У «нижних чинов» оно состояло из шинели серого сукна с темно-зеленым воротником, кафтан однобортного драгунского и пехотного образца, рейтуз со светло-зеленой выпушкой, кожаного лакированного кивера, полусапог и серой фуражки. Вооружение объездчиков – пика с флюгером, пара пистолетов сабля гусарская, для стражников – ружье пехотное со штыком тесаки сумка.

По новым штатам пограничная стража делилась на 4 бригады, 7 полубригад и 2 отдельные роты. Она насчитывала в своем составе 3684 человека, охраняя громадный по протяженности участок границы от Белого моря до Новороссийска. И все же, несмотря на малочисленность, стража устроенная на воинских началах, быстро доказала свою эффективность. Доход, полученный от провозимых товаров за 20 лет (с 1823 по 1843 год), увеличился с 10 до 26 млн рублей, возрастая ежегодно на семь процентов. Такого раньше не было.

Создавая новую военную структуру, Николай I, конечно, знал о прежнем недостатке в организации таможенного хозяйства. Нижние чины поступали из кавалерийских полков в ведение дистанционных надзирателей – гражданских чиновников и быстро теряли воинский вид и выправку. Этого «Дон Кихот самодержавия», как называла Николая I Анна Федоровна Тютчева, допустить не мог. Воспитанный на петербургских вахтпарадах больше всего ценивший субординацию и порядок, он поспешил немедленно исправить упущение своего предшественника: ввел должности офицеров для обучения нижних чинов дисциплине и строю ведения хозяйственной части. В службу подчиненных по охране границы офицеры не имели права вмешиваться там, по-прежнему правила бал те же гражданские надзиратели. Император считал, что борьба с контрабандой – это слишком грязное, да и сложное дело и не к лицу офицеру брать на себя эту обузу. Понадобилось почти двадцать лет, чтобы он убедился в своей ошибке (24 ноября 1846 года по предложению нового министра финансов Вронченко Николай I приказал заменить гражданских надзирателей офицерами и тем самым решил проблему участия офицеров в пограничном надзоре).

Николай I, пожалуй, единственный из российских самодержцев, вникал в дела пограничной стражи не только в связи с крупными ее преобразованиями, но повседневно, входя в каждую мелочь, вплоть до комплектования писарями и снабжения подковами и гвоздями. Это был его стиль работы. Многие текущие дела мог бы, конечно, решить министр финансов, но государь хотел держать все нити управления в своих руках. Он рассматривал всю Россию как большую армию, где все должно делаться по команде: царь командует, остальные – исполняют. Все ясно и просто.

По окончании Русско-турецкой войны 1828–1829 годов граница Российской империи была перенесена с Днестра на реку Прути устье Дуная. В 1831 году на территориальных приобретениях были образованы два новых таможенных округа: Скулянский и Измаильский, а существовавший ранее Дубоссарский – упразднен. Пограничная стража взяла под охрану новую, еще не освоенную границу, что потребовало развертывания дополнительных пограничных постов, для которых не хватало людей.

Первоначально Николай приказал забирать в стражу отставных солдат вольных людей, однако ни те, ни другие проблемы не решили, части оставались не укомплектованными. Министр финансов граф Канкрин предложил отдать 500 рекрутов, но император отказал, наложив на его рапорт резолюцию: «Стараться о комплектовании отставными солдатами или из отличных, за ранами в гарнизон поступающих солдат». Отставные же и дислужившие стражне желали, а отличные раненых солдат не отдавало военное ведомство. В лучшем случае в стражу попадал десяток-другой изувеченных донельзя воинов, которые своим видом могли испортить бравый вид пехотных и кавалерийских полков. Вопрос оставался открытым.

Однако граф Канкрин был настойчив. Он снова «испрашивает» Николая разрешения комплектовать стражурекрутами и снова получает отказ. «Нет» – решительно и твердо начертал император на его рапорте. Он, видимо, уже забыл, что в своем же указе от 5 августа 1827 года предписал набирать объездчиков и стражников исключительно из полков кавалерийских и пехотных из людей здоровых, не увечных, трезвых и проворных и вообще хорошего поведения, ибо таково перемещение может служить им в награду». Ах, эта монаршая непоследовательность! Она приводила спокойного и взвешенного в словах графа Канкрин в полную растерянность!

Видя, что переубедить Николая невозможно, Канкрин предложил снять с прусской и австрийской границ полки донских казаков, находившихся во второй линии, а вместо них усилить пограничную стражу солдатами из армейских пехотных подразделений. «Донские казаки, – писал министр, – не приносят никакой пользы в борьбе с контрабандой, а, наоборот, способствуют ей. Они принесут гораздо больше пользы на войне с турками». В общей сложности Канкрин просил увеличить пограничную стражу на 1200 человек.

На этом докладе император 22 марта 1829 года наложил резолюцию: «Согласен, прошу мне прислать копию с сей бумаги для моих соображений». Однако и после этого никаких распоряжений не последовало, а спустя ровно семь месяцев Канкрин еще раз обратился к Николаю I со «всеподданнейшим» докладом, в котором описывал бедственное положение пограничной стражи. Он сообщал, что перенесение границы с Днестра на Прут потребовало увеличения численности пограничной стражи, кроме того, набранные по вольному найму 710 человек служить в страже не желали, а из армейских полков прислали солдат, у которых заканчивались установленные законом сроки службы, и их надо увольнять, выздоравливавших же раненых из госпиталей не присылали.

В общем, министр финансов настойчиво просил экстренной помощи.

На этот раз Николай внял мольбам настойчивого графа и приказал выделить 400 «нижних чинов» из 1-го пехотного и Отдельного Литовского корпусов. по 200 человек из каждого, «выбрав к тому менее способных к фронту, но при том отличных поведением, имеющих не менее 15 лет службы». Вот так «боем» приходилось министру финансов «выбивать» у императора то, что ему, в общем-то, законодательно было определено в соответствии с указом от 5 августа 1827 года. Указ-то существовал, но «механизма его реализации», как говорят теперь, не было. Отсюда происходила бесконечная переписка, бюрократическая волокита и всевозможные «согласования». Медленно и с большим скрипом крутилась государственная машина, и нужна была энергия и твердость графа Канкрин, чтобы этот механизм работал не вхолостую на границе.

В 30-х годах XIX века в южных и западных областях России свирепствовали чума и холера. Болезни уносили людей тысячами, и Николай I ввел жесткие меры к нарушителям карантинных правил. Их судили только военным судом. Сам он никогда не позволял себе нарушить установленные правила. В 1830 году император посетил в Москве холерные госпитали. На обратном пути он вместе с Бенкендорфом одиннадцать суток «отсидел» в Твери на карантине. От скуки граф подметал в саду дорожки, а государь стрелял ворон.

20 октября 1832 года Николай утвердил «Положение о карантинной страже», по которому содержание карантинного надзора по берегам Черного и Азовского морей и по сухопутной границе с Турцией возлагалось на пограничную стражу. С 1835 года император повелел уже всю таможенную погранстражу называть пограничной стражей.

Граф Канкрин неоднократно предлагал Николаю снять полки донских казаков с охраны государственной границы, а вместо них во вторую линию поставить пограничную таможенную стражу. Свои предложения он мотивировал тем, что казаки не задерживают контрабандистов, а часто

потворствующим. Кроме того они вступают в стычки с пограничниками. Их перемещение один раз в три года с Дона на запад идет долго и трудно, и вообще казаков полезнее использовать на войне, чем на границе.

Николаю в целом импонировали эти рассуждения. Ему нужна была сильная армия для войны с Турцией, борьбы с польскими мятежниками и вообще всяким революционным движением, но он опасался, что слабая и малочисленная пограничная таможенная стража не в состоянии плотно закрыть границу. Он медлил. Но в 1829 году все же снял тридонских казачьих полка с прусской и австрийской границы, а спустя три месяца – повелел снять остальные.

Как оказалось, опасения государя были не напрасны. Казачьи полки при всей их непригодности к охране границы служили сдерживающим фактором для желающих проникнуть в империю незаконным путем. Сразу же после их убытия прусские и австрийские контрабандисты начали действовать нагло и дерзостью, организуясь в крупные вооруженные шайки числом до ста более человек. Они вторгались в пределы России и, нападая на дозоры пограничников, вступали с ними в открытый бой. Хорошо вооруженные и многочисленные отряды нередко одолевали стражников, прорвавшись через линию их охраны, ввозили в страну огромные партии беспошлинных товаров и за частую занимались грабежом и разбоями среди жителей приграничья.

Министр финансов, понимая свою вину за создавшееся положение, напряженно думал, как его поправить. И предложил увеличить численность пограничной стражи, довести ее до размеров, продиктованных реальными потребностями.

Иное мнение было у императора. Он считал, что в тех местах где злоумышленники орудуют особенно нагло, полагаясь на свое количественное преимущество по отношению к пограничникам и на силу оружия, следует укрепить границу и регулярными войсками. Тем более что для казны это будет дешево.

В результате в 1836 году на прусскую границу прибыл пехотный полк четырех батальонов состава легкой батареи полевой артиллерии. Он расположился на участке от Юрбурга до Палангена и далее по морскому берегу Курляндской губернии до Либавы. На австрийскую границу от Литовска до Волынской губернии было выслано три батальона пехоты с несколькими орудиями. Причем по повелению Николая цели прибытия войск были широко разрекламированы, дабы удержать контрабандистов от новых покушений.

Мера эта оказалась действенной. Попытки провоза крупных партий контрабандного товара под прикрытием вооруженных банд почти полностью прекратились.

Так продолжалось до начала 1854 года, когда в связи с приведением войск в военное положение пехотные части подразделения с границы были сняты, а в их местах назначены сотни казаков. Буйства грабежи, особенно на прусской границе, возобновились с новой силой, и Николай приказал министру иностранных дел войти в сношение с прусским правительством потребовать от него принятия энергичных мер к прекращению беспорядков.

Правительство Пруссии в то время проводило весьма недружественную политику по отношению к России и поэтому на требования Санкт-Петербурга не реагировало. Только в 1861 году, когда пограничная стража на прусской границе снова была усилена регулярными войсками, обстановка на границе нормализовалась.

Николай I был сторонником самых решительных мер в борьбе с контрабандистами. В 1834 году он высочайше повелел действовать против них боевыми зарядами, «ибо дерзостью стали переходить всякие пределы». В 1846 году российский комиссар по пограничным делам с Пруссией полковник Кох, докладывая императору о происшествиях на границе, предложил расположить вдоль ее линии не один, а

два пехотных полка, разместив нижних чинов по квартирам так, чтобы ни один хозяин не остался без постояльца и чтобы, в случае тревоги на пограничной черте, каждое жилое место могло быть заперто для контрабандистов. Прочитав этот доклад, государь наложил следующую резолюцию: «Следуя этому правилу, гораздо еще вернее будет расположить вдоль по границе, или еще лучше перевести в таможенное ведомство, целый корпус». На все подданнейшем же докладе министра финансов графа Вронченко по поводу порядка привлечения контрабандистов ответственности собственноручно написал: «Судить военным судом необходимо, ибо надо остановить дерзость». И Николай был последователен в своих действиях. Когда один из губернаторов предложил подвергнуть смертной казни двух контрабандистов, он наложил такую резолюцию: «Виновных прогнать сквозь тысячу человек 12 раз. Слава богу, смертной казни у нас не бывало, и не мне ее вводить». Суровая требовательность «Дон Кихота самодержавия» часта переходила в необузданную жестокость.

Страсть к порядку, равновесию, симметрии во всем привела его к убеждению, что в российских законах надо навести порядок. Сделать это он поручил М.М. Сперанскому, который к 1832 году закончил свой колоссальный труд, выпустив сорок семь томов полного собрания российских законов. А спустя год Сперанский выпустил в свет еще один – пятнадцатитомов действующих законов. Кстати архивные дела того периода отличаются наибольшей полнотой и упорядоченностью.

Благодаря изумительной пунктуальности Николая история развития пограничной стражи России начиная с 1825 года дошла до нас, современников, в наибольшей полноте и сохранности. Он завел порядок, по которому все министры ежегодно готовили ему доклады о состоянии подведомственного им дела, письменно испрашивали соизволения на все более или менее значительные шаги на своем поприще. Николай Павлович рассматривал эти документы лично: на каждом из них имеется наложенная им самим или продиктованная им резолюция, выражающая его отношение к поднятой проблеме и содержащая конкретные указания и поручения. По ним, этим живым свидетельствам политики императора, можно достоверно судить о его подходах к новым идеям, чертах характера и взглядах.

Крымская война 1853–1856 годов, в которой участвовала и пограничная стража, стала крушением надежд Николая I создать могучее, отлаженное государство с хорошо устроенными и безопасными границами. Во время этой войны, 18 февраля 1855 года, он умер. Лежа на смертном одре, царственный реформатор говорил своему наследнику: «Служи России! Мне хотелось оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое.. Провидение судило иначе».

«Что принять за правило и впредь»

Александр II и охрана границ России

Тридцатисемилетний Александр Николаевич Романов сидел у изголовья умирающего отца – самодержца России Николая I – растерянный и потрясенный. По его небритым щекам текли слезы, а грудь сотрясалась беззвучными рыданиями. Отец еще пытался что-то говорить, но голос его становился все глуше, а речь несвязной и невнятной. «Я оставляю тебе команду не в добром порядке», – были его последние слова, смысл которых уловил Александр.

Это он знал и сам. Россия напоминала ему огромный корабль, который, оставив тихую гавань, вышел в бушующее море. Его старый деревянный корпус скрипел под напором волн и штормового ветра, опасно кренился, угрожаяще трещал, грозя в любой миг потерять управление и отдаться во власть разгулявшейся стихии.

Александр II

Еще продолжалась Крымская война, и еще сражался Севастополь, но все уже знали, что дни его сочтены, а война бездарно проиграна. Народ глухо роптал, и это пропот становилось все отчетливее слышнее. Россию ненавидела вся Европа, которая, не скрывая этого, дерзко смеялась над ее неуклюжестью и бессилием.

Такая Россия досталась в наследство Александру Николаевичу Романову: беспокойная и затаившаяся, настороженно ожидающая от нового царя перемен к лучшему. Александр знал, что управлять ею так, как то делал его отец, уже нельзя. Надо было отменить крепостное право. Об этом писал ему Герцен: «Дайте землю крестьянам. Она и таким принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев...» Надо было сделать рывок в техническом развитии, перевооружить армию. И, наконец, надо было провести реформу управления, возможно, дать стране Конституцию. Александр II, взойдя на престол, испытал чувство благодарности отцу за его подготовку к роли самодержца. Это он отправил его в продолжительное (около 7 месяцев) путешествие по России, откуда Александр привез 16 тысяч прошений. Он же отправил его на три года в Европу, посмотреть мир и себя показать. Зная по собственному опыту, как трудно управлять государством без подготовки, Николай I приказал наследнику присутствовать на заседаниях Государственного Совета и Кабинета министров. Во время поездки императора по России цесаревич затмевал жобой отца и осуществлял высшее управление государством. Все это позволило Александру Николаевичу обогатиться опытом государственной деятельности и выявить некоторые из самых важных проблем, стоящих перед страной.

Относительно охраны государственной границы он знал, что процесс создания пограничной стражи еще не завершен. Министерство финансов в последние годы проводило политику либерализации внешней торговли и добивалось значительного снижения пошлин на ввозимые товары. Контрабанда шла 11:1. Таможенный тариф, который предоставляло ему на утверждение Министерства финансов, был весьма либеральным. Александр II знал, что Россия прочно связана с внешним рынком и могла существовать без него, поэтому он утвердил его без особых сомнений. Однако он считал, что в условиях либерализации международной торговли российские рубежи нуждаются в надежной защите. Последовавшие затем события подтвердили правильность его мысли.

На фоне мрачных событий, происходивших под Севастополем, наконец-то пришла и радостная весть: на Азиатском море войны наши войска штурмом взяли Каре. Это позволило немедленно заключить в Париже не совсем унижительный для нас мир. Россия лишилась права иметь военный флот на Черном море и вынуждена была часть Молдавии отдать Турции. Это означало необходимость выделения дополнительных сил и средств на обустройство охраны новых рубежей. На Черном море нельзя было иметь вооруженные суда пограничной стражи, что открывало широкий простор для контрабандистов и исключало возможность перекрытия морских путей работавшей процветающей кавказского побережья. Охрану границы можно было организовать только на суше по черноморскому берегу.

Александр II знал, что его отец Николай I к охране границ России подходил иначе, чем его предшественники. Он считал, что для этой цели нужны специальные войска, подчиненные министру финансов, и последовательно шел к ее осуществлению. Обеспечению безопасности границ отец придавал большое значение. Александр помнил, какие жесткие резолюции писал Николай I на докладах министра финансов, касавшихся каких-либо имевшихся там беспорядков: «Генерал-лейтенант Левашову предписать сделать строжайшее следствие, предав всех виновных военному суду, а генерал-адъютант Бенкендорфу послать в штаб округа исследовать, как то могло случиться» или «отыскать виновных и немедленно предать военному суду». Да, строго спрашивал его батюшка за упущения в охране границы. И он,

Александр, эту линию менять не намерен.

Все преобразования, сделанные Александром II в пограничной страже шли в русле той политики. Они не привели к кардинальным изменениям в ее организации и структуре носили скорее местное, нежели стратегическое значение, но неустанно вели к созданию военной организации, предназначенной для охраны границы. И этот образ действий нового императора вписывается в русло той характеристики, которую очень метко и точно дала ему Анна Федоровна Аксакова, урожденная Тютчева, близко знавшая Александра II («Император был как личность ниже своих дел»).

И это действительно так. Реформы Александра II, несмотря на их половинчатость и несовершенство, имели громадное значение для страны. Россия мерами «сверху» по своему внутреннему устройству приближалась к европейским державам, но император так и не стал народным героем, погибнув от руки террориста.

Позднее Герцен сказал: «Зачем этот человек не умер в тот день, когда был объявлен русскому народу манифест о свобождении...»

Характер же его реформ в пограничной страже был как раз таков, что личность его полностью соответствовала размаху дел.

Он повелел полубригады переименовать в бригады (по месту расположения штаба) и надзирателей и их помощников переименовать в отрядных офицеров.

Пограничная стража возрастала численно, и ее уже было трудно комплектовать за счет армейских кавалерийских полков. Александр разрешил комплектовать ее рекрутами, как и все вооруженные силы. С того момента служба в пограничной страже стала одним из видов прохождения действительной военной службы.

Пытаясь придать пограничной страже отличную от армейских подразделений организацию, император в 1875 году распорядился роты переименовать в отделы. Таким образом, в бригадном звене пограничной стражи сложилась своя собственная, присущая только ей военная структура. Теперь она состояла из отделов, отделы делились на отряды, а отряды на посты. Над этой структурой ставилось только два этажа управленческой надстройки – центрального и окружного, и процесс создания специального рода войск, предназначенного для охраны границы, был бы завершен. Но эту работу выполнил уже его сын, Александр III.

Еще в детстве маленький Саша Романов прилежно учился урокам гуманности у поэта В.А. Жуковского и крупного педагога того времени К.К. Мердера. К моменту восшествия на престол он уже имел программу гуманистических преобразований, которую и попытался осуществить. В 1863 году отменил телесные наказания и клеймение преступников. Эта идея гуманности вошла и в новые уставы воинской службы. В пограничной страже эта норма была закреплена в Таможенном уставе 1857 года. В нем, в частности, подчеркивалось: «Никто из таможенных чиновников, равно офицеров и нижних чинов пограничной стражи не вправе наказывать телесно контрабандистов кого бы они были из людей, не принадлежащих к таможенному ведомству».

Но жизнь оказалась более сложной и жестокой, чем та, которая рисовалась в воображении юного наследника престола. Каждый раз, когда царь пытался провести одну из своих гуманистических акций, жизнь, словно в насмешку, отвечала ему бессмысленной жестокостью и коварством. Ему казалось, что после тяжелога пресса, под которым находилась страна во время царствования его отца, народ должен быть ему благодарен за те свободы, которые он принес в общество. Шутками, когда в один день 23 миллиона крепостных получили свободу! А сколько стало выходить новых газет и журналов! Но людям все мало. Они хотят все сразу. Вот на днях ему принесли прокламацию «К молодому поколению». «Нам нужен

не Царь, – писалось в ней, – не Императорне Помазанник Божий, не горностаева мантия прикрывающая наследственную неспособность, а выборный старшина, получающий за свою службу жалованье... Если Александр II не понимает этого и не хочет сделать эту уступку народу, тем хуже для него».

Читая эти строки, Александр Николаевич понимал, что за такими словами могут последовать и действия. Ведь на него, царя, было совершено уже семь покушений. И он все чаще, вопреки своим убеждениям, прибегал к мерам жестокими непопулярным.

По его распоряжению усилилось вмешательство в дело охраны государственной границы Отдельного корпуса жандармов. С 1871 года на всех пограничных железнодорожных станциях образовали жандармские пункты, осуществлявшие проверку паспортов граждан, въезжавших в страну и выезжавших за ее пределы. Раньше эта обязанность возлагалась на чинов таможенного ведомства. В июне этого же года были установлены временные паспортные правила, имевшие целью не допускать проникновения в Россию участников Парижской коммуны. В четырнадцать таможенных учреждений создали жандармские посты, двенадцать из которых – на пограничных железнодорожных станциях и два – в приморских таможнях. Жандармы брали под контроль в первую очередь таможни с интенсивным пассажирским движением. Они не могли смириться с тем, что таможни выполнявшие экономические задачи в пунктах пропуска, осуществляли еще и функции паспортного контроля на границе, так необходимого для политического сыска.

Стремясь отобрать эти функции у таможни, руководство Министерства внутренних дел приняло решение о временных правилах, так как для полной передачи паспортного контроля в руки жандармов надо было менять законодательство. Тем не менее уже в 1891 году количество жандармских погранпунктов на границе достигло девятнадцати все они располагались на западной границе. Кроме этого жандармы несли еще и патрульную службу на границе с Пруссией и Австрией.

Александр II, конечно, знал о расстройстве хозяйственной жизни и финансов страны после Крымской войны. Еще в 1875 году торговый баланс России был пассивным – ввоз превышал вывоз на 150 млн рублей. Рельсы для строившихся железных дорог покупались за границей, что отрицательно сказывалось на торговом балансе. Министерство финансов усиленно изыскивало средства для покрытия потребностей хозяйственного развития страны и предложило царю ряд мер, которые, по его мнению, должны были улучшить поступления в бюджет. Среди этих мер значилось ужесточение таможенной политики и усиление охраны границы в целях борьбы с контрабандой.

Император согласился с преобразованием Департамента внешней торговли в Департамент таможенных сборов, куда организационно вошла и пограничная стража. С 1876 года пошлины на ввозимые в Россию товары стали взимать не в бумажных деньгах, а в золотой валюте. Курс же золотого рубля был в полтора раза выше курса кредитного рубля. Таким образом, несмотря на то что ставки таможенных пошлин официально не изменялись, практически они возросли на 50 процентов. Объяснялось это необходимостью повышения металлического фонда для платежей по иностранным займам. Эта мера стимулировала рост контрабандных операций на границе. По словам одного современника, «контрабанды было, хоть Терек запруживай».

Министр финансов Н.Х. Бунге докладывал царю, что для борьбы с контрабандой нужна более многочисленная пограничная стража. Царь соглашался ее увеличить, но постепенно, по мере накопления бюджетных средств. Еще в 1861 году он разрешил увеличить численность стражи на 1500 конных солдат и 30 офицеров. Примерно в таком же количестве она возросла и в 70-е годы. К концу царствования Александра II пограничная стража насчитывала 86 офицеров и 15 055 солдат при одном генерале. Вся она располагалась по европейской границе. Закавказская, азиатская и сибирская границы охранялись казаками и линейными батальонами.

В царствование Александра II особую тревогу вызывала контрабанда по берегу Балтийского моря. Товары шли из Пруссии и Финляндии. Это были в основном чай, сахар, табак, ром, спирт, игральные карты. Ввоз спиртных напитков был настолько значительным, что местные винокурные заводы не выдерживали конкуренции и закрывались.

Пограничная стража была бессильна бороться с этой контрабандой, а береговая охрана была настолько малочисленной, что для контрабандистов никакой угрозы не представляла. Разрубить этот gordийев узел выпало на долю Александра II.

По его решению с 1 июля 1868 года в России была введена морская таможенная полоса, в которой всякое иностранное и отечественное судно могло быть подвергнуто досмотру. Глубина этой полосы определялась в три морских мили. Для осуществления таможенных функций в территориальных водах вводилась Балтийская таможенная флотилия. Суда для нее строились в основном на верфях Англии и были спущены на воду в 1873 году. Александр Николаевич их осматривал лично и остался доволен.

Служба флотилии оказалась весьма эффективной: контрабанды заметно убавилось. Спустя десять лет, анализируя ее деятельность, Министерство финансов писало: «После десятилетней практики таможенной и крейсерской флотилии Министерство финансов убедилось в совершенной пользе как вообще способа охранения морского побережья Балтийского моря и его заливов посредством двойственного надзора со стороны материка и моря, так и самой флотилии как учреждения, необходимость существования которого вытекает из тех условий, в которые поставлен таможенный надзор на берегах моря вообще, и в особенности на Балтийском море».

Границы России времен Александра II сильно изменились по сравнению с границами России Николая I. Они продвинулись на юг, далеко углубились на юго-востоке, значительно расширились на востоке. По Аргунскому договору с Китаем (1857 год) и Пекинскому (1860 год) к России были присоединены Амурский и Уссурийский края. Таким образом, устье Амура оказалось под властью империи. В 1865 году был завоеван Туркестан. Генералы Черняев и Скобелев продолжали освоение Средней Азии, пробивая себе путь оружием. В 1859 году, после упорной борьбы с Шамилем, перешел в русские владения Восточный Кавказ, а спустя пять лет — Западный.

Встал вопрос: как охранять новые пределы? Для создания новых бригад пограничной стражи нужны были средства, немалые. К тому же в правительстве Александра II утвердилось мнение, что пограничные войска должны охранять лишь те границы, которые стабилизированы, то есть закреплены двусторонними договорами. На среднеазиатском направлении таких договоров еще не было. Александр II пошел по пути, уже проверенному его предшественниками. Он повелел на первых порах охранять границу линейными батальонами из действующей армии, а затем — казаками.

Да, казаки выручили снова. Они, уже в который раз, стали первопроходцами в присоединенных землях, упругим щитом России на ее далеких окраинах. Донское казачье войско направило пять своих полков на Кавказ. В Туркестане линейные батальоны постепенно заменялись сибирскими и семиреченскими казаками. Дальше же на восток свои кордоны и пикеты вдоль новой границы выставляли забайкальцы, амурские и уссурийские казаки. Следом за ними шли уже пограничники.

Весной 1877 года Александр II собирался на русско-турецкий фронт. 12 апреля он подписал Манифест о войне с Турцией и готовился выехать в действующую армию. Министр финансов Н.Х. Бунге, узнав о готовящемсяезде императора, спустя два дня после объявления войны представил ему на подпись ряд документов, среди которых были и представления на награждения офицеров и нижних чинов пограничной стражи. Прочитав документы, Александр Николаевич задумался. Он вспомнил, что уже награждал большую группу пограничников в связи с польскими событиями 1863–1864 годов и тогда у него возникли некоторые вопросы. Как-то незаметно память перенесла его в то тревожное и беспокойное время, когда в

русско-польский конфликт грозила вмешаться Европа и когда от него потребовались выдержка и хладнокровие, чтобы действовать твердо и решительно. Мятеж поляков начался с того, что ночью в казармы ворвались банды и начали резать безоружных русских солдат. Русский народ не мог сочувственно отнестись к такой жестокости и вероломству, и мятежники, не поддержанные даже своими, были обречены. Лишь только «Колокол» Герцена призывал поддержать поляков, но этот призыв не был услышан. Государю донесли, что вляние, а вместе с ним и тираж журнала заметнупали.

Он прекрасно помнил хорошие отзывы о боевых действиях пограничников и в донесениях военного министра, и министра финансов. Тогда он награждал орденами и медалями 264 офицера и солдата пограничной стражи, но уже в то время у него появилась мысль, что нижних чинов этих войск надо награждать сособой, специальной медалью, по своему статусу приравненной к знаку отличия Военного ордена. Ведь они в мирное время совершали настоящие боевые подвиги, достойные высокой награды. И теперь, читая представление министра финансов, он написал: «Согласен, но нижним чином дать вместо знака отличия Военного ордена медали серебряные «За храбрость» на Георгиевской ленте, что принять за правило и впредь».

Эта надпись послужила основанием для выработки правил о награждении нижних чинов пограничной стражи за совершенные подвиги при охране границы медалью «За храбрость». Она была четырех степеней, с правами и преимуществами награжденных знаком отличия Военного ордена, то есть Георгиевским крестом. Так у пограничников появилась своя боевая награда.

Император, пробыв девять месяцев на фронтах Русско-турецкой войны, возвратился в Санкт-Петербург. Война оставила в его душе огромную незаживающую рану. Кровь, пролитая русским солдатом под Плевной и на Шипке, оказалась едва ли не напрасной. Англия, Германия и Австрия украли у России плоды ее победы. У нее и на сей раз не оказалось друзей. «Понимает ли русский народ, – думал Александр II, – как важно теперь преодолеть внутренний раздор и сохранить единство, чтобы Россия всегда была сильной и гордой, а не униженной и оскорбленной?»

Он хотел еще много сделать, это тумный и дальновидный царь. В нем все больше крепла уверенность, что стране необходима Конституция, что только обязательный для всех Закон может дать людям свободу... Он готовился к новым реформам, но жизнь рассудила иначе. 1 марта 1881 года он был убит взрывом бомбы, брошенной студентом М. Гриневецким. Россия вздрогнула и замерла, сраженная жестокостью горем. Что же теперь будет? Что последует? Ведь убит помазанник Божий!

«Оставить в дело так невозможно»

Александр III и охрана границ Российской империи

В управлении Отдельного корпуса пограничной стражи 27 февраля 1914 года освящали мемориальную доску, установленную на стене приемной комнаты штаба. Золоченная надпись на черной мраморной доске гласила: «В 21-й день ноября 1907 года Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович для увековечения памяти о милостивом внимании в бозе почивающего Государя Императора Александра III к корпусу пограничной стражи Высочайше повелеть соизволил Санкт-Петербургскую бригаду впредь именовать пограничную Императора Александра III бригадою». Молебствие, церемониальный марш войск и собрание петербургской общественности придали этому незаурядному событию особую торжественность и значимость. По замыслу руководства Министерства финансов и пограничной стражи акт освящения мемориальной доски, посвященной Александру III, должен был не только олицетворять собой признание роли «в бозе почивающего» императора в строительстве пограничной стражи и укреплении охраны государственной границы, но и символизировать верность ее самодержавию, престолу, Дому Романовых, чтобы было так важно накануне грозных событий, отблески которых уже маячили на политическом горизонте России.

Александр III

Николай II, присваивая Санкт-Петербургской пограничной бригаде имя Александра III, хотел, конечно, не только сохранить в пограничной страже память о своем отце, так много сделавшем для ее развития. Он, судя по всему, знал о настроении среди офицеров и нижних чинов стражи, которые считали Александра III создателем Отдельного корпуса, поддерживали это решение безоговорочно и вполне осознанно и потому испытывали к покойному императору искреннее уважение и признательность.

И он не ошибся. В пограничной страже присвоение одной из ее бригад имени Александра III вызвало большой патриотический подъем. Как писал один из современников, «все чины пограничной стражи, от мала до велика, проникнутые чувством глубокой признательности монаршей милости, вознесли горячие молитвы свои за Батюшку-Царя». Значит, чтить и память русского миротворца и помнили о его делах по укреплению охраны державных границ.

Самые абсолютные правители не столь свободны в своих действиях, как это может показаться

первого взгляда. Они зависят от многих обстоятельств, случайностей, интересов различных групп людей, неумолимого хода событий и явлений истории. Это очень скоро понял Александр III, вступив на престол в 1881 году. Он не считался наследником своего царствующего родителя Александра II – эта роль предназначалась старшему брату Николаю, однако тот неожиданно умер в 1865 году. И хотя до коронации оставалось 16 лет, перспектива занять российский престол уже тогда омрачала его надежды на беззаботную жизнь. Это была судьба, предназначенная ему, и не в его власти было что-либо в ней изменить. Уже взойдя на престол, он снова почувствовал это. Ему хотелось укрепить государство, дать ему спокойствие и стабильность, аладить экономику и поднять уровень жизни своих подданных, но как это сделать, когда финансы находятся в бедственном состоянии, бюджетный дефицит растет, а государственный кредит падает? Над страной витает туман революции, народ волевыми был убит его отец, да и сам он едва не стал жертвой террористов во главе с Александром Ульяновым. Ему хотелось дать России длительный и устойчивый мир, но опасность войны никак не отодвигалась от его границ.

«Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, – сказал он однажды о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в которой участвовал, – и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны».

России нужны были мир и внутреннее спокойствие, и потому Александр III не колебался в выборе политического курса. В его, нового императора, Манифесте недвусмысленно говорилось: «Глас Божий повелевает нам стать бодро на дело Правления, в уповании на Божий промысел, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утвердить охранять для блага народа Нашего от всяких на нее поплзновений». Искоренение «гноусной крамолы, позорящей землю русскую», и «водворение порядка и правды» объявлялось главной задачей верно подданных.

В русле этой политики осуществлялось на первых порах и переустройство пограничной стражи. Главный упор был сделан на укрепление порядка, дисциплины, жесткую экономию средств, сдерживание роста управленческого аппарата. Уже в 1881 году были введены бригадные суды для рассмотрения дел нижних чинов, совершивших различные преступления. Раньше в бригадах таких судов не было; стражники и объездчики судили в полковых судах ближайших частей войска. Для усиления контроля за деятельностью пограничных бригад была введена вторая должность инспектора при Министерстве финансов, однако во избежание перерасхода бюджетных средств обций состав пограничной стражи был сокращен на пять младших офицеров. На практике же оказалось, что два инспектора пограничной стражи согласованно работать не смогли, и поэтому по распоряжению Александра III от 16 февраля 1886 года должность второго инспектора была сокращена, а взамен учреждены три должности помощников инспектора. Причем император остался верен себе и на этот раз: обций состав стражи был уменьшен на одну должность штаб-офицера и одну – отрядного офицера. Обмундировальная мастерская, введенная в строй в 1871 году, не имела постоянного штата. Александр III разрешил ввести должность заведующего мастерской и его помощника, но опять же за счет уменьшения общей численности стражи на одного командира отдела и одного отрядного офицера. В это же время он сократил количество таможенных округов с пятнадцати до шести.

Режим жесткой экономии бюджетных средств Александр III выдерживал с последовательностью убежденного в своей правоте человека. Справедливости ради следует отметить, что этот режим бережливости почувствовали не только пограничная стража и все чиновники, даже свита императора. По свидетельству современников, ни при одном русском монархе не было такого запустения придворных залов, где раньше звенели бокалы, непрерывной чередой, сменяя друг друга, шли маскарады и прочие аристократически веселения.

Как ни хотел Александр III сохранить мир на российских границах, удавалось ему это трудом. Обстановку в Средней Азии, куда стремилась проникнуть Англия, удалось разрядить, заключив в 1887 году договор о русско-персидской границе. На Западе же тучи постепенно сгущались, и надежд на то, что удастся избежать грозы, становилось все меньше. Кажется, впервые весьма серьезно осложнились отношения с Германией. Военное ведомство доложило царю, что для усиления военной мощи государства надо использовать все силы, в том числе и пограничную стражу. Военный министр П.С. Ванновский представил на высочайшее рассмотрение «Положение об организации и употреблении пограничной стражи на случай войны», и 13 июля 1882 года Александр III утвердил его. Теперь уже пограничная стража помимо службы по пограничному надзору должна была усиленно заниматься боевой подготовкой. С этой целью в 1885 году в штат пограничных отрядов ввели должность субалтерн-офицера, ведающего обучением нижних чинов. Александр III согласился также с предложением Военного министра установить для офицеров и нижних чинов пограничной стражи в целях усиления боевой подготовки конные и пешие сборы. Прибывавших в пограничные бригады новобранцев стали в течение восьми недель готовить в учебных командах.

Прошло четыре года. Военный министр П.С. Ванновский решил изучить положение дел в пограничной страже в связи с указом Александра III о ее подготовке на случай войны. На границу было послано несколько групп офицеров военного ведомства. Что же увидели они там, у черты государства, где несли службу эти загадочные, окутанные ореолом тайны пограничники?

Пограничная стража в составе около двадцати тысяч человек, растянувшись узкой цепочкой малочисленных постов от Белого до Черного моря, днем и ночью охраняла государственную границу, выставляя часовых и непрерывно совершая разъезды. Служба продолжалась по шесть-восемь часов в сутки, а иногда и более. Стражники были вооружены малокалиберными драгунскими винтовками, а объездчики – револьверами системы Смитта и Вессона. Их жизнь сопровождали ночные тревоги, перестрелки с контрабандистами, похищения и преследования нарушителей. Днем они спали, набираясь сил для ночной службы, поэтому заниматься боевой подготовкой было просто некогда.

Больше всего, однако, поразило проверяющих то, что в пограничной страже военными людьми командовали гражданские чиновники из Департамента таможенных сборов и начальники таможенных округов. В боевых условиях такая система управления была совершенно неприемлема.

16 декабря 1886 года Военный министр доложил Александру III об итогах проверки пограничной стражи и внес предложение о выделении ее в отдельный корпус. На этом докладе император наложил следующую резолюцию: «Оставить это дело так как оно существует теперь, невозможно».

То, о чем доносил Военный министр, было известно Александру III. Его всегда удручала некомпетентность таможенных чиновников в военных делах. Сам он, как традиционно и все великие князья, был профессиональным военным. Со дня рождения числился в Павловском и Преображенском гвардейских полках, а когда подошел срок – постигал премудрости службы в первом кадетском корпусе, а затем и в гвардейских частях. И поэтому считал невозможным оставить управление военной пограничной стражей в руках гражданских чиновников. Ему вспомнились донесения таможенников, которые он не мог читать без улыбки. К примеру, донесение управляющего Архангельской таможней Веденякина об инспектировании Беломорского отдела пограничной стражи: «Нижние чины, представлявшие яна смотру, имели бодрый вид и оказались хорошо выправленными, ружейные приемы делали хорошо и вполне отчетливо гимнастика и фехтование более или менее хорошо... При производстве испытания нижних чинов по знанию устава дисциплинарного и устава гарнизонной службе оказалось, в общем, более или менее хорошо... Журнал дисциплинарных взысканий, наложенных на гг. офицеров, и штрафной на нижних чинов ведутся правильно, и взыскания соответствуют проступкам...»

Поверхностность и некомпетентность в военных делах поражали Александра III. Он недоумевал, как нижние чины оказались «хорошо выправленными», ну а оценку знания уставов «в общем более или менее хорошо» без спазм в горле читать в роте не мог. Начальнические суждения таможенных чиновников о вещах, в которых они не сведущи, вызывали у него раздражение и досаду. Такой управляющий, считал он, может деморализовать всю войсковую часть и подорвать уважение к начальству. Крестьянского мужа, взятого от сохи, можно дисциплинировать только строем. В этом вся суть воинской службы, и совсем не случайно на реорганизации управления пограничной стражей настаивал Военный министр П.С. Ванновский.

Как это часто бывает, военное ведомство, установив диагноз болезни пограничной стражи, забыло о том, что больного надо лечить. Министерство финансов тоже оказалось в стороне, так как возглавлявший его И.А. Вышнеградский сам тяжело заболел. Дело реорганизации пограничной стражи, кажется, безнадежно покрывалось пылью в затхлых чиновничьих кабинетах, все более погружаясь в небытие, повторяя участь многих других похороненных там документов. И так бы, наверное, и случилось, если бы в это время на российском политическом небосклоне не появилась яркая фигура С.Ю. Витте.

Кажется сама судьба помогла ему завоевать доверие Александра III. Однажды на Киевском вокзале император стал невольным свидетелем разговора Витте бывшего тогда управляющим юго-западными железными дорогами, с министром путей сообщения. Последний требовал, чтобы царский поезд тащили сразу два паровоза, так как царь «любит быструю езду». Витте соглашался, опасаясь крушения состава из-за слабости железнодорожного пути. Министр продолжал настаивать, ссылаясь на свой опыт, и тогда твердый в своих суждениях Витте резко ответил: «Знаете, Ваше превосходительство, русская делают другие, как хотя я Государю голову ломать не хочу, потому что кончится это тем, что Вы таким образом голову Государю ломаете».

Александр остался недоволен резкостью выражений Витте, но спустя два месяца он убедился в его правоте. В 1888 году у станции Борки под тяжестью царского поезда рельсы разошлись, вагоны опрокинулись, и вся семья императора лишь чудом уцелела. Вот тогда-то Александр и вспомнил о предупреждении грубоватого Витте, видя в нем человека незаурядных способностей. В 1892 году он назначил его министром путей сообщения, а в августе того же года – министром финансов Российской империи.

В системе мер по экономическому возрождению России, разработанных Витте пограничной страже отводилась весьма заметная роль. Она должна была защитить страну от контрабандного ввоза иностранных промышленных изделий, который был неизбежен в условиях введения охранительной таможенной политики. Вот почему Витте сразу же после вступления на пост министра финансов приступил к реформам в пограничной страже, существовать которой ему было не трудно: Александр III ему полностью доверял.

Новый министр финансов начал с того, что созвал представителей таможенного ведомства и пограничников на особое совещание, которое должно было выработать предложения по реорганизации управления пограничной стражи, и прежде всего ее высшего звена. Открывая это совещание, Витте высказался за военное устройство пограничной стражи, при котором она «являлась бы исполнительным органом таможенного ведомства, но автономным внутри».

Мнения участников совещания разделились. Таможенники выступили против идеи Витте. Они считали, что «при всех переменах, постигающих пограничную стражу, идея нераздельности стражи с таможенным ведомством неизменно выражалась в подчинении ее в таможенном отношении власти начальников таможенных округов, как главных и ближайших руководителей таможенного дела в приграничном районе».

Что касается пограничников, то они полностью поддержали предложение Виттэ об автономности пограничной стражи. Один из их аргументов заключался в том, что «существующее объединение власти над таможенными учреждениями и пограничной стражей для дела пограничного надзора не только не полезно, но и прямо вредно, ибо начальник округа, естественно склонен покрывать действия таможен пограничной стражи, тогда как при разделении таможенного ведомства и пограничной стражи всякие злоупотребления и упущения не могут быть сокрыты уже из опасения, что об этом может сделаться известно другому, близко стоящему независимому ведомству».

В этой дискуссии таможенников с пограничниками Виттэ безоговорочно поддержал последних, ратовавших за выделение пограничной стражи из таможенного ведомства, так как считал, что «всякая сила, организованная на началах воинской службы, действует в России наиболее успешно». Предложения участников совещания легли в основу всеподданнейшего доклада о необходимости выделения пограничной стражи из Департамента таможенных сборов в отдельный корпус, который Виттэ представил императору 15 октября 1893 года.

Доклад этот сам по себе представляет собой весьма поучительный документ, как образец безукоризненного соответствия формы и содержания, четкости аргументации и ясности изложения, глубины анализа и дипломатического искусства. Точность формулировок, обоснованность предложений, умение автора «остаться в тени» и подчеркнуть роль монарха обеспечили ему необходимую пробивную силу. Уважаемый читатель может оценить документ хотя бы по заключительной фразе: «На случай, если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет соизволить Высочайше утвердить сии предложения министра финансов, приемлю смелость всеподданнейше представить на подписание Вашего Императорского Величества указ Правительствующему Сенату». Все тонко и изящно, так тонко, что путей отступления императору уже не остается. Только подписать.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что вводимое новое ведомство было немногочисленным по составу (всего 3 генерала, 6 старших и 6 младших офицеров, 18 чиновников и 5 писарей) и весьма незначительно увеличивало расходную часть бюджета – всего на 104 тысячи 365 рублей в год. Все это позволило Александру III, не раздумывая долго, подписать представленные документы в тот же день: на докладе министра финансов он написал «Согласен», на временном штате управления корпусом – «Быть по сему», а на указе правительствующему Сенату – «Александр».

Суть подписанного 15 октября 1893 года Александром III указа выражалась в следующих основных положениях:

1. Состоящую ныне в таможенном управлении пограничную стражу выделить из оного в Отдельный корпус пограничной стражи.
2. Подчинить Отдельный корпус пограничной стражи министру финансов с присвоением ему звания Шефа пограничной стражи.
3. Учредить должность командира Отдельного корпуса пограничной стражи Штабсего корпуса.

Итак, по указу Александра III пограничная стража выделилась из таможенного ведомства, освободившись от некомпетентного руководства. Она получила внутреннюю автономию, оставаясь в ведении министра финансов, ставшего ее шефом. Решающий шаг в создании специального войска, предназначенного для охраны государственной границы, был сделан. В истории пограничной стражи открывалась новая, весьма важная страница, начинавшаяся с событий 15 октября 1893 года.

4 октября 1893 года Александр III получил донесение с Закавказских пограничных окраин: «В 2 часа дня 4 сентября 1893 года с Нижне-Карасунского постанна пост Араздаян Эриванской бригады объездчики Болдырев и стражник Чернышев были убиты выстрелами из засады. Винтовка Бердана и патрон таша

патронами похищены. Предположительно убийство совершили персидские курды». «Весьма печально», – написал императори задумался. Не было еще ни одного месяца за последние одиннадцать лет – с того момента, как в Закавказье стали размещаться бригады пограничной стражи, – чтобы оттуда поступало донесений об убийстве пограничников, перестрелках, грабежах и разбоях. В этом диком крае господствовали жестокие нравы, нигде человеческая жизнь не была так обесценена, как здесь. «Пограничную стражу надо усиливать обязательно», – решил тогда монарх.

И еще Александр вспомнил, как в 1882 году приказал российские границы в Закавказье охранять пограничной стражей. В казне не было денег, и потому сформировали сначала одну бригаду для охраны самого важного участка – Черноморского побережья, откуда морем вывозились для продажи в рабство люди, шла торговля оружием и контрабандным товаром. Штаб бригады решили расположить в городе Батум, перешедшем к России в 1878 году. Перед ним расстилалось Черное море – безбрежное и величественное, порою бурное и грозное, но всегда полное таинственности очарования. Пограничная служба была здесь не столь монотонна и трудна, как в других бригадах Закавказья. «Говорят, в Закавказье нет ни одного пограничного поста, где бы не возвышался бугорок земли с черным немудрящим крестиком, под которым покоится прах погибшего пограничника. Служба здесь трудна и опасна, а потому надо быстрее закрыть оставшийся участок русско-персидской границы, твердой рукой навести порядок, покончить с шайками разбойников и контрабандистов. Надо научить соседние государства уважать российские границы», – подумал Александр III и решил сделать соответствующие распоряжения всем ведомствам, отвечающим за поддержание порядка в пограничных окраинах. А Витте поручить ускорить формирование закавказских пограничных бригад.

И вот постепенно с запада на восток вдоль российской государственной границы в Закавказье, извиваясь на подъемах и спусках, протянулась пробитая солдатскими руками патрульная дорога, по которой, ежечасно подвергаясь опасности, двигались конные разъезды офицеров и нижних чинов пограничной стражи. Здесь возникали хотя и редкие и пока немногочисленные, но добротные посты, кордоны и пикеты, строились вышки, в базальтовом грунте пробивалась неглубокая, покрываемая затем известкой канавка. Росли казармы, лазареты, оружейные мастерские. Выставлялись все новые бригады пограничной стражи, осваивалась линия государственной границы, на пограничных постах уверенно развевались флаги Российской империи. Пограничники готовились всерьез и надолго защищать рубежи России...

Александр III, выделив пограничную стражу из таможенного ведомства и образовав из нее отдельный корпус, очень скоро пришел к выводу, что создан, по сути, новый род войск, предназначенный единственно для охраны государственной границы. У него были все отличительные признаки регулярного войска: организационная структура, вооружение, снаряжение, система комплектования – все, что присуще настоящему войску. Не хватало одного, что имелось в других войсках: Храмового праздника. Как человек глубоко верующий, Александр III хотел, чтобы доброе начинание – создание Отдельного корпуса пограничной стражи – было освящено Божественным провидением и Божественною волею. Он неоднократно беседовал с Витте об учреждении в пограничной страже Храмового праздника и предлагал считать таким праздником день Введения во храм Пресвятой Богородицы. «Мыслью я так, – говорил он Витте, – что покровительницей пограничной стражи должна быть Пресвятая Богородица. Служба пограничная необычна по своей сути: оторванность от людей, одиночество, опасность на каждом шагу – ведь люди несут службу на краю Земли Русской. Солдатам здесь тоскливо и одиноко. Им, заброшенным в глухие и отдаленные места, необходимы материнское тепло, утешение, забота, а это может дать лишь Пресвятая Богородица, наша Небесная покровительница и заступница». Витте оглашался. 25 марта 1894 года Александр III подписал указ об установлении Храмового праздника пограничной стражи. Им стал день Введения во храм Пресвятой Богородицы – 21 ноября (4 декабря по новому стилю). В этот день император

предписал собирать в Санкт-Петербурге в Михайловском манеже сводную роту из шести офицеров и ста сорока нижних чинов, а в церквях проводить богослужения. У воинов порубежья появился свой профессиональный праздник.

Служба офицеров и нижних чинов пограничной стражи проходила теперь под сенью покровительства Пресвятой Богородицы. Они верили ей, прося защиты, утешения, поддержки. Ей они вверяли свои судьбы и жизни, когда, помолвившись, уходили на службу в холодную темень, или вступали в перестрелку с разбойниками и контрабандистами или когда на посту в душу закрадывался холодок одиночества и отчаяния...

Могучий облик и богатырское здоровье сорокадвухлетнего Александра III внушали подданным России мысль о долгом и благополучном его царствовании. Но случилось неожиданное: в середине 1894 года он заболел воспалением почек – нефритом. Тщетно Александр боролся с недугом – здоровье его с каждым днем ухудшалось. Он крепился, требовал докладов, пытался держать в руках управление страной в своих руках. 19 октября ему представили доклад С.Ю. Витте «О внесении в Государственный совет представления «Об основных началах караульной службы и употребления оружия чинами Отдельного корпуса пограничной стражи».

Александр III написал на нем «С» – согласен. Это случилось за несколько часов до его кончины. 20 октября 1894 года сердце императора перестало биться. Пограничная стража скорбела о нем вместе со всем российским народом, понимая, что это был великий русский Государь, твердая и несокрушимая опора державы.

«Не мститва меня»

Николай II и охрана границ Российского государства

Николай II сидел на узенькой скамеечке в прохладной тени дикого винограда, вьющегося по легкой деревянной арке, и неспешно курил ароматную папиросу. Неяркое осеннее солнце, словно намаявшись за лето, светило ласково и нежно. Внизу неумоимо шумело море, наполняя окрестности своим ровным дыханием и какими-то волшебными, волнующими запахами. В воздухе носились неугомонные стрижи, чирикали воробьи в зарослях кустарника, а над морем кружили белокрылые чайки, крича пронзительной тоскливо. Вокруг кипела жизнь, бурлящая и безбрежная, как это огромное море, что плескалось внизу, и это радовало Российского императора, вселяло в него спокойствие и уверенность. Весь его облик говорил о том, что он находится в том безмятежно-радужном состоянии, которое происходило от сознания стабильности своего положения, незыблемости существующего порядка. Великие потрясения и страшная личная трагедия были еще впереди и не омрачали его душу тягостными предчувствиями. Он сидел, уютно устроившись в прохладной тени парка, и молча смотрел, как занимаются строевой подготовкой нижние чины пограничной стражи, выстроеныго тут же, в его имени в Ливадии, по его собственному предписанию.

Он сделал это потому, что любил армию, ее строгие порядки и славную боевую историю. Служба в летнем лагере Красного Села в первой самостоятельной должности командира эскадрона конногвардейцев, которую он получил в свои девятнадцать лет, всегда была для него самым приятным воспоминанием молодости. Здесь он со своими товарищами вел беззаботную жизнь молодого офицера, прилежно учился, готовясь стать как и все в династии Романовых, профессиональным военным. Скромность и простота способствовали росту его популярности в офицерской среде, а непринужденные беседы с подчиненными позволили ему лучше узнать армейскую жизнь. Свое воинское звание «полковник», присвоенное ему его отцом Александром III, он ценил выше всех других титулов и званий. Посещение же полков, бригад, дивизий было для него всегда событием радостными волнующим. Любил он и пограничную стражу, как часть Российской армии, которая и в мирное время выполняла боевые задачи на самых отдаленных окраинах России.

Николай II

Глядя на стройных, молодцеватых пограничников, маршировавших на плацу, Николай II вспоминал, как всего неделю назад, 21 ноября 1902 года, в день Храмового праздника пограничной стражи, он открывал этот пост Крымской бригады, только что осданный строителями Сверкая начищенной медью, гремел военный оркестр. Высокие, подтянутые, безукоризненной выправкой пограничники, не шевелясь, стояли в двухшереножном строю, не сводя глаз с императора и его семьи. Портреты царя, царицы и наследника престола, прикрепленные к передней стене кордона, были украшены гирляндами живых цветов, а вверху на длинном флагштоке развевался российский флаг. После освящения казармы и церемониального марша пограничников он обошел тогда все помещения поста, начиная с конюшни, побеседовал с нижними чинами, а потом его пригласили отведать солдатской каши. Обедали прямо в казарме, где были заранее расставлены длинные солдатские столы. Его тогда же здоровье господ офицеров и нижних чинов пограничной стражи был встречен мощным троекратным «Ура!». Прощаясь с

пограничниками, он пригласил офицеров к себе на ужин, а начальнику округа пограничной стражи генерал-майору Вестенрику сказал: «Виденная мною часть представилась в блестящем виде и в примерном порядке. Надеюсь, что и прочие части веренного вам округа находятся в таком же состоянии». Генерал заверил императора, что все бригады вверенного ему в командование округа находятся в отличном порядке и в полной боевой готовности. Царица Александра Федоровна сфотографировала тогда основные события этой встречи, а потом выслала фотографии всем офицерам, участвовавшим в ней. Это были самые дорогие фотографии, хранившиеся в их альбомах.

Николай II любил сидеть здесь, в тенистой прохладе южного парка, откуда хорошо слышался неумолкающий шум моря, сквозь заросли кустарника виднелся краешек синего неба, а впереди расстился строевой плац поста пограничной бригады. Этот маленький пост напоминал ему муравейник, в котором ни на минуту не стихала жизнь, беспокойная и тревожная, как и тоненьким, но ощутимым внутренним напряжением. Вот солдаты вышли на улицу, чистят оружие, вот они вывели из конюшен рослых рыжих коней и стали чистить круглыми щетками, вот они занялись вольтижировкой приемами рукопашного боя... Больше же всего нравилось императору наблюдать, как солдаты, зарядив оружие, уходили охранять границу, стараясь двигаться бесшумно и неприметно. «Значит, – думал он, – границы России не остаются без присмотра ни днем, ни ночью. И если на всех постах служат такие же сильные и ловкие молодцы, можно быть уверенным, что ни контрабандисты, ни другой злоумышленник от них не уйдет и их не обманет». Здесь он чувствовал себя спокойно, уверенно. Сидел, почти не шевелясь, и старался не привлекать к себе внимания, не отдавая никаких приказаний и не вмешиваясь в жизнь пограничного поста. Лишь изредка он останавливал кого-нибудь из солдат, спрашивал о службе, о делах домашних и, угостив папиром, разрешал следовать дальше. Солдаты так же привыкли к своему царю, спокойному и доброму, и им часто казалось, что общаться с ним даже проще, чем со своими офицерами, всегда требовательными строгими.

А император, наблюдая за жизнью пограничного поста, думал о своем, уносясь в своих мыслях далеко от того места, где находился. Близость к границе, пограничникам наталкивала его на размышления о границах России, их огромной протяженности и о трудностях, связанных с их охраной. Николай вспоминал, что до вступления на престол он вообще не интересовался охраной границы, да и отец, Александр III, не очень-то посвящал его во все сферы государственной деятельности. Ему казалось, что царствование его могучего родителя, легко сгибавшего самую прочную подкову, будет долгим и счастливым, нет никакой необходимости торопиться сваявать премудрости царского ремесла. Но отец умер неожиданно быстро, и вместе с его смертью рухнули надежды на молодость, беспечную и беззаботную. Пришлось брать на себя нелегкое бремя царской власти. К тому же он хотел не просто царствовать, а править, и потому вникал во все тонкости управления огромной империей. Работал он много, в основном один, делая все сам и не имея даже секретаря. Все бумаги разбирал лично и, прочитывая, накладывал резолюции и отправлял адресатам. Так поступал он и с еженедельными докладами министра финансов С.Ю. Витте, выполнявшего также обязанности шефа пограничной стражи. Он вспомнил его первый доклад. Витте говорил, что его отцом, Александром III, проводилась покровительственная таможенная политика, которая приводила к значительному росту контрабанды, которой, однако, не было альтернативы. Необходимо было усилить пограничную стражу. Александр III создал из нее отдельный корпус, но всю работу по ее реорганизации провести не успел. Он считал, что необходимо ужесточить порядок применения оружия на границе, чтобы заставить соседние государства «уважать неприкосновенность российских рубежей», а в организационном отношении разделить корпус пограничной стражи на округа.

Николай II был весьма поражен тогда размахом контрабанды через границу. Витте доложил, что ежемесячно происходило в среднем 986 случаев задержания контрабанды, или 12 тысяч в год, причем,

подчеркивал министр финансов, эксперты считали, что задерживалась лишь десятая ее часть. Причина этого, по его мнению, – недостаточная численность штатного состава пограничной стражи. Черноморская бригада имела в среднем 1,3 человека и 0,3 строевой лошади на охраняемую версту, а Амударьинская, соответственно, 0,93 человека и 0,43 лошади. Не хватало плавучих средств. Плохо оборудованы посты и казармы, в горной и пустынной местности еще не полностью проложены патрульные дороги.

Министр финансов обращал внимание на то, что основными зонами контрабанды являлись границы с Германией и Австрией, где она водворялась «не нищей братией и не приграничными жителями и лицами высшего класса и торгового сословия, и что случаи освобождения их от денежной ответственности поощряли их деятельность побуждали других заниматься тем же промыслом». И тут царь вспомнил, как был задержан с контрабандой капитан его собственной яхты...

В августе 1901 года на рейде Санкт-Петербурга явилась яхта Его Императорского Величества Николая II «Штандарт». Ее белоснежный корпус отчетливо вырисовывался на фоне туманного горизонта, затянутого серыми облаками, и, горделиво покачиваясь на волнах, заметно выделялся своей ослепительной белизной и изяществом форм среди снующих взад и вперед рядовых труженников моря – грузовых и пассажирских судов. Столпившиеся на берегу горожане любовались грациозностью ее линий и ожидали того момента, когда она причалит к пирсу и можно будет увидеть кого-нибудь из царствующих особ. Яхта же продолжала стоять на рейде, и лишь когда затих деловой шум порта, пристань полностью опустела, осторожно причалила к берегу. Матросы опустили трапы стали выносить из трюма тяжелые ящики, загружая ими крытые дилижансы, стоявшие невдалеке.

Неожиданно на берегу появились три стражника с винтовками в зеленых фуражках, приблизившись к трапу потребовали у капитана судовые и грузовые документы. Капитан, высокий и щеголеватый офицер в морской форме, сошел на берег и, подойдя к старшему пограничному наряду, сказал тихим, но твердым голосом: «Немедленно убирайтесь отсюда! Не видите, что ли, это яхта Государя Императора! Посмотрите лучше, чтобы посторонние не болтались вокруг!» Пограничников не смутили слова капитана, и они продолжали настаивать на своем требовании. «Да нету меня никаких документов, – закричал капитан. – Обращайтесь к Царю-Батюшке. Может он вам их предъявит!» «Мы очень сожалеем, господин капитан, – ответил старший среди пограничников, – но мы вынуждены вас задержать. Если вы попытаетесь уйти, откроем стрельбу!» Капитану хитничего не оставалось сделать, как подчиниться.

Через месяц состоялся суд, который установил, что капитан царской яхты контрабандным путем доставил из Парижа пять тысяч бутылок французского вина. По решению суда товар был конфискован, а капитан платил штраф в 12 тысяч рублей и вынужден был подать в отставку. Этого потребовал, Николай II, узнавший о его бесчестном поступке.

Вспомнил Николай II и о том, как порадовало его донесение С.Ю. Витте том, что в октябре 1900 года недалеко от Красноводска была задержана крупная партия контрабанды на общую сумму в 54 тысячи рублей. Подполковник Гайдебуров и ротмистр Панфилов в труднейших условиях пустынной местности блестяще провели пограничную операцию, выследили и задержали контрабандистов. Произошел настоящий бой, в котором было убито 17 и ранено 6 контрабандистов, 4 задержано. Пограничники изъяли 28 винтовок, 5 шашек и 1 револьвер, не потеряв в бою ни одного человека. Это говорило об их высоком мастерстве, мужестве, преданности воинскому долгу, и он с удовольствием написал на донесении шефа пограничной стражи: «Выражаю свое полное одобрение действиям подполковника Гайдебурова и его отряда». Офицеры, участвовавшие в операции, были награждены орденом Святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени, а нижние чины – медалью «За храбрость».

Николай II представил, как потаенными тропами на сухопутной и лодками на речной границе в Россию устремилась контрабанда чая, кофе, сигареты, спирт, табак, спички, галантерея, серебро в слитках,

мануфактура. Как бороться с этим вломом и как с ним покончить? Вот Витте предложил усилить пограничную стражу, ведь для ее содержания нужны средства, и немалые.

Из многочисленных докладов шефа пограничной стражи Николай II знал, насколько нагло вели себя контрабандисты и другие злоумышленники на государственной границе. Из-за мягкости российских законов, регулировавших применение оружия, страдали пограничники. Десятки из них ежегодно сажались в тюрьму или ссылались на каторгу якобы за «неправильное употребление оружия», и поэтому они предпочитали его вовсе не употреблять, даже позволяли контрабандистам безоруживать себя. В 1896 году толпа разоружила двух часовых Бакинской бригады, поставленных для охраны задержанной контрабанды, и отобрала у них винтовки. Этот факт возмутил Витте, который на составленном по этому случаю донесении написал: «Это нехороший случай. Они должны были употребить оружие, что и разъяснить приказом. Солдат же посадить на три дня под арест». Командир Сальянского отряда Бакинской бригады ротмистр князь Турин-Таксис, в подразделении которого произошел этот возмутительный факт, «заработал» тогда на этом деле строгий выговор. Но ведь это был не единственный случай! На границе с Германией прусские контрабандисты нередко разрушали ворота русских таможен, разоружали часовых и даже уводили их с собой, зная, что стрелять они не будут. Вот почему С.Ю. Витте был вынужден выйти на Государственный совет с предложением «выяснить и категорически определить, в каких случаях пограничная стража может употребить оружие». «Очевидно, – писал он, – что если государственные интересы вызывают существенную необходимость вполне охранить границы государства от водворения контрабанды и от вторжения всякого рода злоумышленников, то для разрешения сего вопроса необходимо установить, что пограничная стража при отправлении караульной службы имеет право употребить оружие...»

22 декабря 1897 года он, Николай II, утвердил решение Государственного совета, давшее пограничникам право после трехкратного клика «Стоять!» и предупредительного выстрела вверх стрелять по убегающим нарушителям. До этого они не имели такого права и должны были ловить их руками. Естественно, что на погранстражу были распространены и положения воинских уставов, регламентировавших применение оружия часовыми при несении военно-караульной службы.

Первыми новые российские правила применения оружия на границе ощутили германские власти. В 1898 году в Россию поступила вербальная нота германского правительства «О большом нарушении границы чинами русской пограничной стражи», к которой прилагался перечень из восьми таких случаев. Среди них были, к примеру, такие: «22 октября 1898 года русскоподданный Станислав Бляхлинский из Шендска, в Польше, был убит выстрелом из ружья, произведенным русским солдатом пограничной стражи Бородатым на прусской территории на дороге вдоль границы из Брыницы в Бибеллу»; «17 февраля 1899 года десять русских контрабандистов были задержаны, причем у них были отняты товары пятью нижними чинами пограничной стражи на прусской территории около Гломбека, в расстоянии от 700 до 900 метров»; «15 апреля 1899 года двенадцать русских контрабандистов были задержаны, причем у них были отобраны товары тремя нижними чинами русской пограничной стражи на прусской территории вблизи Войшник, в расстоянии приблизительно 850 метров от границы, трое контрабандистов были ранены».

Николай II знал, что большинство из этих претензий не имели под собой твердых оснований, были надуманными и делались с целью оказать давление на русское правительство и заставить его пойти на уступки. Самые тщательные проверки военных следователей их не подтверждали и доказывали полную невиновность русских пограничников. Однако германская сторона требовала все новых, повторных проверок. «До 1898 года, – думал Николай II, – Россия предъявляла свои требования к Германии по вопросам о нарушении границы прусскими жителями, а теперь, с установлением новых правил употребления оружия пограничной стражей, к нам стали поступать ноты с требованием дать удовлетворение. Значит, свои интересы на границе мы стали защищать лучше. Теперь мы не допустим

глумления над пограничниками, которое делалось совсем недавно, и заставим наших соседей уважать нас и относиться почтением».

Так думал последний русский император, отдыхая в Крыму, в своем семейном имении в Ливадии, и наблюдая жизнь небольшого поста Крымской бригады пограничной стражи, которой он позднее, через пять лет, присвоит свое имя. Он был преисполнен самых больших надежд и с уверенностью смотрел в завтрашний день, но это был, пожалуй, последний год его царствования, который еще позволял смотреть на будущее со спокойным оптимизмом. Черные грозовые тучи уже начинали заволакивать российский горизонт предвещая бурю и невиданные доселе потрясения.

Еще в августе 1902 года Николай II освободил от должности министра финансов и, соответственно, должности шефа пограничной стражи С.Ю. Витте — они были слишком разными в своих политических предпочтениях. И хотя царь, в знак благодарности, оставил в Витте юндир шефа пограничной стражи это вряд ли улучшило его настроение. Отставка — это отставка. Прощаясь с ним, Николай спросил, не стоит ли облегчить функции Э.Д. Плесске, его преемника, выделив из Министерства финансов пограничную стражу. Витте категорически отсоветовал разукрупнять Министерство финансов, и царь сразу же с ним согласился. Новым шефом пограничной стражи стал Э.Д. Плесске, бывший до своего нового назначения управляющим Государственным банком, однако, в отличие от Витте он так и не смог по-настоящему вникнуть в дела охраны государственной границы. К тому же вскоре надвинулись события, которые полностью завладели вниманием не только императора но и его ближайшего окружения.

1904 год принес Николаю II не только неудачную войну с Японией, но и личное несчастье. Казалось, сама судьба готовила печальный конец династии Романовых. Ожидаемый так долго и так страстно наследник престола появился на свет 30 июля (по старому стилю) 1904 года. Он родился больным: вместе с генами англо-датского королевского дома по линии жены Александры Федоровны он унаследовал гемофилию — тяжелый недуг, который, наряду с кровотечением из самых незначительных ранок, имеет такой симптом, как кровоизлияния в крупные суставы. Лучшие врачи пытались вылечить ребенка, но лекарства от этой болезни не существовало. С тех пор в семье царя поселилась постоянная тревога за судьбу своего сына.

Россия переживала трудное время. Неудачи в Русско-японской войне стали катализатором внутренних потрясений. Вышли на поверхность и пришли в столкновение интересы различных слоев общества. Страна походила на огромный бурливший котел, подогреваемый пламенем обострившихся противоречий. По всей стране действовали провокаторы и подстрекатели, получавшие содержание из рук врагов Российской империи. В страну огромным потоком из-за рубежа переправлялись оружие, боеприпасы, экстремистская литература. Значительная часть населения страны была охвачена духом бунтарства и разрушения. Николай II видел свою опору лишь в армии и все надежды возлагал на ее верность присяге и престолу. А на окраинах страны, куда тоже доходили раскаты волнений, он полагался на пограничную стражу, уже не раз подтверждавшую свою преданность воинскому долгу. Пограничная стража задерживала на границе агентов экстремистских партий, политическую контрабанду, оружие и боеприпасы, иногда в довольно крупных размерах. Но из-за недостатка сил полностью закрыть границу не удавалось, несмотря на жесткие требования, чтобы «багажи вещи, привозимые из-за границы, подвергать более тщательному осмотру».

В условиях войны с Японией особое значение приобретала боевая деятельность Заамурского округа пограничной стражи, дислоцировавшегося в Харбине. Округ охранял Китайско-Восточную железную дорогу, являвшуюся единственным средством обеспечения действующей армии всем необходимым. Николай II разрешил усилить этот округ двумя тысячами добровольцев — пограничников с западной границы, посылал за амурцами свои поздравления, щедро награждал их орденами, медалями и боевым

оружием. Великая княгиня Елизавета Федоровна направила в Харбин иеромонаха Гурия с наказом «для удовлетворения духовных потребностей амурацев». Когда окончилась война, пограничники подарили царю картину академика Симошки «Прорыв 19-й роты под Ляояном», которую он повелел поместить в Зимнем дворце. Не раз придворные видели его стоящим у этой картины, написанной в честь героического подвига амурацев, попавших в окружение. Из 334 воинов к своим пробилась только девять. Остальные навечно остались в степи под жгучим ляоянским солнцем. О чем думал он, российский император, глядя в выхваченный из войны эпизод человеческой драмы, разыгравшейся на земле далекого и непонятного Китая? Волновала ли его печальная участь русского мужика, одетого в серую солдатскую шинель, брошенного в эту кровавую бойню? Хотелось бы верить, что этот вопрос тоже вставал перед русским монархом...

Болезнь и страдания сына – наследника престола, внутренняя распри, интриги придворных омрачали жизнь Николая II и все более настраивали на мистический лад. Он был глубоко верующим человеком, но эта вера не порождала в нем энергии и решительности желания ответить на вызов судьбы, а скорее вызывала потребность уповать лишь на милость Божью. А нужно было действовать. Государю для того дается меч в руки, чтобы он удерживал порядок в государстве... Появление Григория Распутина было воспринято в доме Романовых как некое божественное провидение, как дар, ниспосланный свыше, и он доверился ему, как никому из окружающих его людей. Вокруг имени этого человека усилиями многочисленных врагов царя и его семьи нагромождены горы зла и небылиц. На самом же деле антираспутинская кампания направлялась против царя и во имя разрушения царской власти.

Среди тех, кто ненавидел Распутина и пытался отдалить его от царя, находился и В.Н. Коковцов, министр финансов и шеф пограничной стражи. Огромное влияние на императора как сибирского чудотворца» беспокоило министра, как он считал, затрудняло решение стоявших перед ним проблем. В 1913 году он предложил Распутину 200 тысяч рублей, с тем чтобы он навсегда покинул Петербург. Григорий, сильно обидевшись, не согласился. Он ответил Коковцову, что если царь и царица захотят того, то он «конечно, уедет, но зачем же его покупать».

Бывший министр финансов и шеф пограничной стражи С.Ю. Витт был так же лично знаком с Распутиным, но считал его человеком высоких нравственных качеств и незаурядного интеллекта. Распутин, по его мнению, был «сверхчеловеком», «силой природы», которую нельзя мерить обычной меркой холодного рассудка. Григорий же, со своей стороны, тоже считал графа «разумным человеком», ценил его мнение и не упускал случая использовать добрые с ним отношения для того, чтобы сделать какое-нибудь одолжение обратившемуся к нему за помощью человеку. На все просьбы «старца» Витт откликался по доброму, но сильно опасался, что во «влиятельных салонах» могли предположить, что через Распутина он добивается сближения с царем. Николай II знал об этом, но вернуть его расположение к Витту же не мог никто, даже Распутин.

А жизнь продолжалась. На далеких окраинах России несли свою службу офицеры и нижние чины пограничной стражи. Это была тяжелая, изнуряющая служба, не знавшая покоя, не допускавшая перерывов, а потому ценившаяся и опекаемая самим царем, Николаем II. Пограничная стража благоустроивалась, рождалась на новых, еще не освоенных границах. Строились новые казармы, посты, медицинские лазареты, ведомственные санатории и дома отдыха. Спускались на воду новые пограничные корабли, развивалась система образования и попечительства. Готовились выставить на охрану южной и дальневосточной границ четыре новые пограничные бригады, но не хватало средств, и временно охраняли эти регионы казаки, таможенники и линейные батальоны. Словом, Российская империя готовилась серьезно и надолго охранять свои державные рубежи, но история уже начинала отсчет последних часов. Навязанная России война заставляла отложить на неопределенное будущее все планы по укреплению охраны российских границ. Пограничники вместе с армией сражались на гигантском фронте этой войны,

еще невиданной по масштабам войны и охраняли те участки границы, куда еще не докатилось ее всепожирающее пламя.

Николай II занимался делами пограничной стражи все меньше и меньше: слишком много проблем свалилось и придавило его своей неимоверной тяжестью. В 1913 году он провел последний парад подразделений пограничной стражи, посвященный ее Храмовому празднику, а спустя год распорядился перебросить Заамурский пограничный округ на Восточный фронт Первой мировой войны. В огненном смерче последовавших затем событий рухнуло самодержавие и все символы государственной власти: армия, полиция, пограничная стража.. Николай II, последний российский император, тоже исчез в пучине этой катастрофы, разделив участь многих бывших своих подданных, оставив нам свое завещание, преисполненное христианского смирения и... надежды: «Всем, кто остался мне предан, и тем, на кого вы можете иметь влияние! Не мстите за меня. Я всех простили за всех молюсь. Не мстите за себя и помните, что зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее. Но не зло победит зло, а только любовь».

«На заставе богатырской»

19 декабря (1 января) – день памяти святого Ильи Муромца, духовного покровителя российских пограничников

Этот теперь детисмотрят по телевидению заокеанские «страшилки» и «стрелялки», даже не ведая о том, что их папы и мамы, дедушки и бабушки воспитывались на подвигах других героев: Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича; что девочки восхищались Василисой Прекрасной, спасающей в трудную минуту своего друга – доброго и простодушного Иванушку, и все знали, что, как бы ни старалась Баба Яга, ей все равно не удастся изжарить в своей печи заколдованного мальчика, братика Аленушки. Душа народа, живущая в этих сказках, не стареет и не умирает, оставаясь здоровой и чистой. Вспомним Пушкина: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Обращаясь сегодня к нашим былинным героям, мы не столько сожалеем о прошлом, сколько думаем о настоящем. Все свое время. Есть время разбрасывать камни, и есть время собирать их. Сейчас надо собирать, чтобы возродиться заново. И здесь не обойтись без помощи тех, кто когда-то защищал Родину, спасал ее от многочисленных врагов, был нравственным стержнем народа. Таких, как, скажем, Илья Муромец. В самом деле, он, этот главный былинный герой русского народа, обладает всеми качествами воина-пограничника: Илья честен, добр, неподкупен, бдителен, отважен и необычайно силен. Большую часть своей жизни он провел не на княжеских пирах, а служил на «богатырской заставе» у края Дикого поля, где проходила граница Древней Руси. Здесь он совершил свои знаменитые подвиги и здесь же получил известность как главный защитник Отечества. Фактически он был первым воином на Руси, и первым пограничником, и первым начальником пограничной заставы. Местного и теперь общему строю воинов в зеленых фуражках, где он несет свою бессменную вахту на отдаленных рубежах России.

Илья Муромец

Почему-то многие до сих пор считают его плодом народной фантазии, таким легендарным богатырем, который живет лишь в сказках. На самом деле Илья Муромец – личность реальная, жившая и совершившая свои подвиги в Древней Руси, примерно в XII веке. Похоронен он в Киево-Печерской лавре, в знаменитой Антониевой пещере, рядом с первым русским историком-монахом Нестором. Более того, он канонизирован, т. е. причислен к лику святых. В православных календарях день 19 декабря (по старому стилю) ежегодно отмечается как «память преподобного Ильи Муромца, в двенадцатом веке бывшего».

Существует масса свидетельств, подтверждающих реальность нашего героя. Сохранилось письмо старосты пограничного польско-литовского города Орши Кмиты Чернобыльского, который в 1574 году сетовал, что едва «не сдох с голоду на стороже, не потерял надежды». «Придет час, – восклицает он, – коли будет надобность в Илье Муравленине и Соловье Будимировиче, будет час, коли будет в службе нашей потреба». А это значит, что популярность Ильи Муромца перешагнула рубежи России: во второй половине XVI века к его имени апеллирует подданный польского короля.

В 1701 году в Киеве побывал московский паломник Иоанн Лукьянов. Вот что он пишет: «Февраля во 2

день, походом в Антониеву пещеру и тувидихом преподобных отец: в нетленных плотех что живые лежат».

А первым среди более пятидесяти святыи великомучеников Древней Руси он называется именно Илью Муромца: «Тут же видехом храброго воина Илию Муромца, в нетлении, под покровом златых, ростом яко нынешних крупных людей; рука у него левая пробита копием; язва вся знатна на руке; а правая рука его изображает крестное знамение...»

Былины «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» начинаются, как правило, одинаково: богатырь выезжает из того из города из Муром, из того села из Корочарова». Это традиционное начало прямо указывает на то, что Илья Муромец – богатырь из древнерусского города Муром, тем более что до нашего времени сохранилось село Карачарово, расположенное неподалеку от Муром.

Сохранилось подробное описание Муромских мест, сделанное Владимиром Далем в 1833 году: «Перед Вами Ока-река, а за нею берег Муромский крутой горой: на горе стоит развернулся, вытянулся лентою Муром-городок: он красуется святыми храмами, золотыми маковками. Храм соборный во имя угодников Февронии и Петра, монастыри Троицкий да князя Константина ролевее Муром, повыше на Оке-реке с походом на две версты, стоит село Корочарово; в Корочарове дворов сот пять, церковь во имя Троицы Святой». А далее В. Даль сообщает часовне пророка Ильи в полпути до Муром и что «под тою часовенкой... студеной ключ бьет и что ключ этот выступил из-под копыта коня богатырского Ильи, по прозванию Муромец, когда он, отстояв утреню в Корочарове, поспешил к вечерне во Киев-град, да заехал в Муром, Святой Троице единосущной поклониться, и дал первый ускок богатырский от села Корочарова до в полпути до Муром».

В X веке в Муроме княжил сын Владимира Святославича Глеб. Это был пограничный город с Волжской Болгарией. Известно, что в 1088 году болгары штурмом взяли Муром и до конца XI – начала XII века шла борьба Руси за возвращение этого города. Илья Муромец, как древнерусский богатырь первоначально мог отличиться в ходе этой войны, а затем уже служить в дружине князя Владимира.

В Хлебинской летописи, относящейся к XII веку, записано, что в селе Ильинском, на реке Бельне, жил богатырь Илья Сокол, по прозвищу Муромец. Его усадьба по наследству перешла к единственной дочери Александре, ставшей женой Омели, сына Алеши Поповича. Значит, оба славных витязя жили примерно в одно и то же время, хотя Илья Муромец был старше своего соратника Алеши.

Не исключено, что наш богатырь мог служить в войске Владимирского князя Андрея Боголюбского (правил в 1157–1174 гг.), защищая порубежные владения ростово-суздальских князей. Их переяславские земли были самыми неблагополучными и беспокойными из-за частых набегов воинственных кочевников, и именно здесь они ставили свои богатырские пограничные заставы. Возможно, Илья Муромец и Алеша Попович несли свою ратную службу в этих местах диких и отдаленных, где рыскали на своих конях хищные степняки где нужна была их богатырская отвага и удаль.

Нет сомнения, что основным местом, где мог прославиться Илья Муромец, была пограничная застава, которая в народной среде иной и не могла быть кроме как богатырской. И это не просто поэтический вымысел или плод досужей фантазии, а отражение вполне реальной исторической действительности. Степь – дикая и безбрежная, постоянно грозила Руси внезапными и страшными набегами хазар, печенегов, половцев, а позднее – «языц неизвестных». Небольшие крепости-заставы, которые выставлялись на «дорожках прямоезжих», были по существу укрепленными форпостами, выдвинутыми далеко в степь призванными принять на себя первый удар хищных кочевников. Здесь могли служить лишь отважные, сильные и ловкие воины, умеющие постоять за себя.

Известно, что после крещения Руси в 988 году князь Владимир провел крупную военную реформу с целью укрепить охрану и оборону южных границ. Он «нача ставит города по Десне и по Устри, по Трубещеву и по Суле, и по Стугне». Чтобы заполнить эти города вооруженными людьми, с северных областей – Новгородской, Смоленской, Муромской, стали призывать «лучших мужей», которые могли противостоять набоя свирепым кочевникам.

Если можно было бы взглянуть на южную границу Руси в начале XI века, то мы увидели бы впечатляющую картину. Тысячи людей, растянувшись длинной цепью вдоль пограничных рек – Сулы, Устри и Десны, беспрестанно укрепляют северные берега, броды и переправы, строят деревянные крепости, копают глубокие рвы, устраивают засеки, возводят высокие башни. Стучат топоры, и звенят пилы: строятся овые дома, подворья. Распахиваются овые земли. С севера все подходит, подходят десятки сотников и жителей «дремучих лесов», с удивлением взирая на бескрайнюю степь широкое приволье: надо только его хорошо укрепить, чтобы надежно оборонять от врагов, а там посмотрим, чья возьмет.

Правда, о тех древнейших событиях не осталось никаких письменных документов, но зато поныне существуют овые свидетели этой седой старины – огромные, полуразрушенные земляные преграды – знаменитые «Змиевы валы». Загадочно и молчаливо взирают они на кипящую вокруг жизнь, словно зачарованные всем увиденным на своем долгом веку и решившие навсегда сохранить свои тайны. Они тянутся запада на восток почти на тысячу километров, став для Руси своеобразной Великой Китайской стеной древнего славянского мира.

И вот здесь, у этих Змиевых валов, ставил князь Владимир сторожевые пограничные заставы, на которых несли свою бессменную вахту воины-богатыри. Их могучие кони не устанно носили своих грозных седоков по бескрайним ковыльным степям, чтобы ни один «лихоимец» не прокрался в родную землю. Сколько же надо было совершить подвигов, чтобы прославиться на всю Русскую землю и даже далеко за ее пределами и стать популярным в народной среде!

Богатырь Илья Муромец – главный герой былин и сказок на Руси. Традиционный былинный зачин о нем начинается так в стольном граде Киеве, у ласкового князя Владимира на гулянье – пир. Съезжаются гости – все могучие богатыри, рассказываются вокруг стола «по чести»: чем ближе к князю, тем почетнее место. Сидят богатыри, дрируют, пьют хмельные вина и гордятся великой честью, оказанной князем. Само присутствие на таком пиру свидетельствовало о воздании уважения за боевые заслуги, за богатырскую удаль. Илья Муромец, однажды не получивший такого приглашения от князя, принимает это за оскорбление богатырской чести. Само приглашение на княжеский пир – это награда, и ее надо заслужить. Но где?

Лучшего места чем богатырская застава у самой границы Дикого поля, простоне было.

Вот как описывает такую заставу одна из древних былин:

Ай да не близко от города
Не далеко же
Не далеко от Киева
За двенадцать верст.
Так и жили на заставе богатыри.
Караулили, хранили стольный
Киев да град,
Не видали ни конного, ни пешего,
Не прохожего ой ни да
Не проезжего.
Да не серый тволк
Не прорыскивает.

*Да не черный медведь
Не прохаживает,
Э да их было двенадцать
Всех богатырей.
Да за старшего был Илья Муромец,
Под им был Самсон
Да Калыбанович,
Ай да Добрыня был у него в писарях.
А Олеша жил во конюхах,
Кабы Мишка Торопанишка
Чашки-ложки мыл,
Чашки-ложки мыл
Да повареночки...*

Как видим, у каждого из богатырей на заставе свои занятия обязанности: один – в атамане, второй – в податманьях, третий – в писарях и т. д. Все при деле. На службе же в дозор ходят все по очереди, командует всеми атаман. «Они ездили, богатыри, просматривали пути-дорожки прямоезжие, все окольные да мелкие тропочки, речки быстрые, каменистые, тихие аводы, бухты-лахточкы, все приглубистые лесны озерышки, все темные леса да лесные боры. Они смотрели, богатыри, досматривали, как не допустит врага на Святую Русь».

В этих строках – гимн не только бдительности, но и профессиональному мастерству русских богатырей. Все это обеспечивало твердый порядок на главном стратегическом пути – прямоезжей дороге в стольный град Киев:

*По их, по славной киевской заставе,
Пехотой никто не прохаживал.
На добром коне никто
Не проезживал.
Серый волк не прорыскивал,
Птица мерный ворон
Не пролетывал.*

Одна из интересных и неожиданных встреч Ильи Муромца на богатырской заставе связана с событием совершенно неординарным: ему пришлось биться с заезжим богатырем – нахвальщиком. В ходе боя он узнает, что «приметочке» в противнике собственное сыно, который проявил при этом удивительное вероломство. Эта встреча заканчивается трагически: Илья Муромец казнит собственного сына за предательство и подлость. Позднее Н.В. Гоголь использует этот эпизод в своей повести «Тарас Бульба». Факт сам по себе поразительный: честность, порядочность, народ ставит выше всего, даже жизни самых близких людей. И эта нравственная позиция во все времена особенно высоко ценилась нашим народом.

Так охранялась граница тысячелетия назад. Наши предки не желали иметь «прозрачные» границы. Они знали, что их зарубежные соседи вероломны, думают лишь о своей выгоде и в любой момент не прочь поживиться за чужой счет. Вот поэтому они и выставляли на дорогах богатырские заставы, отправляя туда править службу «лучших мужей», отдавая им должное и непрестанно славя в своих песнях и былинах. Сам великий князь знал своих богатырей, любил их, щедро награждал, одаривал, пировал вместе с ними, празднуя победы и успешные ратные дела.

Илья Муромец, прославившийся во многих битвах, мог бы и не ехать на заставу, а остаться в Киеве, при князе и его дружине. Но он не таков. Когда Владимир, узнав о приближении к стольному Киеву граду цареградских богатырей, просит Илью Муромца со товарищами «поберечь Киев», для них такая просьба

звучитоскорблением богатырскойнестии.«Государь-князь, – отвечаюти. – Не извадились мы сторожем стеречитиолькомы извадились в чистомполе ездити»(т. е.не привыкли мы бытиссторожамиа привыкли мы нестислужбу в чистомполе. – Авт.).

Илья Муромец – подлинный выразитель души русского народа. В официальной истории судьба России всегда зависитоткнязя или царя – отего способностей,его воли.

Народ, слагая былины, даетсвою версию историческогопроцесса. Он не оставляетникаких сомнений в том,ктоявляетсяподлинным вершителемсудеб ОтечестваНарод в лице своих богатырей– подлинный защитникстраны,и поэтомуИлья Муромец в изображении народного фольклора – не сторожне холоп у князя, а доблестныйзащитникРодины. Именно он обращается своим товарищам-богатырям горячим призывом:

Вы стойтвткава веру,
За Отечество,
Вы стойтвткава славный
СтольныйКиев-град,
Вы стойтвткава церкви
За Божию,
Вы поберегитетко
Князя Владимира
И со тойОпраксой-королевичной.

Илья Муромец – не завоеватель.Он – защитникОтечестваТолько в бою при защитеРодины он обретаегбессмертие,потомучто,как пророчествовалиему странники,калики перехожие, «смертьв бою ему не писана». В этомотношениинаш былинный герой в корне, по духу отличаетсяотсвоих собратьевиз Европы. Выдающийся памятникфранцузской эпической поэмы «Песнь о Роланде» – этопеснь о крестовых походах, о завоеваниях, о сражениях католиков-христиав иноверцами. Воткакие наставлениядаетКарл своим воинам, входя в завоеванную Сарагосу:

Пустьсинагоги жгут,
Мечетивалят.
Берутони и ломы и кувалды,
Бьютидолов, кумиры сокрушают,
Чтобколдовстваи духу
Не осталось.
РевнуетКарл о вере христианской,
Велитон воду освятитврелатам
И мавров окрестить
В купелях наспех,
А если ктана этане согласен.
Тех вешатьжечь
И убиватьнещадно.
Насильно крещены
Статысячмавров.

У Ильи Муромца тожедостаточнаричин, чтобыпылатьненавистьюк иноверцам. Подступившиек Киеву татарырозятс«все церкви на дым пустить»как этона самом деле и происходило, когда «пускались на дым» целые города. При освобождении Царьграда (Константинополя,покоренного сельджуками в 1423 году) Илья Муромец воочию видит следы надругательстванад христианскими святынями:

Как скоро тутгвятьеобраза

Были поколоты,
Да в черны тѣрязи были
Потоптаны,
В Божьих тацерквах
Начали коней кормить.

Как поступает Илья Муромец в этой ситуации? Он едет в Царьград и освобождает его от поганого Идолица (кстати, греческое слово «поганый» означает не что иное, как иноверец: от латинского слова «раганус» – «идолопоклонник», «язычник», «некрещеный») и возвращается на Родину. Он отказывается от предложения остаться в Царьграде воеводою, хотя в Киеве не очень-то ценят его службу: князь Владимир, по словам самого Ильи, за многие труды «не высказал ему ни одного слова гладкого, не дал даже хлеба-соли мягкого». Возможно, ждут его на Родине погребя глубокие...

Дороже Родины у него нет ничего, но и другим народам он не желает зла. Он не собирается обращаться в свою веру, тем более крестить былюю. Вера – это нравственный выбор самого человека. Его главная цель – освобождение, защита.

Иной символ веры у западноевропейских рыцарей. «Кто не убит в бою, тот крещен» – вот девиз крестовых походов. Ради этого западноевропейец готов «вешать жечь и убивать нещадно».

Одна из определяющих черт Ильи Муромца – его неподкупность. Ни деньги, ни золотая казна не стали для него целью службы, целью богатырских свершений. В этом его разительное отличие от героев западноевропейского эпоса. В испанской «Песне о Сиде» тема разбоя, грабежа, завоевания является главной, определяющей, Опальный рыцарь-изгой так наставляет свою дружину: «Нападайте дерзко, грабьте воровно», «кто дома сидит, тотного не стоит». И вся эта поэма повествует том, как Сид,

...грабя врагов, разоряя
всю область.
Дней отсыпаясь в набегах – ночью,
Беря городу, он прожил три года.

Три года – в непрестанных грабежах, набегах, дележе добычи. Не забывается и король – ему тоже отсылается часть награбленного. И король принимает эти дары, говоря: «Дар я приму, раз у мавров добыт он, я даже рад, что Сид так разжился».

У нашего Ильи тоже была возможность разбогатеть. В одном из былинных сюжетов разбойники пытаются вымолить у него пощаду в обмен на «золотую казну, на платья цветные и коней добрых, сколько надобно». Но он неподкупен. Твердо и неумолимо отказывается от взятки, предпочитая торжество правосудия.

Точно также в конце своей жизни при выборе пути он едет туда, где «убит убиты». Ему и в голову не приходит ехать дороженькой, «где богаты бытыли женаты бытыли жили где «баба гладка и перина мягка».

Трудно себе представить, чтобы подобный выбор сделал Сид или другой западноевропейский рыцарь. Один из них, умирая, восклицает:

В обмен на богатства
Жизнь положил я.

Наш Илья не вписывается в западноевропейский идеал. Ни богатства, ни личная слава, ни клановая преданность вождю не стали в нем определяющими чертами. У него иная суть иное призвание. Он – защитник Отечества его рубежей. Только в этой своей ипостаси он бессмертен, потому что «в бою ему смерть не писана». С этой мыслью несколько веков спустя вышли на бой с Челубеем и «всею татарскою

силою» русские Осляби и Пересветы, зная, что в бою они не умрут, потому что смерть в бою защитникам Отечества не писана».

Этими были и Александр Невский, и Дмитрий Донской, и князь Пожарский, и староста Минин, и многие, многие другие герои, чьи имена навечно вписаны в нашу историю.

Время жизни Ильи Муромца совпало с процессом разрушения Древней Руси на многочисленные удельные княжества, враждовавшие между собой. В этой междоусобной борьбе немало пало русских воинов и мирных жителей. В княжеских распрях пришлось участвовать закаленному в боях и походах Илье. Эта горькая доля не давала ему покоя, бередила душу и совесть старого воина и позвала его в Киево-Печерскую обитель, чтобы в постах молитвы провести оставшиеся дни. Как указано в летописном списке 1675 года, «вспомнил себе и ж воинство есть ремесло не спасенное, постригся в иночество, если кто его утешала бы не плакал, отповедал – много я крови пролил невинной, требай слезами омети».

Но и в монашеской обители удалось славному богатырю Илье долго молиться о спасении своей души. Обследование останков его, захороненных в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры, произведенное в наши дни, показало, что смерть наступила от глубокой раны в области сердца от колющего предмета. Значит, и здесь, в тихой обители, настигли его враги, и ему пришлось снова взяться за оружие и снова сражаться. И только со смертью обрел он покой своей мятежной душе.

Однако в народных былинах Илья Муромец не погибает и окаменеет вместе с конем, превращаясь в неприступную преграду для врагов. Уйдя из жизни, он по-прежнему на страже рубежей Отечества, оставаясь навечно в строю его защитников. Он и теперь с нами. Причисленный к лику святых, он своими молитвами перед Престолом Всевышнего помогает нам нести верную и преданную службу России на ее священных рубежах.

«Богатыри», В. Васнецов

В 988 году Русь приняла Православие. С этого времени ее благодатная земля обрела душу. В этом же году князь Владимир укрепляет пределы Руси богатырскими заставами. Страна обретает покой и безопасность. Что это: совпадение? Случайность? Думается, что за этими внешними фактами стоит нечто более глубокое и закономерное. Место России в окружающем мире обозначилось и определилось отчетливо ясно: она становится хранительницей Веры Православной. В этом ее особая роль и особое предназначение. А это означает, что на каждом из нас лежит высокая ответственность за безопасность ее рубежей. Будем беречь их вместе с первым начальником пограничной заставы преподобным Ильей Муромцем.

«Заступник земли Русской»

Штрихик портретСергия Радонежского

«Тое же осени месяца сентября 25 день, на память святыя преподобныя Ефросинии, преставился преподобный игумен Сергий, святой старец, чудный, добрый, тихий, кроткий, смиренный, просто рещи и не умею его житие сказати, ни написати. Но токмо вемы, прежде его в нашей земли таково не бывало, иже Богу угоден, царями и князи честен, от патриарх прославлен, и неверные цари и князи чудишася житию его, иже бысть пастух не токмо своему стаду, но всей Русской земле нашей учитель и наставник, слепым вождь, хромым хождение, больным врач, алчным и жадным питатель, нагим одение, печальным утеха, всем бысть надежда, его же молитвами и мы грешные не отчаемся милости Божией. Богу нашему слава в веки, аминь».

Так писал о кончине Сергия Радонежского его современник. Удивительно теплые, трепетные, бесхитростныелова, идущие отсердца. Слова о простом,земном человеке, не отмеченномни высокой родовитостьюи громкими военными победами, ни славой государственногодеятеля.Фактсам по себе необычный и интересный,если учесть,чтона страницылетописейпопадали деяния лишь выдающихся личностей.

Но дело не тольков том,чтона кончину преподобного Сергия откликнулсялетописец,зафиксировав, таксказатьего существование.Известно,чтоСергий совершил много такидел, которыебыли не по силам никому из его современников. Он отстаиваламобытностьРуси, ее духовную культуруот наскоков «иноплеменных», мирил враждующихкнязей, воодушевляя их на борьбу с общим врагом. Его пророчества были на редкость точны,и поэтомуук его словам прислушивались все: и князья, и бояре, и воины, и землепашцы.

Сергий Радонежский

В чем же сила преподобного Сергия? В чем секрете его потрясающей известности?

Ответить на эти вопросы – значит понять эпоху, в которую жил этот выдающийся человек, разобраться в той сложной мозаике общественной жизни, которая сложилась на Руси к середине четырнадцатого века. Только тогда можно понять, что сделанное Сергием есть нравственный подвиг, равно которому по силе воздействия на людей в истории России нет. И чем дальше будут уносить нас годы от времени жизни преподобного Сергия, тем яснее станет его роль в истории страны, тем больше любви и уважения стяжает его имя. И тем сильнее будет его влияние на жизнь современной России.

Россия, век четырнадцатый. Раздробленная, униженная, изнывающая под ярмом золотоордынского

ига. Уже три поколения родилось и выросло в мрачной неволе. Одно слово «татарин» вызывало панический страх; люди, услышав его, хватали детей и бежали куда глаза глядят. Тревога, тоска и запустение царили на бескрайних просторах. Русский народ огрубел, ожесточился душой. Холопская униженности покорность становилась едва ли не главными чертами характера. Гордая славянская душа уже не стремилась к свободе, а все больше смиряла свои порывы в цепях многолетней неволи.

А черные полчища золотоордынцев все накатывались и накатывались на Русь, разоряли ее, истребляли и уводили в полон людей. Но это еще не вся беда. С Запада усиливали давление католики, грозя расчленив, разорвать на куски русские земли. Вот и Киев уже в руках литовцев. И Смоленск, и Вязьма... Полчища врагов кольцом стояли у стен Москвы. Помощи ждать не от куда. Да и среди русских князей не было единства: все дрались, все норовили наделать друг другу побольше пакостей. А чуть что – звали на помощь к татарам и литовцам... Лишь бы навредить соседу.

Люди устали, смирились с нищетой и насилием. Осталось одно утешение – Господь Бог да Пресвятая Богородица, заступница земли русской. На них надежда и упование. К ним молитва и слезы, и просьба о помощи. И они были услышаны.

В нескольких десятках верст от Москвы, в глухих дебрях объявился человек, которого народная молва сразу же окрестила Чудотворцем. К нему потянулись люди: сначала их было немного, но они, увидя его и пообщавшись с ним, убеждались в его чудодейственной силе и, разойдясь по всем уголкам земли Русской, славили и благодарили его. Сначала их действительно приходило немного, этих безвестных поклонников, но они были подобно закваске, о которой упоминал в своей притче Спаситель. Их оказалось достаточно, чтобы слово Сергия дошло до самых отдаленных окраин и вызвало в народе такое мощное «брожение», что в результате явилось новое поколение, победившее Мамаю. Преподобный Сергий – это худой, изможденный старец в старой, усыпанной заплатами сермяжной рубахе и домотканых штанах, с мозолистыми огрубевшими руками – стал для него таким могучим источником нравственной силы, перед которым рухнули все цепи, до того сковывавшие силу народа. Словно светильник в ночной темноте он осветил людям путь к свободе, нравственному очищению и покаянию. Он не водил в бой полки и не сокрушал врагов, словно сказочный богатырь железной палицей; его воздействие на ход событий было иным. «Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее», – отмечал Василий Осипович Ключевский.

Как же свершилось это великое чудо – появление на русской земле святого праведника, отмеченного Божией милостью?

Еще в юношеские годы Варфоломей (так звали Сергия Радонежского до принятия монашества) порывался уйти от «мира», чтобы посвятить свою жизнь служению Богу. «Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь», – говорил он отцу.

«Помедли, чадо, – отвечал ему отец, – сам видишь: мы стали стары и немощны, послужить нам некому – у братьев немало забота своих семьях. Вот проводи нас в могилу, тогда же никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание».

Варфоломей послушался и остался со своими родителями, помогая им вести хозяйство. Осуществить свое желание он смог, когда ему исполнился двадцать один год. Оставив дом и имущество братьям, он отправился в небольшой городок Хотьков, где жил его брат Стефан. До утра они не смыкали глаз, разговаривая, а с рассветом ушли в дремучий лес, чтобы поселиться вдали от людей.

Там они нашли небольшую песчаную гору, покрытую высокими соснами. Кругом ни души, только дикие звери, проложив здесь свои тропы, ходили голодными стаями. Братьям это место понравилось, и

они сделали сначала шалаш из веток, затем срубили избушку и сложили из камней печь. Вскоре своими руками возвели церковь, и Стефан привел из Москвы священника, чтобы освятить ее. Посоветовавшись с ним, братья решили назвать ее во имя Святой Троицы. Так было положено начало самому богатому и красивому монастырю России и городу, названному по имени святого Сергия, – Сергиеву Посаду.

Однако Стефан не выдержал уединенной жизни и ушел в другой монастырь, в Москву. Варфоломей остался один на один с одиночеством дикой природой. Здесь он принял монашество именем Сергий. Под этим именем он и вошел в историю как величайший святой Русской земли.

Более двух лет прожил Сергий отшельником в этом глухом лесу. Он работал и молился. Оставив мир и презрев плоть, все больше и больше погружался он в область духовную и достиг такого состояния, когда ничем не смущаемые мысли, не обремененный заботами рассудок и спокойный дух вознесли его над грешной землей и приблизили к тайнам мироздания...

Скоро о Сергии прослышали люди и стали приходить к нему просить совета, а некоторые, после испытания, оставались навсегда.

Со временем здесь вырос монастырь, и Сергию пришлось стать его игуменом. Жили бедно, но дружно. Однажды в монастыре стало совсем голодно. Монахи не выдержали и пришли к Сергию.

– Мы пришли к тебе надеясь на тебя. Мы смотрели на тебя во всем слушались, – сказали они. – А теперь ничего есть. До утрамы потерпим, а потом уйдем отсюда навсегда.

Сергий ничего не ответил и ушел в церковь молиться. Не успел он встать колен, как послышался сильный стук монастырских ворот. Прибежал привратник.

– Отче, – сказал он, – привезли много хлебов, благослови принять.

– Отворим, пусть войдут, – сказал игумен.

Во двор въехали незнакомые возчики с хлебом, овощами, свежей рыбой.

Когда все насытились, Сергий приказал немедленно идти в церковь и отслужить благодарственный молебен Господу Богу.

Потом игумен спросил:

– А где же наши благодетели?

Оказалось, они уехали, оставив впоклажу и ничего никому не сказав. Сергий, осторожно посмотрев на удивленных монахов, сказал:

– Видите сами теперь, что Господь Бог не оставляет места его и рабов своих, которые служат ему с верою.

И Господь действительно никогда не оставлял Сергия, наделил его даром пророчества и чудодейственной силой лечить людей. Он мог находить под землей воду, утешать назидать больных. Постепенно имя его стало известно во всех уголках Руси и далеко за ее пределами. Он стал играть все более заметную роль в жизни Руси, особенно когда стал одним из духовных наставников молодого московского князя Дмитрия Ивановича.

Величие духа преподобного Сергия сильнее всего проявилось накануне и в ходе грозных событий – нашествия Мама на Русь. Золотоордынцы надвигались с юга огромными, подобно грозным тучам, полчищами, и не было, казалось, сил остановить их. Открытые ступит в против своих угнетателей, бывших непобедимыми, для русских было непросто. Тем более сложен был выбор у князя московского – Дмитрия Ивановича. Он сделал все, чтобы предотвратить грозящее столкновение: посылал Мамаю богатые дары, изъявлял полную покорность, но тот слышать не хотело мире. И тогда князь со своими воеводами и

отборной дружиной направился к преподобному Сергию, чтобы получить от него благословение на битву. Он понимал, что Русь должна услышать более авторитетного, чем его собственные. Такое слово мог сказать только Сергий.

Прибыв в Троицкую обитель, помолившись Богу вместе дружиной, великий князь сказал святому игумену: «Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар, вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разоряют святыни церкви и губят христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!»

Князь хотел, получив благословение, немедленно ехать обратно: зонцы отпограничных сторожов за другим приносили ему известия о движении татар к Москве. По-иному был настроен Сергий Радонежский. Он просил князя отслушать Божественную литургию, а по ее окончании вместе с воеводами вкушать хлеба-соли монастырской. «Обед сей, – говорил он, – тебе, великий князь, будет на пользу».

Дмитрий Иванович согласился, и тогда святой старец сказал ему: «Господь Бог тебе помощник; еще не пришло время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном, но многим, без числа многим, сотрудникам твоим плетутся венецны мученические с вечной памятью».

После трапезы святой Сергий окропил великого князя и всех бывших с ним князей, воевод и дружинников освященной водой и продолжил свою беседу. «Писание учит нас, – говорил он, – что если такие враги хотяют нас чести и славы, – дадим им; если хотят влатаи серебра, дадим и это; но за имя Христово, за веру Православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить. И ты, господине, отдадим и честь, и златом серебро, и Бог не попустит долететь нас: он вознесет тебя, видя твоё смирение, и низложит непреклонную гордыню».

– Все это уже сделал, – отвечал великий князь, – но враг мой возносится еще более.

– Если так, – продолжал преподобный Сергий, – твоего ожидает конечная гибель, а тебя, Великий княже, помощь, милость слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что они не оставят тебя.

Затем он осенил князя святым крестом и взволнованным голосом вдохновенно произнес: «Иди, господине, не боязненно. Господь поможет тебе на безбожных врагов! – И, понизив голос, сказал тихо, одному великому князю: – Победиши враги твоя».

Дмитрий Иванович не выдержал, прослезился. «Слышал я, – сказал он, – что есть тебе два славных инока-богатыря Отпустих со мной постоять за землю русскую».

В то время в обители Святой Троицы жили два инока-боярина: Александр Пересвет, бывший боярин Брянский, и Родион Ослябя, бывший боярин Любецкий. До принятия монашества они оба славились как храбрые воины, опытные в военном деле. Их-то и просил к себе великий князь.

Преподобный Сергий, не задумываясь, сразу же повелел инокам изготовить дело ратное, и те с радостью восприняли повеление своего святого игумена. Быстро надели они латыи шлемы, но старец приказал снять их, а возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Христова: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное. Да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!»

Благословив крестом и окропив еще раз освященную водою великого князя, своих иноков-воинов и всю дружину княжескую, преподобный Сергий торжественно и твердо сказал Дмитрию Ивановичу: «Господь Бог да будет твой помощник и заступник: он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!»

Пророчества старца воодушевили великого князя, и он ответил: «Если Господь Бог и Пресвятая

Матерь Его пошлю тебе помощь против врага, ты построю монастырь во имя Пресвятой Богородицы».

Между тем народная молва быстро разносила по всей Русской земле весть том, что великий князь с дружиною ходил к Святой Троице и там получил благословение на войну с Мамаем от Сергия Радонежского. Это был светлый луч надежды, озаривший сердца людей, и они с верой в победу шли в ополчение московского князя.

Наступило 8 сентября 1380 года. Войска уже построились в боевой порядок и готовились к сражению. В это время перед великим князем появляется инок Нектарий, посланный с другими братьями от преподобного Сергия, неся мир и благословение всему русскому войску. Святой старец предвидел, что великий князь и все его воинство перед страшной битвой будут очень нуждаться в поддержке и утешении, и прислал ему Богородичную просфору и собственную грамоту, в которой призывал сражаться мужественно и смело. Он писал о том, что Господь Бог увенчает их дело счастливым успехом, и призывал великого князя, «чтобы ты, господине, так пошел, а поможет тебе Бог и Троица».

Воины слышали слова святого старца. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством каждый воин готов был идти на смертельную бой. Тихо стояли стройные ряды войск, ожидая, пока рассеется туман. Шелестели полотнища знамен, обдуваемые легким осенним ветерком, кое-где слышался негромкий говор. Все с напряжением ждали грозного часа битвы.

И он настал. В одиннадцать часов туман рассеялся, и русская рать увидела перед собой несметные полчища врага.

С татарской стороны показался всадник. Это был печенег огромного роста и страшной наружности. Грозно потрясая копьем, он вызывал на поединок кого-нибудь из русских. Прошло несколько минут томительного ожидания, и тут из полка Владимира Всеволодовича выехал посланец преподобного Сергия – Александр Пересвет. Вместо брони и шлема он облачен был в схиму.

«Отцы братья! – крикнул он. –

Простите меня грешного!»

Пришпорив коня, с копьем в руке он устремился на гордого своей силой печенега. Тот так же повернул коня и помчался навстречу русскому воину. Тысячи глаз устремились на них, наблюдая за их быстрым сближением. На всем скаку встретились два непримиримых врага: русский монах и татарский рабитель. Два тяжелых копья прошли рядом, едва коснувшись друг друга, и со страшной силой погрузились в человеческую плоть. Оба богатыря упали на землю мертвыми. Великая сеча началась, собирая с обеих сторон жасающую дань.

В день сражения святой игумен Сергей собрал в храме всю свою братию и молился за успех православного воинства. Время от времени он, переставая молиться, рассказывал окружающим его о ходе сражения, называл павших героев по имени и произносил за них заупокойные молитвы. Наконец он возвестил об окончании битвы и о полном поражении врагов. Вместе со всеми он стал прославлять Бога, давшего победу русскому оружию.

Возвратившись со своим войском в Москву и отправив в дома героев Куликовской битвы, Великий князь, прозванный за победу Донским, поспешил в обитель Святой Троицы. Преподобный Сергей встретил князя у ворот со святыми иконами и святою оводою и, осенив его крестом, поздравил с победой. Дмитрий Иванович обстоятельно рассказал о ходе этой страшной сечи, о ее героях, поведал и о героической гибели доблестного его послушника Александра Пересвета.

После этого Дмитрий Донской повелел петь панихиды и служить заупокойные литургии по всем убиенным на Куликовом поле. Не забыл он и о данном обете. При содействии преподобного Сергия им

был построен Стромьинский Успенский монастырь, а на месте победы над Мамаем – монастырь в честь Рождества Богородицы.

О дне и часе своей кончины преподобный Сергей узнал за полгода. Он созвал своих сподвижников и в их присутствии сложил с себя обязанности игумена, передав управление преподобному Никону. После этого в течение полугода никто не слышал от него ни слова. В сентябре 1391 года он тяжело заболел. 25 сентября он еще раз собрал свою братию, дал им последнее наставление, попрощался и незаметно тихо отошел в мир иной. Похоронить свой прах он завещал не в церкви, а на общем кладбище, рядом с уже умершими иноками.

Так закончилась жизнь славного заступника земли русской. С тех пор минуло более шестисот лет, но преподобный Сергей не забыт. Тысячи людей ежедневно приходят к его нетленным мощам, чтобы покаяться перед ним, попросить помощи и поддержки. И он, как и сотни лет назад, с нами и глядит на нас своим просветленным взором, словно приглашая к беззаветному служению России...

«Не только полководческий талант»

Михаил Илларионович Кутузови охрана государственной границы

Михаил Илларионович Кутузов стоял на берегу Черного моря у Днестровского лимана, где могучая река, словно уставшая после длинной дороги, торжественно вручала свои прозрачные воды новому хозяину – морю и, как бы растаяв, бесследно исчезала в его необъятных просторах. Боевой генерал, прошедший почти целый год в непрерывных сражениях и походах, получил теперь новую задачу – организовать охрану отвоеванной турецкой территории и вести наблюдение за военными приготовлениями неприятеля. На душе у Кутузова было легко и спокойно. Думать о войне не хотелось. Ее жестокий лик так не вписывался в эту ласкающую тишину, в эту чудную, едва ли не сказочную идиллию, царящую вокруг. Душа жаждала отдыха, встречи с семьей, родными и близкими людьми, с которыми не виделся уже более года. И можно было бы отдохнуть в этом прекрасном краю, если бы не суровая действительность. Она постоянно напоминала о себе и здесь...

М.И. Кутузов

Из Днестровскогалимана, бесшумно скользя по водной глади, словно призраки выплывали турецкие корабли и направлялись к Хаджибею (Одессе). Их было много, целая эскадра – 6 линейных, 2 фрегата12 вспомогательныхудов. «Необходимо срочно донестиПотемкинуу Ушакову», – подумал Кутузови быстро вскочил в седло коня, подведенного адъютантом.

Спустянесколько дней русский флотпод командой Ф. Ф. Ушакова вышел в указанный район и выиграл бой. Турецкая эскадра была рассеяна.

М.И. Кутузовкак полководец отличалсяне толькона полях войны, раздвигая южные и юго-западные границы империи, но и в делах, связанных с их обустройствоми надежной охраной. Двадцатьлетего военной деятельноститак или иначе были посвящены важнейшей задаче укрепления российского порубежья.

В августе1875 года Кутузов,возглавив Бугский егерский корпус, получил задачу охранятьсеверный берег реки Буг, где в то время проходила русско-турецкаяграница, и северную границу очаковской степи. Более двух лет продолжалась его пограничная служба, беспокойная и боевая, наполненная массой обыденных, но необходимых дел. Восстанавливалисьстарыеи строилисьновые пограничные укрепления, выставлялиськордоны и пикеты,вдоль реки высылались казацьи разъезды. По воде скользили лодки с солдатами,которыеосматриваливаросли и противоположныйберег Буга. Для разведки использовались и лазутчики,тайнозасылаемые к туркам.Приказы, рапортыи донесения Кутузоватойпоры характеризуют его как неумолимогоорганизаторапограничной службы.

Обнаружив наблюдение за разъездными лодками, он приказал вооружитьсолдатфальконетами, «чтобы они пошли в разъезд в будущую ночь уже вооруженными». Позднее, получив известие о нападении неприятеляна казачий пикет,высылаем на помощь резерв и сообщаетв ставку:«Сколько на томпикете было людей, четыречеловека или более, какой неприятельспособ имел их окружить,я обстоятельнразведаю и донеситичестыметьбуду».

О том,насколько энергично укреплял оборону границы Кутузов,свидетельствуетего донесение Потемкину:«Земляные работыпродолжались десятьдней. На оную употреблено было ежедневно 180 человек егерей, которыеработалисвободно, без уроку». Генерал Н.В. Репнин, командир 1-й дивизии, после осмотраодного из постовв районе действийвойск Кутузоватакжеообщал Главнокомандующему: «Можно надеяться,чтопри сем постепод предводительствомего, господина генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузовав случае нападения неприятельскоговсе пойдетс желаемым успехом».

Весну 1790 года Кутузоввстретилна южной границе, получив приказ охранятьсвоими войсками порубежье державы отустьяреки Днестрдо Бендер по побережью Черного моря, при этом«хранить должную осторожностьстороненеприятельской,делая такжвпримечания на море».

Оборона черноморского побережья приобрела важное значение. Турецкий флотстремилсяскрытнои внезапно подойтик берегу, высадитьдесанти захватитвотерянныеранее крепости.Необходимо было вовремя обнаружитьего выдвигение и не допуститьразвертываниявойск, чтопотребовалоотКутузова хорошего знания дела и организаторскихкачеств.Он расставилпо всему побережью посты,организовал летучуюпочту,постоянноенаблюдение за морем, котороечастовел и лично. Активноепротивостояние лишило Турцию каких-либо надежд выигратьэтувойну, и она пошла на заключение Ясского мирного договора (декабрь 1791 г.), по котормук России отходилКрым и устанавливаласьновая граница по Днестру.

После небольшого перерыва, связанного с дипломатическойи педагогической деятельностью,жизнь снова привела М.И. Кутузована границу. 28 апреля 1798 года Павел I поручил ему составитрасписание

казачьих постов по рубежу со Швецией. Это обуславливалось установлением новых границ по реке Кимень, произошедшим после подписания Абоского мирного договора. Под руководством Кутузова в 1795–1798 годах здесь были проведены оборонительные работы, что укрепило безопасность столицы, однако пограничная служба правилась из рук вон плохо. Зная положение дел, Павел потребовал от Кутузова навести на границе должный порядок.

Уже 11 мая Кутузов представил императору два расписания – одно на летнее, а другое на зимнее время, карты. Предусматривалось выделить на пограничные посты 378–414 казаков и 12 офицеров. Павел утвердил документы, а их автор выразил благодарность. В рескрипте от 14 мая он написал: «Присланные от Вас расписания казачьих постов по границе шведской на летнее и зимнее время я апробую».

Пришлось заниматься Кутузову и демаркацией границы. Он вел переговоры с командующим шведскими войсками в Финляндии генералом Клингспором, проявляя незаурядное дипломатическое искусство и твердость в отстаивании государственных интересов России. И когда шведская сторона стала выдвигать необоснованные территориальные претензии, по предложению Кутузова переговоры были прерваны. В своем рескрипте от 22 апреля Павел I дал указание «не входя ни в какие дальние переговоры, кончить оные, дав почувствовать хуим образом шведскому генералу, что ему более и далее делать в Фридрихсгаме нечего».

В конце XVIII – начале XIX века европейскую политику определял агрессивный характер наполеоновской Франции. Осенью 1799 года в России начинаются работы по укреплению западных границ. Предполагалось расположить войска в две линии: в первой командующим назначался А.В. Суворов, вторая должна была состоять из трех армий: Ж.Ф. Дотишана, М.И. Кутузова и И.В. Гудовича. 6 ноября 1799 года Кутузов назначается литовским военным губернатором и инспектором инфантерии Литовской и Смоленской инспекции.

Чем объяснить это назначение? Ответа этот вопрос содержит письмо императора А.В. Суворову: «... Назначение, как Ваше, так и всей линии, позади Вас по границе расположенной... состоит в том, чтобы положить вое время, если бы до сего дошло, преграды успехам французского оружия...»

Следовательно, новое назначение Кутузова было связано с намерением Павла усилить оборону западной границы страны в то же время быть в готовности к использованию вооруженных сил за рубежом для обеспечения существующего положения в Европе. В случае войны Кутузов должен был выступить в роли командующего одной из трех армий.

В числе задач, выпавших на долю Кутузова, одна была особенно важной – организовать действенную и надежную пограничную службу. В то время охрана границы осуществлялась армейскими подразделениями, подчинявшимися военному ведомству, и вольнонаемными таможенными объездчиками, находившимися в ведении губернского правления. Кутузову как военному губернатору и командующему армией необходимо было охватить своим вниманием и контролем оба направления. Документы этого периода характеризуют весьма многообразную деятельность прославленного полководца. В условиях бушевавшей в Европе войны очень важно было сохранить стабильность спокойствия на западных рубежах, соблюдать порядок, избегать конфликтов и осложнений. И Кутузов это прекрасно понимает. Он весьма удовлетворен тем, что со стороны прусской пограничной стражи существует уважение к государственной границе России. В письме Павлу I он пишет: «Проездом моим через прусскую границу видел я сам уважение и вежливость прусской военной стражи к границе и пограничным постам Вашего императорского величества, и еще подтверждает это разными известиями...»

На границе с Пруссией пограничную службу на участке от Паланги до Влодавы несли располагавшиеся кордоном донские казаки. Кутузов заменил их егерскими и гусарскими полками и утвердил «расписание кордонным полкам», в котором предписывал расположить подразделения по селениям вдоль границы.

Если бы нашлись в соответствии с этим документом лежащие по границе другие пункты, не указанные в расписании, то командирам полков предлагалось занять их «по собственному усмотрению». И все это было выполнено в точности.

Кутузов вникает во все стороны пограничной службы, «усердствуя по мере интересов государственных», чем вызывает порой даже... неудовольствие Павла I.

Характерен в этом отношении такой случай. Весной 1800 года неподалеку от Гродно таможенный надзиратель задержал следовавшего из Триеста Митаву некоего Попалека «по сомнению найденных при нем многих писем и нахождении с ним человека, не означенного в имеющемся у него свидетельстве из венской министерской канцелярии». Об этом было доложено Кутузову, который, как всегда, проявил большую дипломатическую осторожность и предусмотрительность. Ознакомившись с изъятими у Попалека письмами и установив, что следовавший с ним человек принят «во услужение в Кракове», Кутузов приказал разрешить въезд в пределы России. «Я, – докладывал он Павлу 31 марта 1800 года, – предписав пропустить его сюда в Вильно, между тем воспользовался временем, отдавая перлюстрации те письма в секретную экспедицию почтамта литовского, от коей с достойных замечания сняты списки отправлены к действительному тайному советнику графу Ростопчину». Как выяснилось, часть этих писем была адресована брату казненого французского короля Людовика XVI графу Прованскому, ставшему позднее королем Франции под именем Людовика XVIII. В то время он находился в эмиграции и проживал в России, в Митаве. По прибытии в Вильно вся эта корреспонденция была возвращена Попалеку, и он своим маршрутом отправился далее. Павел, получив донесение Кутузова, остался недоволен нарушением формальной стороны дела и наложил следующую резолюцию: «Выговор, зачем без пашпорта пропустил?»

О том, насколько хорошо Кутузов знал систему охраны границ России, ее сильные и слабые стороны, свидетельствует его письмо А.Д. Балашеву, бывшему тогда министром полиции, датированное 13 ноября 1810 года. А.Д. Балашев, обеспокоенный поступающими сведениями о бесконтрольном переходе через границу России, потребовал у Кутузова данных о принятых мерах в связи «с доходящими сведениями, что надзор за границами находится в пренебрежении», а также просил сообщить, принимаются ли кроме «мер обыкновенных и меры тайного надзора и в чем сии последние состоят».

Кутузов отвечал обстоятельно и подробно. Он писал, что «...в Виленской губернии в пограничных местах имеют надзор воинские команды, по границе расположенные, также таможенные чиновники и служители. Все они на основании предписанных правил беспрепятственно дистанциям разъездами должны наблюдать, чтоб никто, не имеющий узаконенного вида, не переезжал и не проходил через границу. При таком наблюдении, ежели случается кому прокрасться за границу или оттолв Россию, то сие не всегда отнестиможно насчет небрежения надзора, но на недостатке войск, к надзору нужных. Ибо, – пишет он далее, – один казачий Татарский полк, состоящий с небольшим из 400 человек, занимая прежде дистанцию на 200 и более верст, не мог с успехом исполнить своей обязанности, особливо по сухопутной границе, простирающейся от Балтийского моря до Юрбурга, а зимою и по реке Неману от Юрбурга до Мереча Гродненской губернии. Тут в ночное время весьма удобно прокрадываются через границу, наипаче в тех местах, где идет через лес». Далее Кутузов сообщил, что меры к усилению охраны границы предпринимаются самые энергичные. «...На сих днях, – отметил он, – прибавятся еще два казачьих полка к прежним, на границе расположенным, так что каждый из них небольшим стоверстнужим занимать будет дистанцию, то ожидать надлежит, что с усилением кордонной стражи прекратятся произвольные через границу переходы». Далее он рекомендует А.Д. Балашеву, чтобы городская и земская полиция «более посильно» выполняла свои прямые обязанности со стороны, «чтобы никто из чужестранцев, не имеющий узаконенного вида, под ведомством их не проживал, также как и из подданных российских ни один без позволения правительства не выезжал за границу».

Приближалась весна 1812 года. «Великая армия» Наполеона уже начала свое медленное движение к границам России. Кутузов же в это время находится в Бухаресте, где ведет трудные переговоры с турками о заключении мира после изнурительной войны, продолжавшейся более пяти лет и закончившейся гибелью «цветов борноготурецкого воинства». 28 мая 1812 года, всего за месяц до начала Отечественной войны, Кутузову удалось подписать выгодный для России Бухарестский мирный договор.

Новая граница проходила теперь по берегу реки Прут (до войны она шла по Днестру), к России отходили Бессарабия, а также часть Черноморского побережья Кавказа.

Снова началась многогранная работа по укреплению государственной рубежа. Снова выставляются казачьи кордоны и пикеты, устанавливаются таможенные посты и дистанции. Но это уже делают другие. Кутузов же, блестяще завершив очередную страницу в боевой летописи России, еще не знает, но, наверное, уже чувствует, что судьба уготовила ему более высокую миссию: быть спасителем Отечества.

«Прошу вас, подражайте мне!»

*Во главе погранстражи. Первый командир
Отдельного корпуса пограничной стражи генерал-
лейтенант Александр Дмитриевич Свиньин*

Генерал-лейтенант Александр Дмитриевич Свиньин сидел в приемной императора Александра III в полной парадной форме. Всего несколько дней назад он победил в трудном конкурсе на замещение должности командира создаваемого Корпуса пограничной стражи и теперь, по случаю своего назначения, ожидал встречи с царем.

До начала приема времени оставалось еще достаточно. Стараясь унять волнение, он стал думать о том, что совсем недавно так тревожило его в петербургской конкурсной борьбе.

Шуткали: двенадцать генералов выставляли свои кандидатуры! Девять человек, правда, в первом туре выбыли, но ведь оставались еще трое. И совсем неясно было, кому отдаст свое предпочтение государь. Люди-то все заслуженные, с боевыми наградами. И вот слава богу, все позади...

Генерал от артиллерии А.Д. Свинин

Теперь ему предстояло дело необъятной сложности – обустроить границу России. Он понимал, что опыт всей его предыдущей службы в артиллерийских частях вряд ли поможет на новом поприще. Восемь же месяцев службы в должности инспектора пограничной стражи – срок явно недостаточный, чтобы в деталях разобраться пограничной службой.

За это время он объехал много бригад и постов по европейской границе, встретился сотнями пограничников, перечитал десятки отчетов и делал один вывод: дел впереди – невпроворот.

Пограничная стража представлялась ему отнюдь не боевой частью, а каким-то бесформенным образованием, не порвавшим со своим полугражданским прошлым. Александр Дмитриевич вспомнил, что при объезде постов на границе ему встречались солдаты, несущие службу с большими суковатыми палками вместо ружей. Командиры объяснили, что вынуждены посылать на службу новобранцев-крестьян, не прошедших курс обучения и не умеющих стрелять. Старослужащих солдат слишком мало, им трудно, не хватает времени даже для сна. И вот нашли выход...

И еще ему вспомнился рассказ старопограничника. «Вот наше время была служба так служба, –

говорил он. – Тогда объездчики служили на кордонах до 60 лет у каждого была своя бричка для развозов... Пять-шесть лошадей, столько же рогатого скота, а свиньям, гусям, курам и счету не знали. Каждый объездчик засеивал десятину по 50 и более. Бывало, мужья со своими женами сыновьями пашут в степи хлеб убирают, а их жены дежурят на кордонах. В развоз мы ездили только перед смотром, и то не всегда...»

Увлечись своими мыслями, Александр Дмитриевич не заметил, как мягко и бесшумно открылась дверь. Встрепенувшись, он повернул голову – перед ним, улыбаясь, стоял царь. Свиньин понял, что назначение состоялось. Он встал, по-военному четко, твердым шагом направился к своему государю, чтобы поблагодарить за высокое доверие... Первые секунды в его новой должности начинали свой торопливый бег.

В конце прошлого века Министерством финансов России возглавлял Сергей Юльевич Витте. В его ведении находилась и пограничная стража, которой он руководил через Департамент таможенных сборов. Он считал ненормальным, что военная организация находится под управлением гражданских чиновников, и стремился изменить это. Основным смыслом его идеи заключался в том, чтобы завершить военное переустройство пограничной стражи наилучшим образом приспособить ее к борьбе с контрабандой. Витте усиленно искал опытного, боевого генерала, который смог бы осуществить эту идею. Выбор пал на генерал-лейтенанта Свиньина, которого, по его представлению, царь назначил сначала инспектором, а затем, после предварительного конкурса, – командиром только что созданного Отдельного корпуса пограничной стражи.

Позднее Витте писал: «Меня очень корбило, что пограничная стража, состоящая из солдат, служащих на тех же основаниях, на которых служат солдаты всей армии, находится в непосредственном подчинении гражданских лиц – чиновников... Тогда явился вопрос: кого назначить корпусным командиром?»

По указанию генерала Банковского я выбрал трех лиц (лично всех этих трех не знал), причем по предыдущей деятельности... мне более всех симпатичен генерал Свиньин, потому что он был боевым генералом, который очень отличился при взятии Плевны (потом он был начальником гвардейской артиллерии).

Государь Император знал всех, в том числе и Свиньина, и со своей стороны одобрил назначение Свиньина корпусным командиром, сказав мне, что это очень хороший выбор и что он его лично знает».

В новую должность Свиньин вступал шестидесятидвухлетним за плечами более чем сорокалетняя военная служба. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, командуя артиллерийской бригадой. За отличия в боях награжден золотым оружием с надписью «За храбрость», орденами Св. Анны II степени, Св. Владимира III степени, Св. Станислава I степени. Имел все императорские российские ордена, до бриллиантовых знаков ордена Св. Александра Невского включительно, и состоял кавалером французского ордена Почетного легиона. Кроме того, за усердие в службе царь неоднократно объявлял ему свое высочайшее благоволение.

Отдельный корпус погранстражи возглавил не только зрелый, с устоявшимися взглядами боевой командир, но и яркая, интеллигентная личность с изначально присущими ей тактичностью и порядочностью. Многие традиции современных пограничных войск формировались под его благотворным воздействием. Он воспитывал у пограничников профессиональную гордость, высокую нравственность, преданность основам российской государственности: Отечеству, Православию, Престолу. Своей деятельностью он доказал, что погранстража России – надежная военная сила, способная решать важные проблемы государственной жизни.

В течение пятнадцати лет команду пограничной стражей напряженную работу в штабс-офицерском союзе сочетал довольно частыми продолжительными выездами на границу. Это было трудное время. Все приходилось начинать с нуля – организовывать работу штаба, налаживать контроль, создавать инфраструктуру для деятельности всех звеньев корпуса. Большой объем работ выпал на долю офицеров управления – ведь штаб его состоял всего из трех генералов, шести старших и шести младших офицеров, восемнадцати чиновников и пяти писарей; создать же предстояло всю нормативно-правовую базу деятельности пограничной стражи.

Под руководством Свинына сделано было немало. Пограничная стража вышла из-под контроля таможенного ведомства, стала автономной в вопросах внутренней жизни. Корпус был разделен на семь пограничных округов, с включением в него также Особого Заамурского округа. Введены новые, более строгие правила применения в деле оружия. Постепенно привели в порядок морскую и военно-судную части, в столице построили прекрасные мастерские с центральным вещевым складом, учредили строительную часть. При штабе корпуса открыты типография появились свои печатные издания.

Важные преобразования были произведены в бригадах пограничной стражи. До Свинына они не имели оружейной, медицинской и ветеринарной частей. Винтовки чинились на стороне, казенных лошадей лечили как попало, больных солдат и офицеров отправляли в ближайшие больницы других ведомств. Даже фельдшеров своих не было, а об архитекторах не помышляли.

При новом, корпусном, режиме организована была оружейная часть, имевшая мастерови особых штаб-офицеров проверяющих на постах оружие. Создали медицинскую и ветеринарную части с врачами и фельдшерами, построили лечебные учреждения.

В этом многообразии обязанностей и дел Александр Дмитриевич не забыл и о нас, потом как по его приказанию создавалась история пограничной стражи, дошедшая до нас благодаря подвижническому труду Михаила Петровича Чернушевича, «Нестора пограничной стражи» как его называли сослуживцы.

Приказы генерала Свинына, его распоряжения, письма и записки, воспоминания современников рисуют нам образ человека лучших нравственных качеств: честности и порядочности, скромности, любви к ближнему. Не случайно сам он любил повторять слова апостола Павла: «Прошу вас, подражайте мне!» Много ли найдется людей, способных повторить эти слова, особенно в наше время?

В одну из поездок на кавказскую границу с командиром пограничного корпуса случилось небольшое происшествие: у брички, на которой он ехал, сломалась ось. Лошади, испугавшись, сорвались в стремительный галоп, грозя разнести в клочья пассажиров. Солдат-возница растерялся, беда, казалось, неотвратима! Только выдержка генерала спасла положение. Увидя среди камней относительно ровную площадку, он приказал солдату повернуть туда. Вскоре бричка остановилась и все облегченно вздохнули.

Генерал успокоил взмыленных лошадей ласковым поглаживанием. Задние их ноги были сильно побиты, из ран сочилась кровь.

Возница стоял неподвижно, словно остолен. От пережитого страха случившееся из глаз его бежали слезы.

– Ладно уж, успокойся, – миролюбиво сказал Свинын. – Благодарю Господа Бога, что так легко отделались.

На соседний пограничный постон пришел пешком, ведя под уздцы хромого коня.

Начальник поста унтер-офицер Сидорчук так растерялся, увидев пешего генерала, что забыл доложить ему по всей форме, установленной уставом. Узнав же о происшествии, побледнел и, заикаясь, сказал:

– Этого ладно теперь сгниет у меня на гауптвахте!

– Ни в коем случае не наказывайте его, он ни в чем не виноват! – сказал усталый генерал. – Просто железо не выдержало этой ужасной дороги...

В своей деятельности первый командир корпуса большое место отводил постоянному контролю за исполнением приказов на местах. Он практиковал плановые и внеплановые проверки, которые проводились им лично и офицерами для поручений, а также начальниками округов. При этом подчеркивал, что пограничная служба основывается прежде всего на доверии к офицерам и что со временем она полностью будет передана в их руки. По результатам контроля Свиньин издавал приказы, в которых определял конкретные меры по улучшению охраны границы. В одном из таких приказов за 1897 год делались следующие выводы.

Охрана границы не должна строиться по шаблону, а соответствовать требованиям обстановки и меняться в зависимости от хода и направления контрабанды от условий погранично-сторожевой службы.

Только личный пример (от унтер-офицера и выше) может оказать решающее влияние в улучшении службы всех видов нарядов.

Нижние чины, подозреваемые в содействии контрабанде, должны быть удалены с западного участка границы в Среднюю Азию, Закавказье или в Беломорский отдел.

Необходимо проверять сущность дела, а не форму, отрешиться от мелочной опеки и формализма.

При оценке деятельности подчиненных основываться на личных наблюдениях и только потом – на докладах начальников.

Основная задача Отдельного корпуса пограничной стражи заключалась в пресечении контрабанды. Дело это было чрезвычайно трудное, особенно на участке польско-германской границы. Здесь этим промыслом занимались не отдельные лихие контрабандисты, а целые их кланы, которыми руководили высокопоставленные чиновники. Они в большинстве своем оказывались недостижимы для пограничников. Не одну бессонную ночь провел Свиньин в размышлениях о том, как же создать на границе эффективный заслон, чтобы защитить экономические интересы России.

Прежде всего он организовал четкую систему сбора и анализа информации о контрабандистах во всех звеньях, начиная от пограничного поста до управления корпуса включительно. При получении сведений о готовящемся нарушении границы командиры всех степеней должны были немедленно доложить по команде «шифрованным текстом».

Во всех звеньях корпуса велась алфавитная списки контрабандистов и их сообщников. За всеми ими устанавливалось наблюдение. При появлении в России они немедленно задерживались.

Командиру корпуса после длительных переговоров удалось организовать деловое взаимодействие с таможенным ведомством. В 1906 году ОКПС и Департамент таможенных сборов подписывают соглашение о взаимном обмене информацией о предполагаемой контрабанде. Свиньин гордился этим соглашением – оно преодолевало ведомственные противоречия в интересах государства.

В целом система мер по борьбе с контрабандой оказалась эффективной. Одна из причин этого – материальная заинтересованность пограничников. На их долю полагалось около шестидесяти процентов стоимости задержанной контрабанды. Только в октябре 1905 года пограничники в 476 случаях задержали товар на сумму 22 022 рубля – деньги по тем временам немалые.

Как опытный военачальник Александр Дмитриевич Свиньин хорошо понимал, что боееспособность пограничной стражи, ее моральный дух, вся организация внутренней жизни всецело зависят от офицерского состава. Офицер для него – не просто подчиненный, а член единой боевой семьи, равный

соучастником общего процесса, общей работы по поддержанию порядка в войсках. Это поюз мог быть прочным, по его мнению, лишь на основе доверия, уважения достоинства офицера. «Положение офицера как начальника, – подчеркивал он, – требует от него весьма высоких нравственных качеств и твердого характера» и то, по его словам, достигалось лишь «доверием к нему и гуманным воспитанием».

Сам генерал в обращении с подчиненными показывал пример высокого уважения и товарищества. В приказе по случаю назначения генерал-майора И.Я. Дитерихса начальником Заамурского округа он отметил: «Разлука с генерал-майором Дитерихсом глубоко печалит меня, но я утешаюсь сознанием, что и при новом своем назначении он продолжает оставаться моим сотрудником помощником, к тому же при таких исключительных условиях и на такой ответственности где выдающиеся служебные качества так счастливо гармонирующие с высокими нравственными достоинствами Ивана Яковлевича, являются драгоценным залогом будущих успехов».

В тоже время он подчеркивал, что «всякий офицер обязан совершенно отчетливо знать, что военная служба по существу своему не подходит для людей слабых, не способных сдерживаться и утративших чувство меры и достоинства».

И в этом – весь генерал Свиньин.

Глубоко порядочный, интеллигентный, выдержанный и строгий, он бесконечно ценил толковых, деятельных, преданных долгу офицеров и презирал случайно попавших на военную службу. Эта нравственная позиция командира корпуса решающим образом воздействовала на формирование лучших традиций в офицерской среде пограничников.

Нельзя не отметить, что генерал стоял у истоков создания типографии пограничной стражи ее печатных журналов – журналов «Пограничник», «Стражи» и «Досуги замурца». Уже на следующий год после вступления в должность он сумел «выбить» деньги на первый печатный станок, а в 1897 году в ОКПС действовала собственная типография, выпускавшая продукцию самого высокого качества и приносящая доход Министерству финансов. В 1905 году Свиньин обратился к Шефу пограничной стражи министру финансов Шипову со служебной запиской следующего содержания: «Ввиду настоятельной необходимости для Отдельного Корпуса Пограничной Стражи иметь свой печатный орган, который мог бы служить для объявления разного рода распоряжений и предназначался бы для литературной разработки вопросов, относящихся к пограничной и строевой службе Пограничной Стражи испрашиваю Вашего разрешения на издание при Штабе Корпуса журнала «Пограничник»... с января 1906 года».

С тех пор «Пограничник» прошел большой путь, отразив на своих страницах все зигзаги нашей непростой как пограничной, так и отечественной истории.

Последние годы службы Александра Дмитриевича в должности командира Отдельного корпуса пограничной стражи были, как никакие другие, трудными. Просторы России полыхали пожаром революционной стихии. Через границу, особенно финляндскую, в страну доставлялись оружие, боеприпасы, антиправительственная литература. Случались нападения на пограничные посты. На острове Сааремаа (Эстония) пограничникам пришлось десять дней выдерживать осаду разбушевавшейся толпы, котораягромила все казенные учреждения острова. В финских шхерах пограничные суда обнаружили английский пароход «Джон Графтен» который пытался выгрузить крупную партию оружия. И таких фактов немало. Чтобы оградить армию от проникновения в ее среду политических идей и процессов, Совет министров принял 16 декабря 1905 года решение о ее деполитизации. Военнослужащим и гражданским чинам военного ведомства запрещалось входить в составы принимать участие в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, товариществах, партиях и т. п., образуемых с политической целью, а равно присутствовать на разного рода собраниях, обсуждающих политические вопросы. Это постановление касалось и пограничной стражи, хотя командир корпуса, не ожидая указаний, уже развернул работу по

разъяснению ситуации в стране.

Его указания о поддержании твердого порядка в подразделениях, об исключении случаев политической работы среди новобранцев убедительны и категоричны. Он добивается, чтобы корпус не был втянут в политику, а четко выполнял служебные обязанности, требует от офицеров: «Следует внушать нижним чинам о долге присяги и достоинстве русского солдата, а самим в тоже время служить добрым примером для них». И пограничная стража стала с верной воинской присягой, обеспечив необходимый порядок в пограничной полосе, на государственной границе и не применив при этом ни разу оружия против российских граждан, даже в самые бурные дни 1905–1907 годов.

Конечно, не все удалось осуществить опытному генералу, возглавившему пограничный корпус. Современники, особенно те, кто служил не в штабах, а непосредственно на границе, отмечали, что реформы замыкались главным образом на благоустройстве частей корпуса и всевозможных вспомогательных служб. Они мало коснулись важнейшего – охраны государственной границы. Штатный состав стражи долгие годы оставался почти без изменений, то есть в количестве, явно недостаточном для выполнения возложенных задач. Мало изменилась и система борьбы с контрабандой, прежним остался порядок охраны границы. Единственным крупным нововведением явился закон об употреблении в деле оружия в пограничной полосе, который, однако, не дал ожидаемых результатов. При пересечении границы было убито и ранено немало нарушителей границы, но число контрабандистов разного рода бродяг не сократилось.

Служба на границе осложнилась новыми инструкциями и непосильной перепиской. Письменными распоряжениями и подробными указаниями новые руководящие инстанции подавляли границу. Если, например, в 1893 году бригада имела переписку объемом в девяносто страниц, то спустя год она возросла до полутора тысяч. Приказов, циркуляров, указаний было так много, что стали издаваться специальные «Алфавитные указатели распоряжений по корпусу».

Перечитаты запомнить все это было нелегко, распоряжения же и указания «ссылались» друг на друга, что создавало эффект перекрестного огня. Неисполнительность сразу же наказывалась.

Отвлекали людей от службы и хозяйственные дела. Надо было заготавливать в местах продукты, корма для служебных животных, ремонтировать посты, строить дороги. А поскольку все описанное выше происходило не в течение месяца или двух, а постоянно, то нетрудно понять, как сложно было офицерам выкраивать время для службы на границе.

Командир корпуса, достигнув многого в «военизации» пограничной стражи, тем не менее не смог существенно повлиять на качество службы по охране границы.

В апреле 1908 года генерал от артиллерии Свиньин пишет царю прошение об отставке. Через месяц ему исполнилось семьдесят семь лет, поэтому отставка была с пониманием принята. По ходатайству Шефа пограничной стражи В.Н. Коковцова 16 апреля 1908 года он был назначен членом Государственного совета.

Государственный совет был создан в 1810 году по проекту М.М. Сперанского. В 1906 году на основании принятых в России документов он, по сути, превратился в верхнюю палату государственной законодательной власти.

Естественно, для бывшего командира пограничного корпуса ближе всего были законопроекты, относящиеся к охране государственной границы. В 1909 году он участвовал в обсуждении законодательного акта о закрытии режима «порто-франко» на Дальнем Востоке и установлении таможенных тарифов на иностранные товары, ввозимые в регион из-за границы. На основании этого закона, принятого по представлению Свиньина, охрана границы в Приамурском таможенном округе возлагалась на таможенные посты из таможенных досмотрщиков, подчиненных особым надзирателям.

При его помощи готовятся к изданию «Правила об Отдельном корпусе пограничной стражи» вышедшие в свет 10 декабря 1909 года. В них впервые в России вводится 12-мильная полоса территориальной вод. Позднее он участвует также в разработке и обсуждении законопроекта «Об организации в Отдельном корпусе пограничной стражи агентуры для разведки о контрабанде», с которым в 1913 году вошел с представлением в Государственную думу Шеф пограничной стражи В.Н. Коковцов. В соответствии с этим проектом для ведения агентурного дела в погранстраже предусматривалось введение двадцатиодной офицерской должности с выделением из госбюджета двенадцатитысяч рублей на финансирование.

В последние годы жизни старого генерала беспокоили раны и ему часто снилась война. Он видел своих храбрых солдат и офицеров, штурмующих Плевну, занесенную снегом Шипку, и болгар, встречающих их как родных братьев. Он слышал грохот артиллерийских батарей, свист пуль, разрывы гранат, и ему казалось, что он снова молод и что впереди – целая жизнь.

А еще ему снилась извилистая граница России с разбросанными по ней постами пограничной стражи, которая стала для него своеобразной итоговой мертвой службы. Он грустил, однако ни о чем не жалел, зная, что всю свою жизнь отдал Отечеству генерал прослужил более пятидесяти лет...

«Герой долга»

Полковник пограничной стражи Федор Федорович Тютчев

Кому неизвестен Федор Иванович Тютчев и его прекрасные лирические стихи? Ну, хотя бы вот эти:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Но был и другой Тютчев – Федор Федорович, сын знаменитого стихотворца, тоже вошедший в историю литературы. Как ни странно, но именно известная фамилия поэта-отца способствовала популяризации творчества писателя-сына, а впоследствии и его литературного наследия. Современники Ф.Ф. Тютчева отмечали, что «в изящной словесности на темы из военного быта он не имел себе соперников по силе выказанного таланта», восхищались безупречным русским языком его произведений, подчеркивали, что «литературен оставил видный, «талантливый след».

Ф.Ф. Тютчев

Мы же со своей стороны подчеркнем главное – Федор Федорович Тютчев был прежде всего «пограничным писателем», посвятившим большую часть своих произведений описанию быта и службы пограничников и таможенников, их напряженной борьбы с контрабандистами. Почти тридцать лет своей жизни писатель прослужил на границе офицером Отдельного корпуса пограничной стражи. Многие отдаленные окраины Российской империи он исходил пешком и объездил на лошадях, хорошо узнал и солдатскую службу, и жизнь офицера-служаки, не раз участвовал в боевых стычках с нарушителями границы, и поэтому описанные им сцены отличаются величайшей достоверностью. Сколько точных наблюдений, сколько ярких образов, сколько прекрасных картин живой природы! Вот трывок одного из рассказов Ф.Ф. Тютчева «Герои долга»: «Высоко-высоко, как гнездо орла, почтина самом гребне голой скалы ютится пост пограничной стражи. Кругом на десятки верст тянутся со все стороны бесконечные хребты гор. Зияют глубокие ущелья. Громоздятся одна над другой голые, седые скалы, по темным врагам

скачут и пеняются бешеные горные потоки. Глушь, почти первобытная, царит над этой погруженной в мертвую тишину природой, и среди этой дикой пустыни, подобно кораблю, затертому льдинами, окруженная столпившимися кругом горами и скалами, своеобразной жизнью, подобно крошечному муравейнику живет небольшая горстка русских людей.

Со всех концов Руси-матушки сошлись они сюда и живут в этом царстве скал в чужой, непривычной для них обстановке».

Пятидесятью годами прошлого столетия оставили великое светское петербургское общество весьма привлекательный повод для пересудов и сплетен. Еще бы! 50-летний цензор Министерства иностранных дел, действительный тайный советник, известный поэт Ф.И. Тютчев, презрев мнение общества, вступил в связь с 24-летней Еленой Александровной Денисьевой! Да еще у них появились дети! Общество не могло простить им противозаконной любви и быстро создало вокруг нарушителей устоявшихся правил игры полосу отчуждения. Особенно трудной оказалась участь Елены Александровны – ведь Федор Иванович на разрыв с семьей не пошел и его семейная жизнь, по крайней мере внешне, оставалась неизменной. Двусмысленность положения, страдания любящего сердца привели к неизбежной развязке: в июле 1864 года, после четырнадцатидневной «незаконной» связи, она скончалась от хохотки.

Любила ты так как ты любить —
Нет никому еще не удавалось.
О, Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось.

Так выразил Федор Иванович свое состояние, вызванное этой страшной трагедией. Но осталось трое детей. Четырнадцатилетний мальчик Леля и годовалый сын Коля ненадолго пережили свою мать, умерли в один и тот же день в мае следующего года. Для Федора Ивановича эта стала последним ударом; он сразу постарел, замкнулся в себе. «Теперь я что-то бесмысленно живущее, какое-то живое, мучительное ничтожество...» — горькую написал он А.И. Георгиевскому, мужу сестры Денисьевой.

Так закончилась эта печальная история большой любви. После нее остались стихотворения так называемого «Денисьевского цикла» и сын Федор, будущий писатель, родившийся 11 октября 1860 года в Женеве, где в то время отдыхали его родители. Судьба уготовила ему нелегкую долю – в неполные тринадцать лет, дворянский сын в мещанском звании, остался сиротой. Не знавший родительской ласки и внимания, худенький, с хрупким здоровьем и болезненно ранимым самолюбием мальчик не мог естественным путем войти в окружающую действительность: нем проснулся дух противоречия и неприятия всего, с чем ему пришлось соприкоснуться. Факт незаконного рождения (несмотря на то что впоследствии отец сынавил его) давал ему слишком мало прав в том обществе, в котором он жил, и долгие годы являлся предметом его постоянной и унижительной озабоченности. Он рос в Петербурге на попечении тетки матери А.Д. Денисьевой, которую любил и звал бабушкой, а потом в Москве у старшей дочери поэта А.Ф. Аксаковой-Тютчевой, не имевшей своих детей. Учился сначала в лицее, основанном в 1868 году редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М.И. Катковым, а затем в Лейпциге, в одном из частных немецких пансионов. Но учеба трудно давалась мальчику, и вскоре он оказался в Праге, в семье А.А. Лебедева, архиерея Русской православной церкви, на которого И.С. Аксаков рассчитывал как на хорошего педагога. Видимо, и эти надежды не оправдались, потому что в одном из писем Аксаков заключает, «что Феде одна карьера – поступить вольноопределяющимся в полк», хотя он и допускал возможность, что из него выйдет поэт, сочинитель, но разочарованный...».

И действительно, в июле 1879 года Ф.Ф. Тютчев поступает вольноопределяющимся в Первый Московский драгунский полк, а 1 сентября того же года зачисляется в Тверское кавалерийское юнкерское училище. Здесь он много читает, ведет записи в тетрадях-дневниках и пишет первые стихи и маленькие

рассказы. Пробует публиковаться, но это как раз и не разрешалось делать учащимся военных заведений. Страсть сочинительству настолько увлекла его, что он решает оставить службу и, аттестовавшись прапорщика, увольняется в запас. Устраивается секретарем в петербургской газете «Свет», много и напряженно работает, однако так и не может обеспечить сносные условия жизни своей вскоре появившейся семье. Пять лет поистине каторжного труда, который полностью поглощал все свободное время и исключал какую-либо возможность для собственного творчества привели его к мысли вернуться на военную службу. К тому же обострилась болезнь жены, и врачи настоятельно рекомендовали сменить сырой петербургский климат.

Начались хлопоты. В июле 1888 года Тютчев зачисляется в армию подпоручиком, а спустя некоторое время по собственному желанию переводится в пограничную стражу. Сделать это было несложно, так как офицерский корпус стражи в то время комплектовался из армейских офицеров, в первую очередь из окончивших кавалерийские училища.

И вот первое назначение – Ченстоховская бригада Варшавского округа. Прямо из столицы корнет Тютчев попадает в захолустье, на отдаленный пост пограничной стражи с горсткой утомленных повседневной службой нижних чинов, с малоприспособленным для жизни помещением.

«Никогда в жизни я не видел ничего подобного, – пишет он в своем автобиографическом во многих отношениях романе «Кто прав?». – Самый сквернейший подвал в Петербурге – Эльдorado в сравнении с помещением, которое нам дали на посту Думбуки Думбовицкого отряда. Там мы прожили десять месяцев, откуда нас, наконец, перевели в лучшее помещение, но, увы, было уже поздно».

Да, было уже поздно. Болотистая местность сырой, влажный климат и плохое жилье обострили течение болезни его жены, и она, прожив на границе чуть более года, умерла совсем еще молодой женщиной. Ей едва исполнилось 28 лет. Горечь невосполнимой утраты и чувствительной вины с тех пор никогда не покидали Тютчева. Он, словно гонимый своей печальной судьбой странник, уже не может подолгу задерживаться на одном месте, обживать созданный домашний уют. Едва минет год, а он уже пишет рапорт о новом переводе, не ища для себя личных выгод, а стремясь лишь туда, где всего опаснее и где чаще свистят пули.

Служба в Ченстоховской бригаде позволила Тютчеву собрать богатый материал для будущих повестей и рассказов (бригада блокировала важнейшее направление контрабандной деятельности), таких как «Ясновельможная контрабандистка» «Комары», «Убили» и другие. Вот как рисует писатель одну из сцен по задержанию контрабандистов в повести «Ясновельможная контрабандистка» взятую им прямо из жизни:

«Словно серые волки залегли пограничные солдаты в густом молодняке, разросшемся по краям шоссе. Двое из них притулились в канавке под мостиком, четверо притаились в гущине леса. Один с лошады поодаль, присев на срубленный дуб, апатично поглядывал по сторонам на щиплющих траву коней».

Не шевелясь, лежат солдаты и зорко поглядывают на дорогу. Сердца их учащенно бьются, у каждого на уме одна и та же мысль: «Ах, кабы удалось!..»

Прошло минуты полторы томительного ожидания. Точка росла и превратилась в темную, сверкающую массу. Быстро мчатся горячие, статные жоны, далеко разбрасывая клочья пены и звонко ударяя сухими, жилистыми ногами о крепкий грунт шоссе, горит и сверкает в прощальных лучах закатившегося солнца выложенная, лакированная, изящная карета, легкий столб багровой пыли летит в нее... вот она уже достигает мостика, вот уже гремит по настилке минувала...

– Стой! – раздается громкий окрик, и на дорогу впереди кареты выскакивают терые, суровые фигуры с

ружьями в руках, впереди офицер и вахмистр вытянутыми револьверами; в то же время позади кареты, из-под мостика выскакивают еще двое и останавливаются у въезда мостика ружьями наперевес».

Недолго прослужил Федор Федорович на границе с Пруссией. Следует перевод в Бессарабию, где он в чине поручика командует пограничной стражей. Затем, пристроив детей и родственников жены в Петербурге, отправляется в Закавказье, где надеется обогатиться новыми впечатлениями. Здесь он попадает в Эриванскую бригаду, командует Зорским, Джульфинским и Азинским отрядами, не теряя времени, изучает быт бычков и язык местных жителей.

Нестислужбу в этом суровом краю было крайне тяжело. Рабежи, разбои, контрабанда составляли «естественный фон жизни пограничных селян. Стражники до сутидела, находились в положении солдат регулярной армии. Поэтому родились здесь у Тютчевана веянные условиями службы печальные строки романа «Беглец»:

«В закавказских бригадах пограничной стражи солдат, умерших на постах от болезни или убитых в стычках с контрабандистами принято хоронить тут же, неподалеку от постов. Много таких скромных, никому не ведомых могил разбросано среди необозримых пустынь на вершинах гор нашей далекой окраины; редко можно встретить надгробие, около которого не чернел бы деревянный, немудрящий крестик, водруженный над бугорком из земли и мелкого камня. Не ищется на этих крестах надписей или каких-нибудь указаний о том, кто нашел под ним вечное успокоение, имена их давно забыты».

И сам Федор Федорович не раз участвовал в стычках и перестрелках, за что и был награжден, уже в звании штаб-ротмистра, первым орденом Станислава 8-й степени.

Спустя год уже известный широкой публике писатель в чине ротмистра переводится в Санкт-Петербург в управление Отдельного корпуса пограничной стражи.

Возвращение в столицу позволило Тютчеву не только обнять своих повзрослевших дочерей, отдохнуть и тревоги насладиться теплом домашнего очага, но и издать многое из того, что было написано им на границе. Выходит в свет второй том «Избранных сочинений», а чуть позже появляются романы «Беглец» и «На скалах и в долинах Дагестана».

Литературная жизнь захватила Федора Федоровича. Он публикуется в «Русском вестнике», «Историческом вестнике», «Военном сборнике», «Пограничнике», «Разведчике» и других изданиях.

А на Дальнем Востоке все больше сгущаются тучи военной угрозы. 27 января 1904 года японский флот вероломно напал на русскую эскадру. Тютчев спешит туда, где нужен его командирский опыт. Сорокалетний ротмистр управляет Дальневосточную армию, в Первый Аргунский полк Забайкальского казачьего войска, где ему присваивают чин есаула.

Начались будни этой непопулярной и кровавой войны. Находясь в боевых порядках, Тютчев не забывает свою литературную деятельность. Его репортажи, рассказы, короткие зарисовки с театральными действиями в скором времени появляются в газете «Новое время». Они лаконичны, правдивы, динамичны, и поэтому их охотно берут издатели.

Короткие минуты ватишь меняются жесточеными выражениями. Во главе сотника казаков Аргунского полка Тютчев ходит в атаку, участвует в разведке боем. Однажды ему удается с ротой добровольцев Читинского полка отбить японцев большую группу раненых русских солдат, чем он впоследствии особенно гордился. Позднее свои впечатления от русско-японской кампании он отразил в повестях «На призыв сердца» и «Сила любви». Войну Тютчев закончил подполковником, на кителе его сверкали четыре боевые награды. Но это не приносило радости. Видевший мужество и стойкость русского солдата в бою, его терпение и неисчислимые страдания, писатель тяжело переживает поражение в войне и снова уезжает на границу, теперь уже в Одесский округ. Здесь он командует Скулянским, а затем Цаганским отрядами.

Снова потянулась монотонная однообразная на первый взгляд служба пограничного офицера – ночные разъезды, засады, поиски контрабандистов и снова напряженный творческий труд, забирающий все свободное время. Начальство недовольно – кому нужен офицер, который всецело поглощен «посторонней» работой? Да и сам он хочет закончить службу. Но начинается еще более страшная война.

И вновь Тютчев встает на фронт. Но ему уже 54 года – в этом возрасте офицеров в лучшем случае определяют на службу в тыловые части. Такое назначение получил и Федор Федорович, приняв под команду 2-й эксплуатационный батальон Кавказской парковой конно-железной бригады. «Тихое» место не удовлетворяет боевого командира, и он настойчиво добивается перевода в действующую армию. Просьбу удовлетворяют – следует назначение командиром батальона 36-го Орловского полка, и вскоре он уже водит своих подчиненных в штыковые атаки. В декабре 1914 года за особо успешный бой, в котором было захвачено много пленных, подполковник Тютчев награждается почетным Георгиевским оружием.

Спустя два месяца его как офицера пограничной стражи назначают заместителем командира Сводного пограничного полка, который участвует в знаменитых кавалерийских атаках, наводя ужас на противника. В одном из боев, в мае 1915 года, Тютчев контузило. В госпиталь он не поехал. Отлежавшись в землянке, продолжал руководить боем. Спустя месяц ему присваивают звание полковника, но здоровье уже давало серьезные сбои. Не помогли ни лекарства, ни трехмесячный отпуск, ни назначение на более спокойную должность. И все же он снова добивается отправки на фронт, и ему снова «везет» – следует предложение принять командование Дрисским пехотным полком. Однако буквально через несколько дней, 9 февраля 1916 года, Тютчев попадает в полевой госпиталь в Бердичеве и внезапно умирает от старости.

Похоронили его в Петрограде на Волковом кладбище, рядом с могилой матери.

«...А ночь по-прежнему все такая же тихая, молчаливая, загадочная, по-прежнему в недостижимой высоте темно-синего неба сияет полная луна, по-прежнему с тихим ропотом бегут мелкие, мутные волны широкого Прута. Какое дело чудной южной ночи до тех драм, какие совершаются под ее ласкающим покровом», – писал Ф.Ф. Тютчев в рассказе «Герои долга».

И действительно небесным светилами земной природе нет дела до человеческих драм и трагедий. Они живут по своим законам, без страстей и эмоций, подчиняясь лишь логике своего непрерывного движения. Иное дело – человеческая память. Она не может быть равнодушной и беспристрастной, хранит имена лишь тех, кто сумел подняться над мелочами повседневности и совершил нечто такое, что сделало человеческую жизнь хоть чуточку радостнее и светлее. В этом отношении Федор Федорович Тютчев, несомненно, заслуживает доброй памяти потомков, особенно тех, кто продолжает эстафету охраны государственной границы. Ведь его романы, повести, рассказы написаны ярко, увлекательно, красивым и сочным языком. И можно только радоваться, что книги этого гедва ли не забытого в последние десятилетия писателя снова появились на полках книжных магазинов.

«Я не Эдисон»

Вечером 4 ноября 1918 года бывший премьер-министр, министр финансов и Шеф пограничной стражи Владимир Николаевич Коковцов, его жена и еще трое случайных попутчиков стояли неподалеку от российско-финляндской границы, готовясь к ее нелегальному переходу.

Коковцов, в отличие от спутников, был невозмутим и сдержан. Он уже примирился с неизбежностью эмиграции, и душу его не терзали сомнения. Это был не его выбор. Лишь одна мысль не давала покоя: могли ли он раньше, еще несколько лет назад, представить ситуацию, когда ему, Шефу пограничной стражи, придется нелегально переходить государственную границу? Такое не могло присниться даже в кошмарном сне, но жизнь оказалась богаче снов, обернувшись столь невероятным парадоксом. «Да простят меня пограничники за невольную измену нашему общему делу», – с грустью подумал Владимир Николаевич, готовясь проститься с Родиной.

Небольшая финская лодка быстро переправила беглецов на противоположный берег. Позади осталась Россия, в которой уже не было места. Впереди начиналась жизнь в изгнании, полная тоски и глубоких разочарований.

Граф В.Н. Коковцов

В.Н. Коковцов, будучи министром финансов, а с 1911 года, после убийства П.А. Столыпина, и председателем Совета министров, в течение десяти лет руководил и пограничной стражей, являясь по служебному положению ее шефом (с июля 1914 г. – Главным начальствующим над ОКПС). Однако круг обязанностей этим не ограничивался. В его ведении находились также таможенное управление и тарифная политика железных дорог, КВЖД и проблемы внешней политики на Ближнем (Персия) и Дальнем (Китай, Япония) Востоке. Понятно, что в столь разноплановой и многообразной деятельности руководство пограничной стражей не занимало главенствующего положения, тем не менее и эту работу он выполнял с присущей ему ответственностью и добросовестностью. Да и не мог иначе, ибо прошел выучку Александровского лицея, бережно хранившего традиции пушкинских времен. Здесь давали не просто энциклопедические знания, но прежде всего воспитывали патриотов своего Отечества.

Судьба была благосклонна к Коковцову. Восхождение по служебной лестнице было хоть медленным и трудным, но неизменно поступательным без резких срывов и падений. К сорока трем годам он занял первую крупную должность товарища министра финансов, на которой трудился под руководством Сергея Юльевича Витте. Последний, как известно, весьма скрупулезно относился к подбору сотрудников аппарата,

и выдвижение Коковцова не было случайным. Шесть лет постигал он азы сложной науки ведения государственных финансов, пока, наконец, после двухлетнего пребывания в должности государственного секретаря не сменил Виттв пост министра.

Последние десятилетия царствования дома Романовых отмечены «бедностью» на государственных деятелей крупного масштаба. Наиболее заметные фигуры – С.Ю. Виттв П.А. Столыпин. Наследие первого – экономические и финансовые преобразования во имя «великой, сильной и независимой России», второго – аграрные реформы и начало формирования устойчивого слоя «сильного мужичка» в качестве социальной опоры государства. Нельзя приуменьшать и роль В.Н. Коковцова, которому пришлось возглавлять правительство министерств финансов в переломное время русской истории.

Неудачный исход Русско-японской войны сильно расстроил военное хозяйство России. Ее военный флот погиб в Цусимском сражении 15 мая 1905 года, сухопутная армия деморализована. Внутреннее положение страны отличалось нестабильностью. Нарастание социальных противоречий, обострение борьбы политических партий не находило адекватных решений в деятельности Николая II и правительства. Назревал серьезный политический кризис, приближение которого ощущали все наиболее дальновидные люди, в том числе и В.Н. Коковцов.

В меру своих довольно ограниченных возможностей он стремился смягчить эти противоречия, «обуздать» самодержавие рамками закона, постепенно превратив его в конституционную монархию. Но как только премьер и министр финансов начал играть действительную роль реформатора и приобрел решающее влияние на дела, Николай II немедленно отправил его в отставку. Как было не вспомнить Владимиру Николаевичу слова монарха, сказанные им при его назначении: «Надеюсь, что Вы меня не будете заслонять как Столыпин». В этом заключалась трагедия государственного деятеля той эпохи.

Звание Шефа пограничной стражи обязывало министра финансов досконально знать состояние охраны границ империи, положение дел в Отдельном корпусе пограничной стражи и в пределах предоставленного ему прав осуществлять управление его деятельностью. Коковцов, объявив приказом по войскам о своем вступлении в должность, призвал офицеров и нижних чинов и впредь достойно выполнять задачи по защите рубежей Отечества. Теперь вся высшая власть на границе, как в таможенном, так и в пограничном надзоре, сосредоточивалась у него в руках, позволяя строить и проводить пограничную политику с наибольшей пользой для государственной казны.

На тот момент корпус состоял из 31 погранбригады, двух особых отделов флотилии из 10 морских крейсеров, а также Заамурского погранокруга, отличавшегося от прочих по структуре. Общая численность войск достигала 64 тысяч человек. В обязанности ОКПС входили охрана государственной границы, задержание и досмотр в 7-верстной пограничной полосе дезертиров, бродяг, беспаспортных и «подозрительных», в 3-мильной морской таможенной полосе – всех судов, охрана выброшенных на мель или берег судов и других предметов, пресечение их расхищения, помощь потерпевшим кораблекрушение, наблюдение за тем, чтобы не устраивались сложные маяки, и несение, при необходимости, карантинной службы. Главное же – корпус должен был предотвращать незаконный ввоз из-за границы любых предметов и осуществлять задержание контрабандистов. Именно в этом видел основной смысл деятельности пограничного формирования бывший министр финансов С.Ю. Виттв. Так понимал его и Коковцов.

Интенсивность контрабанды по округам была неодинакова. Особой «активностью» отличались участки второго и третьего округов, охранявших границу с Пруссией и Австрией. Преобладающими товарами являлись спирт, чай, серебро в слитках, сахарин, галантерея, мануфактура и кораллы. В первом округе, контролировавшем Беломорское побережье, границу с Финляндией и часть Балтийского побережья, контрабандный промысел был ограничен: кораблями из Норвегии, на санях, а чаще железной

дорогой через таможенную границу с Финляндией в основном для местного потребления ввозили металлические изделия, табак и чай, кофе, спички. Вывозили меха.

Четвертый пятый округа охраняли границу с Румынией и Черноморское побережье. Здесь у соседей не производилось конкурентоспособных товаров, и контрабанда практически отсутствовала. Тайно ввозился спирт.

Для шестого округа, охранявшего границу с Турцией и Персией, характерным было отсутствие организованной контрабанды, однако для местных жителей ввозились ковры, шелк, парча, хлопчатобумажные платки, чай, сахар, порох.

У границы орудовали разбойничьи шайки, жившие грабежом и контрабандой скота. Иногда у пограничников разворачивались с ними настоящие сражения, продолжавшиеся по нескольку суток. Приблизительно такая же ситуация складывалась и в седьмом округе, штаб которого размещался в Ташкенте. Контрабандой здесь занимались почти все местные жители, которые потаенными тропами доставляли товары в Хиву, Самарканд, Ашхабад, Мерв и Бухару.

Министр финансов, конечно, понимал, что Корпус пограничной стражи созданный всего одиннадцать лет назад, несет службу в сложнейших условиях. Не хватало казарм, жилья для офицеров, во многих местах вдоль границы отсутствовали патрульные дороги. Штатной численности личного состава явно не хватало, люди несли службу с большой перегрузкой. В таких условиях требование полного предотвращения контрабанды было бы неверным.

Свою роль Шефа пограничной стражи министр финансов видел прежде всего в том, чтобы создать материальную основу охраны государственной границы, увеличив бюджетное содержание войск. И он добился намеченной цели. При нем бюджет Корпуса пограничной стражи возрос на четыре миллиона рублей, с десяти с половиной до четырнадцати с половиной миллионов. Сделать это было нелегко. Председатель бюджетной комиссии третьей Государственной думы Г.Д. Бабянский яростно протестовал против предложения, однако вынужден был уступить Коковцову. Глубоко презирал этого думского деятеля, желчного и вечно брюзжащего, видевшего в любом деле лишь его негативные стороны. Бывший военный судья, отставной генерал, член кадетской партии, он отличился особой жестокостью при подавлении революции 1905–1907 годов, вынес наибольшее количество смертных приговоров. Главной целью его деятельности в отношении пограничной стражи было стремление добиться ликвидации управления Корпуса, подчинив его, как и прежде, Департаменту таможенных сборов. Мотивировалось это желанием сократить расходы на содержание центрального управления, что практически означало возвращение пограничной стражи в прежнее состояние, т.е. спустя 100 лет назад. Допустить этого Коковцов не мог.

Будучи товарищем министра финансов, в бытность Б.Ю. Виттена прекрасно помнил, как непросто протекала борьба за выделение пограничной стражи из Департамента таможенных сборов в отдельный корпус. Тогда решающую роль сыграл сам Виттен сумевший убедить Александра III в необходимости завершить военное переустройство пограничной стражи. Теперь люди, малосведущие в делах охраны границы, руководствуясь сомнительными соображениями, пытались дезавуировать прежнее решение. И Коковцов в очередной раз поднялся на трибуну Таврического дворца, чтобы защитить пограничную стражу от несправедливых нападок. «В моем ответе, – сказал он, – я не буду касаться той части общих соображений, которая относится к общей организации стражи. Я коснусь только указаний, которые предусматривают возможность достигнуть более дешевого содержания стражи, при условии слияния заведывания ею с учреждениями таможенного ведомства. Я могу в настоящее время лишь заявить совершенно определенно, что эта цель недостижима, потому что организация стражи, как я указал, составлялась преимущественно и совершенно закончена в 1893 году. Эта обособленность заведывания стражей на границе явилась результатом тех жизненных задач, которые привели к полной недопустимости

заведывания стражей через посредство таможенных учреждений».

Касаясь заявления Бабянского о том, что вместо пограничной стражи на 15 млн рублей можно содержать пять дивизий, Коковцов выразил свое недоумение такой аргументацией: «Но позвольте спросить: а в мирное время эти пять дивизий могут охранять наши границы, могут ли охранять те 290 млн рублей, почти 300 млн рублей таможенного дохода, которыми, смею надеяться, дорожит бюджетная комиссия? Я должен сказать решительно, – продолжал он, – что пограничная стража вполне отвечает целям охраны границы, вполне ограждает от проникновения контрабанды сколько-нибудь значительной степени, и если бы пограничная стража действительно не отвечала, то мы бы присутствовал при массовом проникновении контрабанды, которое не было бы. Все данные указывают, что контрабанда есть, но это проникновение контрабанды не массовое, не валовое, не угрожающее нашему таможенному доходу. Я должен решительно заявить, что вывод о несоответствии пограничной стражи коренным задачам охраны границы против проникновения контрабанды неправилен, с этим выводом я, по крайней мере, решительно не согласен и должен самым усиленным образом против этого возражать». Государственная дума одобрительно отнеслась к выступлению министра финансов, поддержав его аплодисментами и утвердив представленную смету Отдельного корпуса пограничной стражи в установленном порядке.

В одном оказался прав Бабянский, и с этим согласился министр финансов: пограничная стража не может эффективно действовать, не имея инструкции, регламентирующей ее службу. Коковцов понимал, что виновен в этом не только штаб Корпуса – отсутствие законодательной базы также тормозило разработку документа. А необходимость в нем действительно была. Различия в отправлениях служебных обязанностей вносили большую путаницу, мешали нормальной работе. Об этом все чаще писали офицеры, служившие на границе, однако дело двигалось медленно. Строгие распоряжения Шефа пограничной стражи хотя и активизировали работу штаба Корпуса, но все же не могли заметно ускорить весь процесс. Новизна многих проблем, отсутствие широкой законодательной базы, громоздкая система согласований и увязок с различными ведомствами, казалось, навсегда похоронят саму идею разработки регламентирующего документа. И когда в 1912 году Коковцову положили на стол «Инструкцию службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи», уже согласованную со всеми инстанциями, он облегченно вздохнул. Документ, сравнительно небольшой по объему, был разработан весьма тщательно. Он действительно представлял собой кодекс деятельности всех чинов пограничной стражи от рядового до шефа, и был как раз таким, каким его ждали на границе.

Увеличение бюджетных средств сделало возможным улучшить медицинское обеспечение пограничников, залатать трещины по оружейной части. В 1906 году Коковцов вводит в состав штаба Корпуса типографию. Это позволило начать выпуск журналов «Пограничник» для офицеров и «Страж» для нижних чинов. В Харбине начинает печататься журнал «Досуги за мурца», а в 1913 году в Санкт-Петербурге открывается Музей пограничной стражи. Появление в Корпусе собственной типографии во многом решило проблему сохранения секретности при разработке важных документов. Теперь они печатались на месте. Николай II, ревниво следивший за сохранением тайн в служебных делах, был весьма доволен.

Немаловажное значение имело издание журналов пограничной стражи, которые очень скоро превратились в важнейший источник информации и трибуну опыта службы. Каждый номер ожидался в войсках с большим нетерпением. Кроме того, штаб Корпуса мог теперь публично отвечать на необоснованную критику, довольно часто являющуюся в печати. Манифест 17 октября 1905 года, признававший право «за каждым гражданином земли русской» дорожить собственным мнением и личным взглядом на вещи, иметь свою точку зрения на то или иной предмет, понимался прессой некоторых партий весьма своеобразно: как вседозволенность и необязательность следования истине. Коковцову самому пришлось защищать свою честь через суд от нападок одной газеты. В результате автор статьи клеветавший уже ушедшего в отставку министра финансов, был заключен на шесть месяцев в

тюрьму.

31 декабря 1911 года кадетская газета «Речь» поместила заметку «Об Отдельном корпусе пограничной стражи» автор которой писал о неудовлетворительной охране российских границ. Причина этого явления, по мнению автора, заключалась в неправильной организации пограничной стражи, выделенной в 1893 году из ведения Департамента таможенных сборов в отдельный Корпус. На этом основании делался вывод «о необходимости реорганизации Корпуса на началах координации его функций с таможенным ведомством, как практикуется в Германии, где охрана границ стоит на должной высоте». Кроме того, руководство пограничной стражи обвинялось в «увлечении милитаризмом» и излишней военизации внутренней жизни.

Ознакомившись с публикацией, Коковцов пришел к выводу, что упомянутая статья может вызвать в обществе печатное превращение представления о целесообразности существующей организации Корпуса», и предложил датать на нее в журнале «Пограничник» развернутый и аргументированный ответ.

Две недели спустя такой материал на страницах журнала действительно появился. Это было обстоятельное и взвешенное разъяснение всех факторов, которые привели к созданию военной организации, предназначенной для охраны государственной границы. Заканчивалась статья словами о том, что «управление Корпуса не имеет, конечно, возможности возражать или давать объяснения на каждую появляющуюся в печати статью о своем толкующую деятельность Корпуса, и если сочло необходимым настоящее разъяснение, то сделало это с исключительным намерением... предупредить в будущем неосновательную критику со стороны лиц, недостаточных сведомленных с его задачами и устройством». Газета «Речь» предпочла в дискуссии по этому поводу не вступать.

Для Шефа пограничной стражи необходимо было периодически бывать на границе, зная условия службы, жизни и быта офицеров и нижних чинов. Коковцов в силу занятости служебными делами не мог, естественно, надолго покинуть Санкт-Петербург. Регламент его деятельности предписывал ему еженедельно по пятницам являться к царю в Александровский дворец с «всепогоднейшим» докладом о состоянии дел на вверенном участке работы, в том числе и в пограничной страже. Иногда для этой цели ему приходилось выезжать в Крым, в Ливадию, где отдыхала царская семья. В течение четырех лет, в 1909-м, в 1911–1913 годах, здесь же, в Ливадии, проводились смотры сводных рот пограничной стражи, приуроченные к ее храмовому празднику 21 ноября, на которых присутствие шефа было обязательным. И всегда Владимир Николаевич не упускал случая посетить Крымскую бригаду и ее ливадийский пост, чтобы встретиться с пограничниками.

В октябре 1909 года Коковцов побывал в Харбине, в Заамурском округе пограничной стражи. Официальной целью его поездки была встреча с князем Хиробуми Ито. Это был крупный политический деятель Японии, член Императорского совета, японский генеральный резидент в Корее. Он подготовил окончательную аннексию Кореи Японией, предусматривавшую превращение ее в японское генерал-губернаторство.

13 октября 1909 года Ито прибыл в Харбин. На перроне был выстроено почетный караул русских и китайских войск с оркестром, собрались многочисленные представители гражданского населения. Встречал японского князя В.Н. Коковцов. Во время обхода почетного караула к Ито приблизился молодой кореец и почти в упор три раза выстрелил в него из браунинга. Ито зашатался и упал. Кореец успел выстрелить еще три раза и ранил троих из сопровождающих японского сановника лиц. Пули просвистели рядом с Коковцовым, не задев его. Стрелявшие схватили. Он успел крикнуть: «Да здравствует Корея!» – и спокойно отдал свой револьвер.

Спустя два часа вагон с телом князя отправился в обратный путь. Коковцов приказал на всех станциях, где поезд делал остановки, выставить почетные караулы от пограничной стражи. Сам он, потрясенный

увиденным, отправился в церковь Заамурского округа пограничной стражи, чтобы отслужить Богу благодарственный молебен за свое благополучное спасение от руки террориста.

Пребывание в Харбине позволило Шефу пограничной стражи лучше узнать жизнь и условия службы заамурцев. Командир округа Н.М. Чичагов и начальник штаба Н.Г. Володченко (будущий командующий Юго-Западным фронтом в Первую мировую войну) рассказали ему об организации охранной службы на железной дороге. Пограничники-заамурцы произвели на министра финансов хорошее впечатление, о чем он и доложил Николаю II по возвращении в Санкт-Петербург. Кроме того, он высказал царю мнение о необходимости укрепления охраны границы на Дальнем Востоке, где контрабанда принимала угрожающие размеры. Таможенные посты и взводы казаков, несшие пограничную службу, с задачей не справлялись. Необходимо было организовать охрану границы по образцу западного направления.

С заамурцами у Коковцова сохранилась дружба на многие годы. Во время войны, находясь на Юго-Западном фронте, они прислали ему в подарок два карабина и австрийскую однозарядную винтовку. Коковцов бережно хранил их, однако во время одного из обысков после Февральской революции это оружие было у него изъято.

Неподдельные любовь и уважение Шеф погранстражи искал и в офицерской среде Корпуса. Всем, кто к нему обращался, он старался помочь: это были и выдача денежных сумм, и устройство детей в учебные заведения, переводы для службы в более благоприятные климатические условия.

Когда в 1908 году уходил в отставку командир Корпуса генерал артиллерии А.Д. Свиньин, Коковцов предложил Николаю II включить его в состав Государственного совета и установить ему максимальную пенсию. Новому командиру Корпуса генерал-лейтенанту И.А. Пыхачеву уступил свою квартиру на Мойке. Собственно, она ему в тот момент не была нужна – он жил в служебной квартире министра финансов, но фактам по себе показательный.

Последние годы своей деятельности в звании Шефа пограничной стражи В.Н. Коковцов прилагал усилия по укреплению охраны границы в Закавказье, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Кое-что он успел сделать, но не успел главного – выставить новые пограничные бригады на границе с Китаем, Монголией и Кореей. 30 января 1914 года он был смещен царем со всех постов, отказавшись принять от него в качестве «отступных» 200–300 тысяч рублей разового вознаграждения. До 1917 года находился в опале, а затем эмигрировал во Францию, где и умер в 1943 году.

В исполнении своих многочисленных должностей он не стал ни Виттве, ни Столыпиным. Он был тем, кем стал.

Один из лидеров националистов В.В. Шульгин, выступая в четвертой Думе, говорил в адрес Коковцова: «Необходим размах, изобретательность творческий талант.. Нам надо изобретателя в государственном деле... нам надо социального Эдисона». С мягкой улыбкой председатель Совета министров, министр финансов и Шеф пограничной стражи согласился с таким пожеланием: «Отменя требуют, чтобы был каким-то государственным Эдисоном... Очень был бы рад... Но чем я виноват, что не Эдисон, а только Владимир Николаевич Коковцов».

Возразить здесь, кажется, нечего.

«Дорогами Ходжи Насреддина»

Российская пограничная стража в Средней Азии

Хива, Бухара, Коканд... У кого из нас не забьется умиленно сердце при этих названиях, вобравших в себя всю неразгаданность и притягательность Востока, кто не вспомнит дерзкого и веселого оборванца Ходжу Насреддина и его верных друзей – чайханщиков, гончаров, камнетесов! Но реальная жизнь имперских окраин в прошлом веке была не столь пряна и безоблачна, каковой может представиться в книгах Леонида Соловьева.

Многие торговые пути проходили в то время по территории Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств. Караваны с китайским шелком, индийскими самоцветами, серебряными изделиями и украшениями, коврами и полотнами, слоновой костью и женьшенем шли через пустыни и оазисы, необозримые степи южные города, горные перевалы и бурные реки и растекались по разветвленной сети дорог, направляясь в Россию и дальше – в Европу. Это были трудные и опасные маршруты. Купцов грабили разбойничьи шайки, а людей, сопровождавших караваны, либо убивали, либо брали в плен и продавали в рабство. По свидетельствам очевидцев, такая судьба выпадала на долю 500–600 человек ежегодно. Российское правительство отпускало на выкуп своих соотечественников-невольников крупные суммы золотом, однако не всегда эта мера оказывалась своевременной... Среднеазиатские ханства находились в беспрестанной вражде между собой, границы их без конца менялись. Заключение с Россией договоров не выполнялись. Все это не могло не волновать правительство, в конце концов было принято решение повлиять на ход событий силой. В результате скоротечных военных кампаний (1864–1865 гг. и 1880–1881 гг.) Коканд, Бухара и Хива были присоединены к России.

Четырьмя годами позже покровительству империи добровольно приняли туркменские племена Мертвого оазиса. «Объединение» Средней Азии завершилось.

Первоначально войсковое прикрытие приобретенных земель осуществляли регулярные войска и казаки. Однако эффективность такой охраны была низкой. Контрабандная деятельность, грабежи и насилие разбойничьих групп в приграничье имели гораздо больший масштаб, чем предполагали в Санкт-Петербурге. Кроме того, новые земли были мало исследованы и требовали более детального изучения. Оставались нерешенными и вопросы установления таможенного надзора.

По высочайшему соизволению императора Александра III 4 июня 1894 года в пограничные районы Средней Азии направляется группа офицеров пограничной стражи чинов таможенного ведомства во главе с начальником Бессарабского таможенного округа генерал-майором Баевым. Группа проработала недолго: болезнь ее руководителя расстроила задуманные планы. Следующая экспедиция, под началом генерал-майора Усова, оказалась успешней. Было составлено подробное описание границ Бухарских владений, а также границы с Персией и Афганистаном, описаны размеры и характер торгового движения в Бухарском ханстве и Закаспийской области; подготовлены предложения по устройству таможенного пограничного надзора. Выработанный проект был представлен на рассмотрение начальнику Закаспийской области генерал-лейтенанту А. Куропаткину и эмиру Бухарскому и получил с их стороны полное одобрение. Без особых проволочек принимается он и Государственным советом и становится основополагающим документом для строительства пограничной стражи среднеазиатского направления. Общая ее численность составила 19 солдат и 472 вольнонаемных джигитов. Сформированные посты вошли в состав станций, подчиненных в пределах Закаспийской области Бухаре 9 офицерам.

Денежное содержание джигитам было определено в 240 рублей в год, что, однако, не отвечало насущным потребностям. На эти деньги джигит был обязан содержать себя, и лошадь и возмещать потерю последней при различных обстоятельствах. Учитывая многочисленные жалобы, 1 января 1896 года царь постановляет увеличить содержание джигитам на 60 рублей и разрешить выдачу им 70 рублей дополнительно на приобретение лошадей. И все же заманить людей на «цареву службу» было крайне нелегко. Малочисленность стражи определила и плотность постов, которая составляла один на 90 верст! Контрабанда, грабежи караванов, нападения на жителей, угон скота продолжались, причем во все возрастающих масштабах. Требовалась принципиально новая организация охраны границы. 6 декабря 1896 года формируются две бригады Отдельного корпуса пограничной стражи: Закаспийская и Аму-Дарьинская, с местами дислокации соответственно в Асхабаде (Ашхабад) и Патта-Киссара (Термез). До 1899 года, когда был сформирован VII пограничный округ, бригады подчинялись на общем основании начальникам Закаспийского и Туркестанского таможенных округов.

Формирование Закаспийской бригады закончилось только в 1897 году. Охраняемый участок растянулся на две с половиной тысячи верст, из которых на персидскую границу приходилось около 1100 верст, на афганскую – 400 и на Каспийское побережье – около 1000. Штабы отделов бригады были расквартированы в Красноводске, Кара-Кале, Каахке и Кушке.

На большинстве постов первого отдела по берегу Каспийского моря отсутствовала тыловая вода. Огромные двухсотведерные бочки доставлялись на лодках из Персии за сотню верст. Жили стражники, как правило, в землянках с низкими потолками или же вдушных саклях, порою же и вовсе в кибитках, в которых зимой было сыро и холодно, а летом чернотой огромного количества насекомых. Помещения для лошадей устраивались под навесом, конюшни были большой редкостью. Своих бань в Закаспийской бригаде не было.

Основная служба солдат состояла в конвоировании транспортов, идущих из Персии и Афганистана обратно. Конвой передвигался пешком иногда на расстоянии до 50 верст. Днем и ночью выставлялись секреты, а по патрульным дорогам делались обходы. Преследования контрабандистов, случалось, продолжались по несколько суток. На важных участках выставлялись пикеты.

Служба пограничного стражника длилась 12 часов, служба же секретов – от сумерек до рассвета. Недостаток людей приводил к большим перегрузкам как офицеров, так и солдат.

Усиление бригады тем не менее осуществлялось медленно. В 1909 году без увеличения штата был учрежден офицерский пост, затем из Бакинской бригады для охраны восточного побережья Каспийского моря переведен крейсер «Часовой». На несколько человек увеличился медицинский персонал. Однако сил для охраны столь огромного участка бригады явно не хватало. Ситуация же возникала порой весьма сложная.

В ночь на 18 октября 1900 года командир Чаатлинского отряда ротмистр Панфилов задержал значительную партию контрабанды на сумму в 54 тысячи рублей. 6 января 1902 года в стычке с контрабандистами погибли ротмистр Яновский и вахмистр Жуков. Особенно сложно проходило задержание контрабандистов 5 апреля 1912 года.

Командир Чекан-Калинского отряда ротмистр Пужарский получил сведения о том, что в Хиву ушел караван с контрабандным чаем. Из расчета времени выходило, что пограничники при ускоренном движении могут настигнуть караван и задержать его.

Выбрав надежных объездчиков и джигитов, тотчас же выступили в погоню. Возглавляли разъезд подполковник Армейское и ротмистр Пужарский. В состав разъезда также вошли унтер-офицер Сулейман Хусейнов, рядовые объездчики Иван Тилинский и Павел Прищ, джигиты Курали-Эль-Оглы, Овез

Музафаров, Анна-Гельды Эймурадов и Кучен-Хана-Верды.

Драматизм погони неуклонно нарастал. Небольшой запас хлеба, ячменя и воды быстро иссяк, пополнить же его в пути было негде; вода в колодцах стояла горько-соленая. Ко всему прочему резко испортилась погода; пограничники двинулись в путь в легкой форме, но уже на второй день начались дожди, и с каждым переходом на север становилось все холодней. Из-за отсутствия же топлива невозможно было даже развести костер.

Целую неделю продолжалось преследование. За это время разъезд преодолел свыше 540 верст. Люди выбились из сил, и когда отместного чабана получили последние сведения о движении каравана, пришлось мобилизовать всю волю, чтобы продолжить движение.

Чабан сообщил, что караван утром тронулся от колодца Черемши на границе Хивинского ханства и имеет в своем составе проводников, вооруженных винтовками.

Собрали небольшой «военный совет». Брать контрабандистов решили ночью, врасплох. В девять часов вечера обнаружили караван, вставший на ночлег. Спешились в полтора верста от бивака, сбавляли лошадей и начали готовиться к операции. Проверили и вычистили оружие (оно было забито песком, затворы не действовали) и, рассыпавшись цепью, стали приближаться к спящим контрабандистам. Последние полверста двигались ползком.

В полночь, окружив бивак, набросились на проводников и без сопротивления обезоружили и связали четверых из них. Двоих не было. Начали поиск и обнаружили их спящими в тридцати шагах от места задержания. Ротмистр Пожарский на туркменском языке предложил им сдаться, однако последние открыли огонь. В завязавшейся перестрелке оба контрабандиста были убиты.

Лишь две недели спустя вернулись пограничники домой, на свой пост. На следующий день после возвращения они сдали на Каракалинскую таможенную ставку 12 пудов 27 фунтовая, 2 пуда 25 фунтов шерсти, халаты, чувалы, торбы, чайники, котлы, три винтовки Бердана, одну винтовку Верндля, одно дробовое ружье, 16 верблюдов и одного ишака с седлом, а всего товаров животного 4647 рублей и 61 копейку. Несколько пудов муки, оказавшиеся в багаже каравана, были израсходованы на лепешки – это спасло пограничникам жизнь.

Чтобы попасть в пределы Аму-Дарьинской бригады, приходилось ехать из Ташкента до железнодорожной станции Чарджуй. Далее путники пересаживались на пароход «Великая княжна Ольга», который и доставлял их к месту назначения. Железная дорога, как и Аму-Дарьинская флотилия, управлялась военным ведомством.

Первый отдел бригады располагался неподалеку от урочища Керки, на левом берегу Аму-Дарьи, оба берега которой находились в бухарском владении. В Керках кроме поста пограничной стражи штаба находились два стрелковых батальона регулярной армии, три сотни оренбургского казачьего полка и таможен первого класса.

Жилища служилого люда были выстроены большей частью из глинобитного кирпича, однако, из-за дороговизны дерева, без деревянного пола. В них при наличии пригодной для питья воды еще можно было худо-бедно обустроить быт. Тяжелее приходилось тем, чьи посты располагались вдалеке от реки, в пустыне. Солончаки, отсутствие растительности, жолчища ядовитых насекомых делали жизнь невыносимой. Как писал один из современников, «это не степь, не пустыня, это страна смерти, это – мертвая тишина вокруг, кругом и около, и небеса сверху».

Судоходство по Аму-Дарье осуществлялось на ограниченном протяжении в 800–900 верст вверх от Чарджуя до Термеза и вниз от Чарджуя до Петро-Александровска. Аму-Дарьинская флотилия обслуживала бригаду лишь верст на 400, остальные посты были вынуждены пользоваться каюками – лодками самого

примитивного устройства. Против течения их тянули бечевой; чтобы преодолеть расстояние в 200 верст, требовалась целая неделя. Особенно тяжело приходилось семьям военнослужащих – женщинам и детям, которые без крова, а частаи без пищи сутками подвергались ударам стихии.

Переправа через Аму-Дарью производилась на бурдюках – наполненных воздухом цельных, снятых баранов или коров шкурах. Иногда их по несколько штук привязывали к сколоченным в виде плоты доскам, получался своеобразный паром. Его чалили к хвосту лошади, вплавь добравшейся до противоположного берега, и начинали «движение». Нередко бурдюки лопались, плоты разъединялись, и все, кто находился на них, скрывались в мутных водах могучей и своенравной реки.

Штаб бригады находился в Термезе, в четырех километрах от афганской границы. Эмир Бухарский выделил пограничникам 15 десятин земли, которые они сумели превратить в оазис неустанным упорным трудом. Молодой парк с искусственным прудом, в котором плавали лебеди, был обнесен длинным, в четыре версты, забором. Здесь из жженого кирпича была построена оригинальная в архитектурном отношении, первая в бухарском крае церковь. В городке же за короткий срок было построено 30 домиков-особняков для штабных офицеров, врачей и священника, прекрасное помещение для бригадного лазарета, баня, вырыты два больших колодца, проведены оросительные каналы.

Штаб третьего отдела располагался в местечке Сарае, где по вечерам от болот тянуло густыми душливыми испарениями. В лучшем положении находился штаб четвертого отдела, разместившийся близ местечка Йола. Там уже встречались признаки некоторой растительности в виде кустарников, на склонах гор начинались леса.

В целом же условия службы в этом крае были очень трудны для всех без исключения чинов пограничной стражи. «Удивительно скоро старяются здесь люди, – писал один из побывавших на Аму-Дарье столичных врачей, – особенно нами замечено это на прекрасной половине рода человеческого: преждевременная седина, ранние морщины, печальное выражение лица и какая-то апатия ко всему окружающему резко бросаются в глаза приезжему, свежему человеку».

Положение усугублялось еще и тем, что из-за нехватки личного состава служившие здесь пограничники испытывали большие перегрузки, доводившие их прямо-таки до отчаяния.

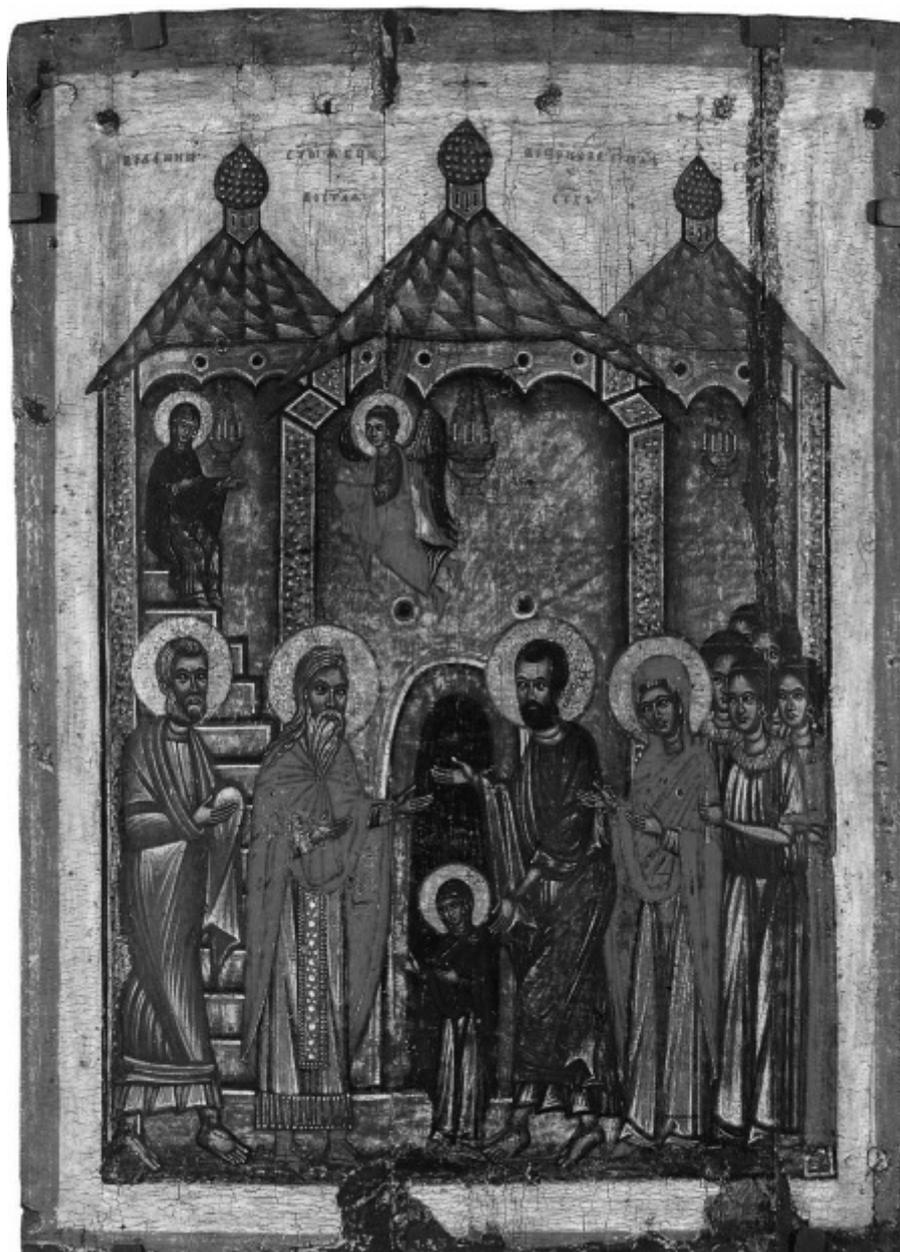
Все более очевидным становилась незавершенность проекта организации пограничного надзора, необходимость принятия дополнительных мер к его усилению. Справедливо ради надо отметить, что командование VII пограничного округа неоднократно выходило с предложениями о реорганизации охраны границы в крае, но каждый раз они не реализовывались по каким-либо важным причинам: «помешали» Русско-японская война и последовавшая за ней революция, затем Первая мировая война и новая революция, гражданская война.

В 1912 году штабом Отдельного корпуса пограничной стражи был разработан проект усиления среднеазиатской границы. В состав округа предполагалось ввести еще одну пограничную бригаду, морской отдел. В «пески и степи» готовились ехать дополнительно 40 офицеров и 1400 нижних чинов. Однако проект так и остался проектом из-за нехватки средств. А дальше история стала развиваться столь стремительно, что про него просто забыли...

Храмовый праздник пограничной стражи

Важной вехой в развитии пограничной стражи России стал указ Александра III «О преобразовании пограничной стражи в Отдельный корпус», подписанный 15 октября 1893 года. В соответствии с этим актом она выделялась из Департамента таможенных сборов и становилась сугубо военной организацией с централизованным управлением. Отныне охрана государственной границы возлагалась на качественно новую войсковую силу, имевшую полную самостоятельность в осуществлении пограничного надзора. Это был ключевой момент в строительстве пограничной стражи на исходе XIX столетия.

Однако, несмотря на всю важность произошедшего, день подписания царского указа не стал в России профессиональным праздником пограничной охраны, поскольку по устоявшимся традициям того времени все праздники связывались с религиозными обрядами, фактами из жизни святых и их деяниями. В 1894 году такой праздник был установлен в пограничной страже. По распоряжению Александра III им стал день Пресвятой Богородицы – 21 ноября.

Икона «Введение в храм Пресвятой Богородицы», XIV век

Сценарий храмового праздника во всех частях был приблизительно одинаков: приказом по корпусу выделялось дополнительное питание, отличившиеся нижние чины производились в унтер-офицеры, поощрялись деньгами. Бригадными священниками совершалось молебствие за здоровье государя императора и всего царствующего дома. Под звуки духового оркестра подразделения проходили церемониальным маршем. Александр III установил, чтобы в этот день в Санкт-Петербурге «высочайший» смотр со всех пограничных частей представляли нижних чинов, награжденных медалью «За храбрость». Иногда этот торжественный мероприятие проводилось в Крыму, в Ливадии, где отдыхала царская семья. Вот как описывался смотр сводной парадной роты в храмовый праздник пограничной стражи 21 ноября 1913 года одним из его участников:

«На площадке перед зданием казармы были построены нижние чины при офицерах и хор музыки от пятидесяти второго Виленского полка. В 11 часов утра изволил прибыть государь император. Встреченный командиром отряда Крымской бригады ротмистром Соловьевым с рапортом, его величество обошел фронт, здороваясь с нижними чинами и поздравляя их с праздником. Здесь же находились Шеф пограничной стражи министр финансов статс-секретарь Яковцов, начальник пятого пограничного округа генерал-майор Китченко, командир Крымской бригады генерал-майор Непокойчицкий.

По окончании молебствия государь император пропустил отряд мимо себя церемониальным маршем, после чего его величество изволил произнести следующее: «Господа! Выражаю вам искреннюю благодарность за постоянно ревностную и преданную службу. В ознаменование моего особого благоволения ко всему корпусу пограничной стражи повелел Шефу отдать приказ о присвоении Крымской бригаде моего имени. Уверен, что Крымская бригада будет служить также доблестно и преданно, нося мои вензеля. Спасибо вам, молодцы, за вашу службу и за отличный смотр».

Статс-секретарь Яковцов провозгласил здравицу за государя императора, покрытую восторженным «ура».

Затем его величество посетил помещение Ливадийского поста, где изволил занести в высочайшее имя свое в книгу почетных посетителей, после чего отбыл во дворец».

Эти смотры обходились казне в 4000 рублей ежегодно, но они имели большое воспитательное воздействие. Попастъ в сводную роту считалось большой честью, и в страже этот факт ценился очень высоко.

Русские цари видели в пограничном корпусе надежную и преданную силу, которая твердо обеспечивала интересы государства на границе, задерживая не только контрабанду, но и политически вредную литературу, храня устои самодержавия на окраинах страны. Они не скупались на поощрения и награды, стремясь укрепить в чинах стражи верно-подданнические настроения. За период с 1894 по 1913 год 840 нижних чинов было награждено медалью «За храбрость», а 149 – знаком отличия Святой Анны, 85 офицеров стали кавалерами различных 120 орденов с мечами и бантами.

В 1907 году, в день очередного храмового праздника пограничной стражи, Николай II повелел для увековечения памяти Александра III именовать Санкт-Петербургскую пограничную бригаду его именем.

Присвоение в 1907 и 1913 годах имен двух царских особ пограничным бригадам было отмечено накануне Первой мировой войны специальным приказом по корпусу и установлением на стенах приемной штаба двух мраморных досок с соответствующими надписями.

В упомянутом выше приказе подчеркивались трудности пограничной службы, которая «незаметна для постороннего: в далекой глуши, среди лесов, гор и болот, живёт и служит пограничник, и мало кто

знает, какую огромную пользу приносит государству его самоотверженная работа». «Есть, однако, – отмечалось далее в приказе, – самим Богом поставленное над нами Око, которое усмотрело, и Сердце, которое оценило незаметную для других нашу службу и щедро наградило пограничников за их верность, за их самоотверженные труды, за их мужественную стойкость».

Надписи на мемориальных досках гласили:

«В 21-й день ноября 1907 года Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович для увековечения памяти о милостивом внимании в бозе почивающего Государя Императора Александра III к корпусу пограничной стражи Высочайше повелеть соизволил Санкт-Петербургскую бригаду впредь именовать пограничную Императора Александра III бригадою».

«В 21-й день ноября 1913 года Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II Александровичу благоугодно было в ознаменование особого благоволения ко всему корпусу пограничной стражи счастливител ь корпус присвоением 24-й пограничной Крымской бригаде своего имени».

Парад сводной пограничной роты 21 ноября 1913 года был последним в истории Отдельного корпуса пограничной стражи. Начавшаяся затем мировая война приостановила эту традицию. Пограничные бригады сражались на фронтах вместе с частями действующей армии, где не было ни времени, ни места для праздников и торжеств. В огненном смерче следовавших затем событий многое из того, что связывало нас с прошлым, переплавилось, сгорело и исчезло навсегда. Но, может быть, что-то полезное стоит извлечь из него сегодня?

«Слово доброе, слово утешительное»

Священники в Отдельном корпусе пограничной стражи

Раненный в стычке с контрабандистами в пограничной страже умирал в бригадном лазарете. Умирал на казенной койке, в чужом краю, вдали от родных людей. Он, как и требовала присяга, «не щадя живота своего», защищал интересы Престола, Отечества и Веры, был ранен и теперь заканчивал свой земной путь, утешаемый лишь священником.

Эта категория военного духовенства в пограничной страже России складывалась постепенно, на протяжении всего XIX века, вместе с реформированием пограничной стражи приданием ей чисто военной организации и структуры. Для войск процесс реорганизации завершился в 1899 году. Что же касается института военных священников, то его формирование так и не было полностью завершено. И главный недостаток заключался в их двойственном положении.

С одной стороны, «святыи отцы» состояли на службе при пограничных бригадах, где и получали денежное содержание, не пользуясь при этом привилегиями военных священников армии и флота. С другой стороны, по отпращиванию своих прямых служебных обязанностей они приравнивались к последним и руководствовались указаниями протопресвитера военного и морского духовенства. Такое положение отражалось прежде всего на их материальном положении.

По утвержденному указом императора 24 июля 1887 года положению Военного совета полковой священник в получении денежного содержания приравнивался к капитану – командиру роты, а дьякон – к поручику. В Отдельном корпусе пограничной стражи это соответствовало содержанию ротмистра. На самом же деле священники получали гораздо меньшую плату. И без того худой кошелек «батюшек» значительно облегчали различные вычеты налогов. Так, например, свыше 20 рублей в год удерживалось на содержание епархиальных духовных училищ. Вдвое большую сумму приходилось отчислять в пенсионный капитал. (Заметим, что строевые офицеры облагались более «мягким» налогом.) Если к этому прибавить другие вычеты разных наименований и назначений, нетрудно представить, как был недостаток священнослужителей. А ведь они наряду с офицерами и нижними чинами несли все трудности пограничной службы.

Крайне скудное содержание, отпускавшееся казной, вынуждало священников пограничной стражи отыскивать дополнительные источники существования. «Подрабатывали» они в приходах епархиальных церквей, иногда с некоторым ослаблением церковных правил и всегда с материальным ущербом для приходского духовенства. Это, конечно, была вынужденная мера, на которую они шли не от хорошей жизни.

Какие же задачи решали священники пограничной стражи? В чем состояла их роль и назначение? Думается, что сферу их деятельности лучше всего характеризует понятие «духовное окормление». В назначенное командиром бригады время они совершали богослужения в бригадных церквях в воскресные, праздничные и «высокие торжественные» дни. В проповедях поучали чинов стражи истинам православной веры и благочестия раненых и больных «утешали назидали» в лазаретах.

Не менее двух раз в год священники объезжали все пограничные посты исповедовали стражников и объездчиков, вели с ними беседы и чтения на религиозные темы, содействуя «подъему духовных сил»

пограничников, побуждая их честно добросовестно выполнять свой воинский долг.

Отправление религиозных обязанностей было закреплено в нормативных документах пограничной стражи. В инструкции ОКПС имелся специальный раздел: «Обязанности религиозные», в котором подчеркивалось, что «командиры частей обязаны оказывать содействие своим подчиненным в исполнении религиозных обязанностей, налагаемых на них вероисповеданием». Для нижних чинов православного исповедания, отмечалось далее в инструкции, должны устраивать религиозные беседы, для чего в отряды командируются священники. Общая молитва была обязательной для пограничников перед выходом их в ночной наряд, причем устанавливалось, что «нижние чины поют хором молитву Господню и молитву за Царя».

Роль священников в воспитании ревностного отношения к службе была неопределима. Известно, что офицеры и нижние чины несли службу в суровых условиях. Перестрелки и стычки с контрабандистами случались довольно часто. Оторванность от очагов цивилизации и культуры пагубно сказывалась на моральном состоянии пограничников. Кроме того, существовали трудности хозяйственного плана: заготовка кадров, уборка лошадей, топка печей, приготовление пищи, стирка белья, уборка помещений – и это не считая ежедневной службы по 8–10 часов. Не считая службу в таких условиях могли лишь духовно сильные люди, уповающие на помощь Божию. В своих беседах святые отцы подчеркивали, что «присяга есть клятва данная перед лицом Божиим на кресте Спасителя на Святом Его Евангелии», «служить Богу и Государю верою и правдою; беспрекословно повиноваться начальникам, терпеливоносить труды, холод и голод и все нужды солдатские, не щадить последней капли крови за Государя и Отечество, а первая обязанность солдата».

При этом они старались не обличать и укорять, а умолять, чтобы крепнулись в добре, сторонились зла: не бичевать согрешивших, а плакать с ними», ибо «обличения причиняют страдания, а воинам достаточно тех страданий, которые они переносят в своей службе». Согласимся, что это совершенно иной подход к воспитанию, чем тот, который сложился в нашей воинской среде.

Не менее важно подчеркнуть такую задачу в деятельности священников пограничной стражи, как борьба с пьянством. 22 мая 1914 года государь император «в своих непрестанных заботах о благе армии», дабы «оградить ее от признанных опытом и наукою вредных последствий употребления спиртных напитков и охранять в ней вящую силу, здоровье и твердость духа, столь необходимые ее боевой готовности как в мирное, так и в военное время», повелел принять к неуклонному исполнению меры против употребления спиртных напитков в армии. В частности, предлагалось создавать общества трезвенников на основе правил, «как будут выработаны Духовным правлением при протопресвитере военного и морского духовенства».

Священники пограничной стражи также включились в проведение этой кампании. Они регулярно читали проповеди для офицеров и нижних чинов о вреде алкоголя, об отношении религии к пьянству. Особое внимание уделялось молодым военным служащим, которых старались вовлечь в общество трезвенников. Сами же священники на проводах, встречах, бригадных и иных праздниках совершенно воздерживались от употребления вина и водки. Они также не уклонялись от трудностей службы, старались быть пограничниками в самых горячих точках. Например, во время Русско-японской войны в Заамурский округ пограничной стражи великой княгиней Елизаветой Федоровной был послан иеромонах Гурий «для удовлетворения духовных потребностей заамурцев», который лично принимал участие в боевых действиях. Угроза гибели в бою, близость опасности и сознание своей беспомощности перед ней заставляли пограничников возлагать надежды на того, «без чьей воли и волос с головы не падает». Учитывая это, иеромонах Гурий призывал воинов «быть храбрыми и неустрашимыми в сражениях, все дела службы исполнять без ропота и с доброю волею, все тяготы, которые неизбежны в бою, переносить с

христианским терпением и никогда не забывать присяги». Он помогал перевязывать раненых, организовывал захоронения павших, обходил палаты утешал больных, писал от них письма на родину.

Пожалуй, не было такого события в жизни пограничных бригад, на которое не откликались бы военные пастыри. Корпусной праздник, день части, прибытие молодого пополнения и увольнение в запас отслуживших свой срок, важнейшие исторические события – все это отмечалось богослужением и проповедями. Особенно торжественно проходил корпусной храмовый праздник пограничной стражи – день введения в храм Пресвятой Богородицы, которая считалась покровительницей воинов, охраняющих государственную границу.

Радостно удели колокола. Личный состав выстраивался на плацу. Начиналось богослужение. В честь Пресвятой Богородицы исполнялся тропарь, который, конечно, не совсем понятен неискушенному в религиозных делах современному человеку, но звучал он на старославянском языке так:

«Днесь благословения Божия предображения и человеком спасения проповеди: в храме Божии ясно Дева является и Христа всем предвозвещает.

Той и мы велегласно возопиим: радуйся смотрителя Зиждетелева исполнение».

Дальнейшее описание праздника предоставим современнику: «На церковной площади были выстроены при хоре трубачей чины пограничной стражи. После молебствия из Собора с пением: «Спаси Господи люди твоя...» – вышел крестный хор. Раздалась команда: «На молитву, шапки долой!» И понеслись к небу величавые звуки «Коль славен...». Несмотря на ненастье, с войсками было много публики».

Следует отметить взаимоотношения православных священников с представителями других вероисповеданий, ведь в пограничной страже служили воины практически всех религиозных конфессий. Исключение составляли лишь скопцы – члены секты, запрещенной законом. Рекомендовалось перед принятием присяги ограничиваться опросом молодых воинов – принадлежит ли он к вероучению, признающему духовных лиц и присягу, и в случае утвердительно ответа представителей других, кроме православия, вероисповеданий могли присягать на верность.

Для отправления духовных потребностей и нижние чины не православного исповедания отпускались из расположения частей в «свои» культовые сооружения. В проповедях священников все чины пограничной стражи призывались терпимо относиться исповедующим иную религию, уважать их религиозные чувства. К тому же к концу XIX века в армии появились муллы, ксендзы и раввины.

Всего в начале XX века в Отдельном корпусе пограничной стражи насчитывалось 14 соборов и церквей. Часть из них была построена за счет бюджета Корпуса, часть – передана из ведения Епархиального Архиепископа, а часть строилась на пожертвования офицеров, нижних чинов и других лиц. Именно так были собраны средства на постройку окружной церкви Заамурского пограничного округа в Харбине. Ее сметная стоимость определялась в 71 тысячу рублей; на 40 тысяч поступило пожертвований, остальные были отпущены в кредит под будущие доходы. Деньги на колокол весом в 38 пудов собрал иеромонах Гурий; Митрополит Московский Владимир прислал икону Иверской Божьей Матери. Церковь была построена в древнем ярославском стиле высотой в 16 сажен. Венчали ее семь глав. На внутренних стенах были вывешены памятные доски с именами и фамилиями 14 офицеров и 245 нижних чинов, погибших в Русско-японскую войну. В этой же церкви были захоронены останки Георгиевского кавалера подполковника Петра Дмитриевича Бутусова уроженца города Москвы.

Строительство церквей и соборов финансировалось из разных источников, однако далеко не все пограничные бригады располагали своими культовыми сооружениями. В местах дислокации частей, где имелись епархиальные соборы и церкви, новые вообще не возводились. На каждом пограничном посту перед постовой иконой сооружался небольшой аналой с Евангелием и молитвенником. В праздничные

дни нижние чины собирались около иконы и старший по старшинству читал соответствующий фрагмент главы из Евангелия, а затем все вместе пели молитвы.

В советское время в литературе утвердилось в основном негативное мнение о военных священниках, как ревностных защитниках основ самодержавия. История же говорит о том, что такое однозначное толкование мало соответствует истине. Духовенство испокон веку было связано с российской армией и пограничной стражей и всегда считало защитой Отечества священным делом.

В суровых условиях пограничной службы они несли людям радость встречи с Богом, надежду на спасение, вносили в сердца пограничников мир, покой и бодрость духа. И хотя они и не носили военной формы, но деятельность их, по сути, была служением, служением людям и Богу.

«По волнам, по звездам проносит шаланду»

О контрабандистах контрабандна море написано немало. Вспомним хотя бы «Тамань» М.Ю. Лермонтова. Молодой человек становится случайным свидетелем ночного контрабандного промысла, и эта встреча с «хищниками государственных доходов» едва не стоила ему жизни. К счастью, все кончилось благополучно, но контрабандистам пришлось покинуть любимое ими место. «И зачем было угодно судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!» – с грустью размышляет герой лермонтовского произведения.

Контрабанда... Именно она, хлынувшая в Россию широким потоком по морским путям сообщения, стала причиной создания пограничной крейсерской флотилии и появления нового вида погранстражи.

В 1747 году на рейде Санкт-Петербурга появилась новая яхта Изящная, легкая, с высокими мачтами ослепительно-белыми парусами, с тонкими обводами вокруг серебристых бортов, она бойко и неумолимо курсировала вдоль побережья. На кормовой мачте репетабдуваемый всеми ветрами Балтики темно-зеленый таможенный флаг, возвещая иностранным гостям, что Россия отныне будет оберегать свои законные интересы в морской торговле.

Создание таможенной флотилии было одним из важных звеньев в цепи мер, предусмотренных Петром I в целях защиты экономических интересов России на государственной границе, однако осуществить свою идею ему не удалось. Великий преобразователь ушел из жизни, оставив после себя много прекрасных, но не воплощенных в жизнь замыслов. Его преемники не спешили строить таможенные суда и защищать русскую промышленность от конкуренции западных товаров, лишь спустя четверть века идея Петра была реализована.

Шло время. Первая таможенная яхта, отслужив свой срок, была списана, новых не строили. В Прибалтийских таможенных округах стали появляться небольшие гребные и парусные шлюпки, но ощутимой пользы в охране морского побережья не принесли: на рейд их выходило слишком мало, а береговая пограничная охрана была слишком малочисленной, чтобы успешно бороться с контрабандой, которая к тому времени стала хорошо организованной и разветвленной. Широко был и ассортимент контрабандных товаров. В Россию везли спирт, ром, вина, чай, сахар, соль, изделия легкой промышленности, женскую косметику и прочие предметы для неизбалованной российской публики. Было что вывозить из России: драгоценности, меха, масло, мед, сало. Обмен шел бойко и, как теперь говорят, взаимовыгодно. Запрещенный бизнес процветал и разрастался.

Балтийское море, таинственное и холодное, покрытое белыми барашками вздыбленных волн, тактично ласковое, кокетливо играющее своей водной лазурью серебристыми и солнечными зайчиками, было весьма «удобным» для контрабандистов. Казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы здесь они чувствовали себя комфортно и безопасно: причудливые изгибы береговой линии, глубоко врезавшиеся в морскую гладь песчаные косы, укромные бухты, множество покрытых лесом прибрежных островов создавали прекрасные условия для контрабандного ремесла. Местные жители, связанные круговой порукой, видели в контрабанде хотя и рискованное, но прибыльное дело. Контрабандисты могли достать все, а потому были людьми нужными и уважаемыми. В отношениях между ними действовал лишь один принцип – строгое охранение тайны.

А Пруссия и Финляндия были рядом. До финских берегов в хорошую погоду можно было добраться за 8–10 часов, до прусских – за 2–3 суток. Чуть риска, побольше мастерства, сноровки и отваги – и в путь! Удача и богатство ждут вас!

3 марта 1848 года надзиратель Курляндской полубригады поручик Кучевский, получив сведения о возможном прибытии из Пруссии лодки с контрабандой, одолжил у местных рыбаков шлюпку и отправился в море с тремя солдатами и тремя гребцами, надеясь задержать контрабандистов еще на подступах к побережью. Когда наступила ночь, нижние чины в бледном свете появившейся луны увидели лодку и, приблизившись на ружейный выстрел, стали требовать, чтобы она остановилась. Однако семеро контрабандистов дружно заработав веслами, прибавили ходу и стали отрываться от преследователей. Заметив это, Кучевский приказал подчиненным стрелять парус. Грохот ружейных залпов отрезвил злоумышленников: товар полетел за борт, следом в волны бросились и гребцы, пытаясь вплавь добраться до берега. Там их уже ждала засада береговой пограничной охраны, но, одетые в неудобные мундиры, в тяжелых сапогах и с длинными ружьями в руках, солдаты не могли угнаться за контрабандистами ни с чем вернулись назад.

По данному происшествию было назначено следствие, которое установило, что поручик Кучевский задержал контрабанду «неправильно», так как в инструкции надзирателю пограничной стражи сказано: «Надзиратель обязан пектись, чтобы тайно ввозимые товары проводителей их пограничная стража задерживала при самом ввозе товаров в границы империи или же при выгрузке на берег». За такой проступок, по мнению следствия, поручик Кучевский подлежал преданию военному суду, но, учитывая его ревностное отношение к службе, совет при министре финансов ограничился строжайшим выговором без занесения в его формулярный список. Когда же об этом происшествии узнал Николай I, он предложил ограничиться замечанием.

Факт этот показал несовершенство законоположений, определяющих деятельность пограничной стражи. Можно подумать, что они были направлены более к обеспечению интересов контрабандистов к усложнению задач пограничников, поставленных в положение пассивной охраны. Налицо было полное незнание обстановки на границе и непонимание задач ее охраны со стороны таможенного ведомства.

Между тем в Департамент внешней торговли все больше поступало донесений от начальников таможенных округов с просьбой выделить средства для закупки лодок с целью охраны морского побережья, усиления плотности береговой охраны. Например, начальник Либавского таможенного округа контр-адмирал Штофреген доносил: «Незначительность наших контрабанд на морских границах наших... приводит к заключению о дурной организации пограничной стражи... Такому неудовлетворительному положению дел, конечно, есть много причин, но главная заключается в том, что нам не доступно поле действий контрабандистов в море. Дерзость их происходит единственно оттого, что мы не имеем средств захватывать суда и их самих...»

Просьбы об усилении пограничной стражи гребными судами стали поступать еще в 1837 году, но Департамент внешней торговли либо их игнорировал, либо отвечал отказом, как это случилось в 1844 году, когда начальнику Ревельского таможенного округа было отписано, что «приведение предложения этого в исполнение потребует значительных расходов, а между тем в принятии этой меры нет необходимости».

Морская контрабанда тем временем принимала все более широкие масштабы, создавая в бюджете государства щупальца. Внутри страны падало производство отдельных видов продукции, особенно винокурных заводов. Становилось очевидным, что назрела необходимость принятия крупных мер, которые позволили бы закрыть морское побережье от бильного ввоза контрабандных товаров.

В середине 60-х годов XIX века Департамент таможенных сборов (бывший Департамент внешней торговли) начал изучать вопрос об установлении в России морской таможенной полосы. К тому времени в Англии, Франции, Пруссии, Австрии и Бельгии пограничная полоса определялась уже не только на суше, но и на море, и таможенные ведомства жестко досматривали суда, попадавшие в их морскую пограничную полосу.

Для изучения зарубежного опыта в Англию и Францию был направлен контр-адмирал Штофреген. К решению этой задачи подключились также морское министерство и министерство иностранных дел.

Наконец, после кропотливой подготовительной работы Государственный совет 1 июля 1868 года принял постановление о морской пограничной полосе. Оно гласило:

Пространства воды в три морские мили от русского берега как на материке, так и на острове признаются морской таможенной полосой, в пределах которой все, как русские, так и иностранные суда, подлежат надзору русских таможенных властей.

Всякое судно, русское или иностранное, которое войдет в морскую таможенную полосу, может быть подвергнуто осмотру таможенной стражей, причем шкипер судна обязан по требованию предъявить все имеющиеся у него как судовые, так и грузовые документы.

Всякое судно, вошедшее в морскую таможенную полосу, при подходе к нему судна под русским таможенным флагом должно остановиться. В случае неисполнения сего таможенное судно делает по нему холостой выстрел, и если после этого все-таки вошедшее в морскую таможенную полосу судно не остановится, крейсер, повторив холостые выстрелы, стреляет первая по рангоуту (чтобы сбить паруса и мачты) и затем по корпусу судна.

Преследование судна, не подчинившегося требованию крейсера в морской таможенной полосе, может быть продолжено и за пределами этого пространства в водах нейтральных.

Этим же постановлением впервые в России было учреждено особое морское крейсерство – для надзора за морской таможенной полосой с целью недопущения в страну контрабандных товаров.

В течение 1872–1873 годов, в основном на верфях Англии, было построено десять паровых винтовых судов; один паровой спасательный катер и сто одна шлюпка – на верфях России. Штаб флотилии был утвержден в следующем составе: один контр-адмирал, двадцать девять штаб- и обер-офицеров, семь гардемарин и сто двадцать девять нижних чинов. Укомплектование штаба было осуществлено полностью из морского ведомства. На основании «высочайше» утвержденного 4 июля 1873 года «Положения о Балтийской таможенной крейсерской флотилии» суда этой флотилии составляли часть военно-морского флота и состояли в его списке, однако в осуществлении своих функций по пограничному надзору находились в полном распоряжении министра финансов. На содержание флотилии из государственного бюджета выделялось двести тысяч рублей.

Вступление в строй новых судов таможенной охраны не замедлило проявить себя: контрабанда заметно уменьшилась. Случаи нарушения границы происходили все реже, а доходы от реализации задержанной контрабанды становились соответственно меньше. Из этого факта Департамент таможенных сборов был сделан вывод, что флотилия свою задачу выполнила и содержать ее далее в таком составе экономически не выгодно. Началось постепенное «урезание» штатного состава и перепрофилирование судов. В 1881 году в составе Балтийской таможенной флотилии стало три паровые шхуны и семь паровых баркасов, а спустя еще семь лет общее количество судов сократилось до шести единиц.

С выделением в 1893 году пограничной стражи в Отдельный корпус крейсерская таможенная флотилия вступила в новый период своего развития. Служба судов распространилась не только на моря, но и на крупные реки и озера. 1 декабря 1897 года было решено Балтийскую таможенную крейсерскую флотилию упразднить, входящие в ее состав суда исключить из списков военного флота и распределить между бригадами. Личный состав флотилии комплектовать из офицеров пограничной стражи по одному на каждое судно; командиров судов (шкиперов) и их помощников – из отставных офицеров флота и флотских штурманов или из лиц, имеющих звание шкипера дальнего плавания; машинистов и рулевых – из

вольнораемного состава; судовые команды – из нижних чинов пограничной стражи. Плавание флотилии разрешалось под особым установленным для нее флагом. В военное время суда флотилии передавались в морское ведомство. Состоящие на судах офицеры пограничной стражи заведовали лишь пограничным надзором и судовыми командами.

К концу XIX века все острее стало ощущаться недостаток судов на Балтийском и Ладожском направлениях. Здесь на протяжении трех тысяч верст крейсировали всего шесть кораблей. В марте 1900 года у князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского, была приобретена паровая яхта «Роксана», а также построены крейсера «Орел», «Абрек», «Ворон» и «Коршун». К 1 января 1901 года пограничники располагали семнадцатью паровыми судами и катерами.

В начале XX века флотилия стала переходить в качественно новое состояние: появились моторные суда с нефтяными двигателями, представляющие собой в то время последнее слово в технике судостроения. В декабре 1912 года был принят в эксплуатацию первый крейсер с дизельным мотором «Ястреб», переданный в Черноморскую бригаду. Обладая скоростью в 15 узлов, он имел район плавания в четыре раза больший, чем паровые суда, при одинаковом запасе топлива. Этот крейсер был построен «Обществом Николаевских заводов и верфей» по собственным чертежам для Отдельного корпуса пограничной стражи.

В октябре того же года были испытаны приняты на вооружение моторно-парусный боти моторный катер для Ревельской бригады, которые показали высокую эффективность в борьбе с контрабандистами. И такие суда становилось все больше.

Непосредственно побережье морей охранялось при помощи шлюпок: на каждом посту имелась одна четырех- или шестивесельная парусная лодка, которая использовалась также для досмотра судов и для совершения рейсов между постами. Так как эти шлюпки из-за мелководья не могли близко подходить к берегу, то для сообщения с ними были заведены двухвесельные подвозные ялики. На шлюпках устанавливались две мачты с тремя парусами – кливер-фок и грот. Для управления шлюпкой назначался по годовому контракту вольнораемный рулевой с окладом от 15 до 18 рублей в месяц и форменным довольствием. Гребцами выступали нижние чины того поста, при котором состояла шлюпка.

Эти были довольно большие, неуклюжие суда с маленькими парусами, рассчитанные на четверых или шестерых гребцов. При ветре они могли идти довольно сносно, однако лавировать было практически невозможно: дрейф и течение сводили на нет все поступательное движение.

Кроме того, в некоторых бригадах до 1894 года имелись большие яхты – боты, носившие название «подвижных постов», но они были постепенно упразднены, так как частотерпели крушение. А впрочем, частотерпели крушение и другие парусные и гребные суда.

21 июля 1902 года в 7 часов утра от Феодосийского кордона Крымской бригады вышла шлюпка, имея на борту шестерых гребцов во главе с вахмистром. К одиннадцати часам она благополучно дошла до Коктебельского поста и спустя некоторое время начала двигаться обратно. Команде надлежало осмотреть рыбацьи баркасы и попутно отвезти на пост ларь для муки и известия для побелки кордонного здания. С полудня ветер переменился на северо-западный, который, по местным прогнозам, на следующий день должен был усилиться до штормового. В Феодосию шлюпка не вернулась. Она была опрокинута налетевшим шквалом, залита водой и, имея балласт из пяти мешков с песком, пошла ко дну, а люди погибли.

Узнав об этом, Николай II потребовал, чтобы в бурную погоду шлюпки пограничной стражи без крайней нужды не выходили в море. Родственникам погибших было выдано денежное пособие от 50 до 100 рублей, а на собранные личным составом средства на Феодосийском посту был сооружен памятник,

откуда в последний раз шлюпка отошла разъезд.

Как видим, нарушение мер безопасности допускалось и в то далекое теперь от нас время, и это почти всегда приводило к бессмысленным жертвам.

Постепенно охрана морского побережья становилась все более эшелонированной, многоярусной и многослойной: на дальних подступах к границе несли службу крупные суда – крейсера, как их называли в пограничной страже, ближе к берегу курсировали катера – парусные боты, а у самого побережья – шлюпки. Береговую же полосу охраняли морские пограничные бригады, имевшие гораздо меньшую численность, чем сухопутные.

В последние годы существования Отдельного корпуса пограничной стражи шла оживленная дискуссия о судьбе флотилии. Дело в том, что крупные ее суда практически не задерживали контрабанды, содержание же их стоило дорого. Вот что писал по этому поводу один из офицеров: «... флотилия наша – роковая ошибка, которая, чем ранее будет устранена, тем лучше, так как пользы делу охраны она никакой не приносит в настоящем виде, а стоит очень дорого. И в самом деле, достаточно посмотреть типы судов наших: какие-то старые миноносцы, забракованные морским ведомством, настоящие старые калоши, на которых страшно плавать в стальные суда – сносные яхты для увеселительных поездок, но все они для охраны наших мелководных и каменистых берегов не годятся... За мою более чем двадцатилетнюю службу в морских бригадах я помню три-четыре случая задержаний более крупных, но до десятка не досчитался, а из официальных отчетов деятельности Балтийских крейсеров за два года всеми ими сделано задержаний на четырнадцать рублей. Вообще задержания на флотилии составляют редкое явление. Так для чего она существует?»

Руководство же пограничной стражи считало, что значение флотилии состоит не в увеличении общего количества задерживаемой контрабанды, а в увеличении рискованности самого контрабандного промысла, увеличении расходов, обусловливаемых потерей судами, выходящими в море за контрабандой, времени на выбор удобного момента для возвращения к берегам, словом, в уменьшении прибыльности промысла. В этом направлении влияние крейсерства доказывалось положительными фактами».

Однако, какими бы ни были доводы оппонентов, сама дискуссия способствовала определению и выработке более выверенной программы развития морской пограничной флотилии, что звучит актуально и в современных условиях.

Служба по охране морской границы была трудной и опасной: бессонные, напряженные ночи, изнурительные вахты, абордажные стычки с нарушителями... Она не считалась ни с дождями, ни с туманами, ни с пронизывающими ветрами, раскачивающими обросшие ракушками борта кораблей. Они яростно сопротивлялись волнам, но быстро старели и списывались на берег. На смену им приходили новые суда и новые команды, чтобы морские границы России находились под бдительным пограничным надзором. Но ее никто не мог отменить, ибо невозможно было «отменить» интересы России, стремительная тящейся к своему неизведанному будущему.

«По местам глухим и диким»

Российская пограничная стража на Дальнем Востоке

К концу XVII века русские землепроходцы освоили огромные пространства Сибири и Дальнего Востока. Охрану приобретенных земель осуществляли казаки и незначительное число служилых людей. В спешном порядке возводились остроги, строились укрепленные линии. После первых столкновений с маньчжурами и последовавшим за ними Нерчинским (1689 г.) договором с Китаем на дальневосточных границах России установился продолжительный мир; если иногда и возникали трения при меновой торговле в Кяхте, то они быстро прекращались и обоюдное согласие восстанавливалось. Русско-китайские отношения того времени являли собой пример спокойствия, стабильности и добрососедства, что важно помнить и сегодня, когда после десятилетий отчуждения наш диалог с великим южным соседом возобновился.

Граница в этом районе проходила по диким, малоосвоенным местам. Огромные таежные массивы, горные кряжи и необозримые степи в Южном Забайкалье представляли собой труднопреодолимую естественную преграду и надежно оберегали русские земли. Лишь в некоторых районах обширного края приграничье выглядело более-менее обжитым. Таковыми являлись участки границы в Южно-Уссурийском крае, у залива Петра Великого, по реке Амуру (в районе Благовещенска) и с начала XX века в местностях, прилегающих к станции Китайской Восточной железной дороги «Пограничная» и «Маньчжурия».

Положение начало меняться во второй половине XIX века. Все более значительную роль в международных делах стала играть Япония, имевшая свои устойчивые интересы на Дальнем Востоке. Изменилась и экономическая ситуация, особенно после ввода в действие железной дороги. Быстрыми темпами начала развиваться торговля Китаем с другими странами. Это способствовало установлению на Дальнем Востоке режима «порто-франко», то есть беспошлинного ввоза иностранных товаров, что лишало питательной среды контрабандный промысел. Однако «лихие люди» встречались.

До 1898 года таможенную службу правили казаки из числа, как значилось в алфавитном списке казачьего отряда, «хлебопашцев, плотников, кузнецов, чернорабочих, торговцев лошадьми и мужчин, по молодости лет не знающих ремесла». Они выполняли основные военно-караульные функции и задерживали контрабандистов, пытавшихся обойти таможи.

В марте 1898 года два казака Куретского таможенного поста обнаружили четыре запряженных лошадей подводы с объемным грузом, который сопровождали шесть человек. При появлении казаков люди скрылись в тайге. В хорошо упакованных ящиках оказалось 84 пуда чая. Чуть позже на этом же участке казаки задержали еще три подводы, в которых находилось 30 пудов чая. Задерживалась контрабанда в речных судах. В 1898 году при досмотре курсировавшего по Байкалу парохода «Лейтенант Малыгин» в грузовых трюмах за обшивкой так же была обнаружена крупная партизанская. Таких фактов контрабандной доставки грузов становилось все больше, что, естественно, наносило значительный экономический ущерб государству.

Не надо быть крупным специалистом в охране границы, чтобы понять, сил для прикрытия громадных пространств Дальнего Востока явно не хватало. В 1894–1895 годах сюда организуются две экспедиции офицеров пограничной стражи: первая под руководством полковника Демьянка, вторая – полковника Усова. Им вменялась задача исследовать границы от Кяхты на восток Хабаровску, а затем от Хабаровска до порта Посыет и далее по морю от порта Аян на Охотском побережье. Следовало изучить, что за

население живет на границе с русской стороны – его достаток, занятия, потребности, предприимчивость, степень привязанности к месту, расположение к правительству и т. п. Экспедиции должны были также выяснить отношение местных жителей к водворению контрабанды, установить пути, по которым она поступает, а затем подготовить предложения по комплектованию пограничной стражи на местах. В результате проведенных исследований был разработан проект учреждения пограничной стражи в Восточной Сибири, который перерабатывался дважды: в 1899 и в 1902 годах. В проекте предусматривалось создание постов пограничного надзора, строительство патрульных дорог. Общее количество стражников и объездчиков предполагалось установить в 4 тысячи человек: из расчета один пограничник на одну версту. На южной границе в Забайкалье стражам выделялись лошади; по Аргуни и Амуру службу предполагалось нести на паромовых (летом) и на санях в конной упряжи (зимой). Учреждать при бригадах подвижные церкви не предусматривалось, так как в обследуемой местности церквей и своих есть достаточно. Расчеты показали, что введение «сибирской» пограничной стражи повлечет за собой ежегодный расход около трех миллионов рублей. Комплектовать стражу предполагалось выходцами из Европейской России. Это решение обуславливалось «врастанием» местных казаков в контрабандный промысел, многочисленными фактами их пособничества «лихим людям». Управляющий Иркутской таможней В.П. Дебель, участвовавший в экспедировании участка Кяхта – Хабаровск, в своем отчете привел следующее наблюдение: один из станичных атаманов, услышав о предполагаемом уничтожении режима «порто-франко» в Забайкалье, выразил по этому поводу большое удовлетворение. Казакам, рассуждал атаман, откроется новый источник дохода от водворения контрабанды, ибо при прежних порядках «совсем не было возможности деньгу заработать».

И все же предложенный проект утвержден не был. Не хватало денег. Решено было с отменой режима «порто-франко» ограничиться усилением существующей таможенной стражи, выделив для этого около полумиллиона рублей в год. Так и было сделано. Дальневосточный «порто-франко» был закрыт в 1907 году, и сразу же пошла контрабанда массовая и неудержимая. Беспешно ввозился чай, спирт, керосин, сахар. На первом месте среди контрабандных товаров значился спирт, который производился в Китае в основном фирмой «Братья Лондон». «Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питья» обратило внимание на уменьшение доходов в Приамурской и Забайкальской областях, а местная администрация пресса забила тревогу по поводу поголовного спаивания приграничного населения.

2 мая 1909 года был принят закон об организации таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве Забайкальской и Якутской областей Иркутской губернии. На основании этого закона охрана границы в Приамурском таможенном округе была возложена на таможенные посты из досмотрщиков, подчиненных особым надзирателям.

Практика, однако, показала непродуманность этого решения. Укомплектовать таможенную стражу вольнонаемными людьми оказалось затруднительно. Добровольцы из запасных нижних чинов – единственного контингента, комплектуемого таможенную стражу, – не хотели идти на службу в отдаленные и глухие места за сравнительно скромную плату. К тому же служба пограничного надзора требовала огромного напряжения физических сил, а для вольнонаемного «отяжелевшего дяди» она была уже просто неприемлемой. Томительные, однообразные годы тяжелой служебной лямки на долгую перспективу мало прельщали даже самых записных охотников.

Однако закон был уже принят, от таможенного пограничного ведомства ждали конкретных шагов по его воплощению. Пришлось прибегнуть к помощи Заамурского пограничного округа, дислоцированного в Харбине. Жизнь снова показала, что без пограничной стражи, организованной по военному образцу, охранять экономические и политические интересы государства невозможно.

В июне 1908 года в Забайкальскую область в виде эксперимента была командирована сотня

Заамурского округа. Штаб сотни, или, как тогда говорили, сотенный двор, располагался на станции «Маньчжурия» КВЖД, а два взвода расквартированы один в станице Абагайтуй Забайкальского казачьего войска, а другой в поселке Надаровском. От взводов были выставлены вставы, высланные разъезды.

Что увидели и с чем столкнулись пограничники во время этой командировки? Чтобы быть ближе к конкретным условиям обстановки того времени, воспользуемся записками одного из офицеров сотни.

«Команды, выделенные на заставы, крайне малого состава, – пишет он. – На 30–35 человек была поручена охрана южной границы Забайкалья почти лишком на 350 верст: от Абагайтуй до Надаровского 80 верст и от Надаровского до города Акши около 300 верст, где имеется таможенный пост в 5–6 стражников».

На первых порах стражники столкнулись с серьезными трудностями в организации службы.

«Коренной промысел пограничных забайкальских казачьих поселков – контрабанда маньчжурского спирта, заводы и склады которого находятся на станциях Хайлар и Фуляэрдита Китайской Восточной железной дороги. Станция Фуляэрдита (завод Попова) обслуживает главным образом город Благовещенск. Хайлар же отправляет транспорт на Аргунь (Нерчинский заводской район), где для воспрепятствования контрабанды в некоторых поселках находятся несколько слабых таможенных постов силою в 4–5 стражников, которые не в состоянии бороться с этим промыслом. Появление наших взводов встречено было сплошным бойкотом и крайним раздражением забайкальских «парей»... Все продукты приходилось доставлять по станции «Маньчжурия», в особенности для взвода в Абагайтуй – это 30 верст на лошадях; дороговизна везде ужасная... Квартирный вопрос не решен вовсе, особенно в Надаровском поселке; пришлось мириться с помещениями, по тесноте устройств и далеко ушедшими от легендарных русских курных изб...»

Далее очевидец пишет о том, что «воспрепятствование ввозу спирта в Забайкалье задача очень трудная и при тех средствах, которые имеются, нелегко выполнимая. Задержания могут быть только случайные, ибо ни на какую агентуру рассчитывать нельзя». И все же, продолжает автор, «несмотря на все трудности, острастка жителям дана большая: несколько случаев высылки казаков за пределы 50-верстной пограничной полосы и многие задержания начинают тучат публику от «каштанничества». Показанием деятельности сотни является казенная винная лавка на станции Борзя Забайкальской железной дороги, которая до прихода сотни почти не торговала, теперь же довольно бойко сбывает казенную водку». И все-таки сотне заамурцев для пресечения незаконного промысла было недостаточно. Требовалось по крайней мере 6–8 сотен, дабы более-менее надежно перекрыть границу по линии Маньчжурия – Акша, и 2–3 сотни – по рекам Аргунь и Амур.

«Этой мерой, – делится своими наблюдениями офицер, – можно очень быстро заставить прекратить существование заводных заводов, потребителями которых являются Забайкалье и Амурский край. Если же заводы закроются, вопрос сам собою исчерпывается, а наше население избавится от травяного маньчжурского спирта. Ведро спирта в складах Маньчжурии стоит от 3 до 4 рублей, а на месте из одного ведра спирта делают два ведра отвратительнейшей водки, которую «пари» сбывают бурятами тунгусам по 50 копеек за бутылку».

«Еще одно неудобство – это пребывание сотни в командировке лишь один год, после чего сотня сменяется, – заканчивает автор. – Только чточины сотни знакомятся местными условиями, как им надо уходить. (Как не вспомнить тут менный вариант охраны границы, внедренный одно время в нашу войсковую практику!) Между тем изучить обширную местность района охраны очень трудно».

Такими были первые шаги в строительстве регулярной пограничной стражи Дальневосточья.

В дальнейшем на этой части из Заамурского округа регулярно откомандировывались три сотни:

одна – в Забайкалье, вторая – в Южно-Уссурийский край, третья – в Приморскую область. Они руководствовались специальными инструкциями, которые были согласованы с Департаментом таможенных сборов и утверждены Шефом пограничной стражи.

Сотни располагались на заставах: в Забайкальской области – Старый Чиндант, Ара-Булак, Борзя, Харанор, Шаросунь, Абагай-туй; в Приморской области – Богодуховская, Богуславская, Гродековская, Софие-Алексеевская; в Южно-Уссурийском крае – Штоковская, Овчинникова Заимка, Седеми, Верхнее Адеми, Рязановская, Верхнее Янчикэ, Хунчунский караул, Заречье, Красное Село.

«Итак, квартирьеры уже высланы. Готовьтесь господа, к походу на охрану Восточно-Сибирской границы через каких-нибудь пяток лет, да той раньше», – писал один из офицеров пограничной стражи. Но его словам не суждено было сбыться. Не знал, да и не мог он знать, что впереди грядут такие события, которые совершенно по-новому поставят вопросы охраны государственной границы на Дальнем Востоке.

«И на чужой земле героев чтюликак героев»

К 100-летию подвига воинов пограничной стражи Русско-японской войне 1904–1905 годов

У российско-японских отношений долгая история, и хотя она далеко не безоблачна и сегодня омрачается претензиями на Курильские острова, есть в ней и светлые страницы, об одной из которых хотелось бы напомнить. Ведь если замкнуться только на том, что нас разъединяет, можно не увидеть того, что ведет к взаимопониманию.

Порт-Артур 1907 год. Совсем недавно здесь гремели бои и обильно лилась солдатская кровь. Еще свежи могилы и не совсем развеялся запах пороховой гари. Не зажили раны, и не утихла боль в сердцах защитников крепости. Чернеют воронки от разрывов фугасок, кругом тишина. Жизнь словно замерла на этом стерзанном клочке земли.

А в России бунт, смута... Баррикады, перестрелки, политические баталии. Все словно забыли о прошедшей войне и ее ужасных жертвах «Долой царя! Дашь свободу!»

А что же японцы? Чем занять победившие в этой войне? Они восстанавливают города, дороги, жилье, расчищают завалы, хоронят погибших и... возводят памятники русским воинам, защитникам Порт-Артура. Это кажется странным – ведь победители не строят памятники своим врагам, даже погибшим. Японцы построили.

Это была часовня на фундаменте в пять квадратных саженей и высотой в полторы, а перед нею – белая мраморная колонна.

Русская надпись на ней гласила: «Здесь покоятся бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите ими крепости Порт-Артур», и ниже: «Сей памятник поставлен японским правительством 1907 году».

Выбитый на мраморной колонне японский текст содержал следующее: «Бранные останки неприятельских воинов, павших по несчастной судьбе на полях сражений, безразлично, как и своих, должны быть преданы земле, тем более что бывшие враги превратились в друзей.

Делается это для поощрения преданности Государю и распространения правил человеколюбия.

Поэтому великое императорское японское правительство приказало коменданту Порт-Артура разыскать варытый наскоро в различных местах крепости прах русских воинов, павших за Царя и Родину, и похоронить его с почестями на русском кладбище и у горы Анисан, где и соорудить общий для русских воинов памятник, который да послужит надолго высшей почестью душам умерших воинов и прославит навек их самоотверженную храбрость».

По планам японского командования русская крепость должна была пасть через три недели после начала штурма. Предполагалось мощным артиллерийским огнем разрушить в ней оборонительные сооружения, сломить волю гарнизона к сопротивлению и решительным штурмовым натиском пехоты вынудить обороняющихся к капитуляции. Однако этого не случилось. Русские воины выдержали и яростный артиллерийский огонь, и бесконечные атаки пехоты. Они не только оборонялись, но и переходили в решительные контратаки. Гарнизон отбил первый, самый мощный штурм – еще восемь месяцев удерживал крепость. Почти половина обороняющихся – около 10 тысяч человек – пали в бою, 15

тысячранены. Потеряпонцев были такжѳгромны: 70 тысячубитымии 25 тысячанеными.

В составегарнизона крепостиоборонялся и сводный отрядпограничников численностьюоколо 500 человек, 54 из них погибли. Своим мужеством стойкостьюпограничники заслужили уважение не только защитниковкрепости,но и у японцев. Возглавлял отрядполковник П.Д. Бутусов,погибший в бою у Высокой горы 22 ноября 1904 года. Этоо нем генерал Кондратенкосказал: «Бутусовумрет,но не отступит!»

Сразу же после окончания войны японское командование отдалораспоряжение собиратьостанки погибших русских воинов на кладбище севернее Порт-Артура, такназываемой Крематорнойимпани. Всего удалось отыскатьостанки14 631 солдата,37 офицеров и 2 сестермилосердия. После предания их земле началось сооружение памятника,котороезавершилось к декабрю 1907 года. Описание памятника вместе с предложением принятьучастиев его открытииназначенном на 28 мая 1908 года, японская сторонаприслала в Санкт-Петербург.Приглашение было принято.

Русскую делегацию возглавлял генерал-лейтенантА.А. Генгросс, бывший ранее начальником охранной стражи КВЖД. В ее составе было девять пограничников во главе с начальником войск Заамурского округа пограничной стражигенерал-лейтенантомИ.М. Чичаговым.

Вся делегация пограничников состоялаиз участниковобороны Порт-Артура.Все они были ранены, некоторые дважды, награждены высшими военными наградами России. Их имена знали не только пограничной страже,но и во всей стране.Особенно заметновыделялась фигура корнетаКруашвили – вместоодной руки у него сиротливои обреченно висел пустойрукав парадного мундира.

Круашвили был урядником 16-й сотни.В мае 1904 года он с боем прорвался в осажденный Порт-Артуру за героические подвиги награжден чином корнета,знаками отличияВоенного ордена 3-й и 4-й степени орденом СвятойАнны с мечами и бантом.

22 ноября 1904 года в жестокомбою у Высокой горы, когда вся она стоналаотвзрывов и была окутанапороховой гарью, Круашвили оторвалоруку. Увидев это,полковник Бутусовприказал доставить его в медсанбат,куда через два часа был доставлен он сам со смертельнойраной в груди.

На открытиипамятникаприбыл и подполковник Яковецкий, верный друг Бутусова.Этоон похоронил его в отдельноймогиле на Ляо-Тешаньском кладбище, и толькоон один знал, как отыскатье среди тысяч других погребений. Теперь, вновь оказавшись на этойопаленной войной земле, он первым делом отыскал могилу своего друга.

В составеделегации был и фельдфебель Мануйлов, награжденный тремяГеоргиевскими крестами. Попав в плен, он изучил японский язык и теперьвыступалв роли переводчика.

28 мая у памятникапавшим русским воинам состоялась церемония его открытия.Развевались знамена. Четкими квадратамивыстроились подразделения японских войск. Играл оркестр. Окутанный черным покрывалом памятникнапоминал собой огромную птицу,с распростертымирыльями.

Русская и японская делегации разместилисьна специально расставленныхстульях.

Открываяпамятник,генерал-губернаторКвантунаОсима сказал, что«осажденная в крепостиПорт-Артура русская армия особенно проявила свою храбрость; почти половина доблестных офицеров и мужественныхнижних чинов положили свою жизнь в боях и этимзаслужили похвалу и уважение целой японской нации, котораяпроливаетслезы соболезнования. Этосоставляетястьне одним лишь русским защитникамАртураи всем нам».

Впечатляющимбыло освящение памятникаЕпископ Переяславский Иннокентий,богатырскогфоста, в блестящихцерковных одеждах, вышел вперед и начал говорить.Могучий бас его рокоталнад толпой, многие плакали. «Мы приглашены сюда, – сказал епископ, – воздатьчестьнашим усопшим воинам. Вновь

подтвердилось изречение Святого Писания: «Весь мир во зле лежит».

Вот мы свидетели ныне, как чуждый нам народ воздвигнул памятник нашим героям. Так чтить героев могут только герои. Поэтому нельзя не относиться к ним с глубоким уважением и не пожелать им таких друзей».

Поклоняясь присутствующим, священник стал служить панихиду по «воинам, на поле брани убиенным», и окропил памятник святой водой.

Делегации возложили привезенные венки. Под звуки музыки прошли колонны пехоты, отдавая воинскую честь погребенным в братской могиле. Присутствовавшие поклонились усопшим.

Открытие памятника состоялось.

Потом был совместный ужин. За широким и низким столом, напротив друг друга, сидели участники прошедшей церемонии. Все они были на войне, знали, что такое окопная грязь, испытали тяжкий солдатский труд, боль утраты страданий. Еще вчера они воевали, бились насмерть, а сегодня вместе едят хлеб, мирно беседуют, стараясь сдерживать нахлынувшие чувства. Память снова и снова возвращала их к тем трагическим дням и событиям, которые были еще свежи и так больно бередили души.

Первым заговорил генерал Ноги, личный представитель японского Микадо. Небольшого роста, сухой и быстрый, он резко вскочил и подошел к корнету Круашивили. Заговорил возбужденно и резко: фельдфебель Мануйлов едва успевал переводить. «Я потерял на войне двух сыновей, – начал он, – но прах их велел оставить здесь, думал, что лучше будет везти прах в родную землю. Мне не хотелось жить, я не жалел ни себя, ни других. Когда мои солдаты становились атаке, я приказывал стрелять по ним из пушек. За одну ночь я расстрелял двух командиров полков, отступивших при штурме Порт-Артура. Затем он рассказал, как русские офицеры привезли ему саблю погибшего сына, а он прислал в ответ три письма солдатских писем, затерявшихся на фронте. Обняв Круашивили, сказал, что считает его товарищем по несчастью. «Мы оба что-то потеряли в этой войне: ты сына, а я сыновей», – закончил он и приказал налить себе и Круашивили вина. Японцы, желая поблагодарить своего полководца, налили ему танзан. Рассерженный генерал бросил стаканы, говоря, что не может за здоровье героя пить воду, налил себе бокал шампанского и залпом выпил его до дна.

На прощание старый воин захотел проститься с русскими солдатами. «Я всегда восхищался вашей стойкостью и мужеством», – сказал генерал и крепко пожал им руки. В ответ фельдфебель Мануйлов на чистом японском языке поблагодарил Ноги за теплые слова, чем окончательно привел в восторг старого воина.

Когда после ужина делегации вышли на притихшую улицу, в незамерзающей гавани Порт-Артура зажегся маяк. Его дрожащий огонь горел призывно и ярко, указывая путь затерявшимся в морских просторах раблям.

Задумчиво глядя на его мерцающий свет, генерал Чичагов сказал: «Но претерпев судьбы удары, окрепнет Русь!»

Да будет так!

«ОКПС: последние дни»

Март 1917 года. В штабе Отдельного корпуса пограничной стражи, расположенном у Биржи на Васильевском острове Петрограда, царят смятение, растерянность, тревога. Самодержавие, казавшееся незыблемым и вечным, рухнуло в несколько дней. Страстная желаемая политическая свобода, завоеванная революцией, не принесла с собой уверенности, стабильности и спокойствия. На грязных, заваленных обрывками газеты бумагами улицах Петрограда расстегнуты шинели, бродят толпы солдат, вызывая поглядывая на проходящих мимо офицеров: мол, наша взяла, потому гуляем, и никому отчете не даем. Красные полотнища революционных знамен, гордо реявших над возбужденными рядами демонстрантов, выцвели, покрылись пылью и уныло висят над входом в казенные учреждения.

А у продовольственных магазинов по-прежнему тянутся длинные очереди голодных граждан, подолгу простаивающих у буханкой черствого хлеба.

Вести из частей пограничной стражи приходят все тревожнее. На окраинах страны неспокойно. Усиливаются националистические, сепаратистские движения, грозящие развалить когда-то могущественную империю.

Контрабанда принимает все более широкий размах: за границу вывозятся ценные виды сырья, золото, пушнина, валюта, а тут даже чаще всего ввозится спирт, всегда так ценимый русским человеком. С угрожающей быстротой падает дисциплина в пограничных частях действующей на фронте. Коллективное дезертирство, скорбление и даже убийства офицеров становятся обычным явлением фронтовой жизни.

Тянувшаяся уже третий год империалистическая война внесла в жизнь Отдельного корпуса пограничной стражи много новых, неизвестных ранее явлений, разрушивших его до толе ясную и продуманную организацию. Основные силы Корпуса – пограничные бригады Западного и Закавказского направлений, а также Заамурского округа – сражались на фронте, охраняли тылы действующих армий и несли военно-сторожевую службу. Из них были сформированы пять заамурских пограничных пехотных дивизий и одна заамурская пограничная конная дивизия, а также особая пограничная сводная дивизия.

На берегах Ботнического залива располагалась Финляндская пограничная дивизия 42-го армейского корпуса. Офицеры и нижние чины Корпуса зарекомендовали себя в боях смелыми и стойкими воинами, отважными разведчиками и бдительными часовыми. Они приняли на себя первые удары войск Германии и Австро-Венгрии, а затем в составе действующей армии сражались на различных фронтах.

Пограничные бригады и отделы, охранявшие берега Белого, Балтийского и Черного морей, перешли в распоряжение военного ведомства и участвовали в боевых действиях в местах своего расположения. Кроме того для охраны морских границ от возможных десантов противника были выставлены регулярные части полевых войск. Именно здесь в годы войны родилась известная впоследствии песня «На взморье мы стояли».

Войска Корпуса на Кавказе с началом войны с Турцией вошли в состав Кавказской армии и частью несли боевую службу на русско-турецкой границе, а частью продолжали охранять русско-персидскую границу.

В Средней Азии пограничные бригады продолжали находиться на своих местах и несли службу по охране границы с Персией и Афганистаном, ставаясь в подчинении Управления Корпуса; по вопросам же военного характера подчинялись распоряжениям военного ведомства.

Февральская революция, вихрем пронесшаяся над Петроградом, с той же быстротой стянула свою орбиту солдатские массы. 1 марта Петроградский исполнительный комитет рабочих и солдатских

депутатов издал приказ № 1, фактически отменявший единоначалие в армии, что в условиях войны было равносильно разрушению дисциплины. Он отменял все знаки отличия и предписывал, чтобы впредь «все недоразумения» разбирались ротными комитетами. В тот же вечер приказ телеграфом «ушел» на все фронты, хотя действующей армии его выполнение было временно приостановлено, моральный ущерб «вольницы» оказался огромным.

В нашей литературе до последнего времени приказ № 1 рассматривался лишь в восторженных тонах, как документ, положивший начало демократизации армии. Фактически же он был продиктован логикой борьбы за власть, за влияние на солдатские массы и открыл тот беспредел, в котором очень скоро оказались Россия и весь ее обездоленный народ. В условиях войны недисциплинированность и анархия быстро превращали некогда могучую армию в неуправляемую толпу. «Революционные веяния» не обошли стороной и Отдельный корпус пограничной стражи.

Уже на следующий день после Февральской революции у входа в штаб Корпуса появилось объявление: «Все старшие чины штаба до особого распоряжения освобождаются от своих обязанностей и пусть сидят дома». А 5 марта под председательством унтер-офицера Р.А. Муклевича, члена РСДРП, состоялось собрание рабочих и служащих, которое поддержало революцию и постановило «удалить от войск» «реакционно» настроенных генералов и офицеров: командира Корпуса генерала от инфантерии Пыхачева, начальника штаба генерал-лейтенанта Кононова и семерых старших офицеров. Все они вынуждены были уйти в отставку. Были созданы Солдатский комитет и Союз служащих, взявшие под контроль всю деятельность офицеров управления.

Тревожно было на душе и у нижних чинов Корпуса. Тревожно и неуютно. Вчерашние крестьяне, переодетые в серые солдатские шинели, свято верили в царя-батюшку и в его Богом данную власть. И вот царя нет. Нет хозяина земли русской. Куда повернет новая власть? Даст ли крестьянам землю, прекратит ли опустыливать всю войну? А тут еще изгнание офицеров, которым привыкли повиноваться, выполнять их волю... В конце концов постановили передать власть в Корпусе генерал-лейтенанту Г.Г. Мокасей-Шибинскому, известному своей благотворительной деятельностью. Он возглавлял Общество попечительства детей офицеров, классных чиновников и нижних чинов пограничной стражи и относился к этому делу с большой ответственностью. Начальником команды солдат штаба и заведующим типографией избрали полковника С.Г. Шамшева. Служил он в Средней Азии, затем был переведен в Санкт-Петербургский пограничный округ. Отличался демократизмом взглядов, честностью, уважительным отношением к нижним чинам. Солдаты знали и любили его. Чуть позже он был назначен начальником штаба.

Постепенно военно-революционные комитеты создавались и в частях пограничной стражи, действовавших на фронтах. Что касается бригад, охранявших границу в Средней Азии, то революционные события, хотя и «будоражили» умы нижних чинов и офицеров, казалось, проходили мимо, стороной. Сюда лишь доносились приглушенные раскаты грозы, бушевавшей в центре России, но и они быстро угасали в знойных, иссушенных ветрами пустынях. На пограничных постах жизнь шла своим чередом. Долгие ночные бдения сменялись кратковременным дневным отдыхом, стычки с контрабандистами спокойной и даже почти безмятежной повседневной службой. Так продолжалось до октября 1917 года, когда новая революция, сокрушив Временное правительство, приступила к разрушению старого аппарата власти и управления.

Однако штаб Отдельного корпуса пограничной стражи долгое время не трогали – сыграла свою роль его «демократизация» в дни Февральской революции. Он был упразднен лишь 4 апреля 1918 года, просуществовав при Советской власти целых пять месяцев. Пограничные бригады в Средней Азии были ликвидированы и того позже – лишь в самом конце 1918 года. Личный состав этих соединений был

использован в основном при организации временной вольнонаемной пограничной охраны по линии Красноводск – Ашхабад – Кушка – Термез.

14 февраля 1918 года Народный комиссар финансов В.Р. Менжинский пригласил для доклада о состоянии дел в пограничной страже председателя комитета Б.И. Чернецкого и исполняющего обязанности начальника штаба Корпуса С.Г. Шамшева. Он отметил, что настало время непосредственно заняться охраной границы, особенно северо-западного и западного направлений. Из страны вывозятся огромные ценности, через границу бесконтрольно передвигаются тысячи людей, в том числе вооруженные бандиты и террористы. Республике наносится большой экономический и политический ущерб, который будет трудно восполнить. Необходимо поэтому, подчеркнул Нарком, срочно брать под охрану внешние пределы государства, и предложил Чернецкому и Шамшеву подготовить списки и характеристики оставшихся в штабе офицеров и чиновников.

30 марта 1918 года в ведомстве Народного комиссариата по делам финансов было создано Главное управление пограничной охраны во главе с Г.Г. Мокасей-Шибинским. 90 процентов в нем составляли военные специалисты бывшие офицеры бывшего Корпуса пограничной стражи.

Участых была незавидной. Люди, посвятившие свою жизнь охране границ Отечества, остались без него. Их подозревали в саботаже, заговорах, срыве мероприятий Советской власти. В условиях всеобщей разрухи и неразберихи выполнить даже незначительный по сложности приказ было чрезвычайно трудно, порой невозможно, им же давались заведомо невыполнимые распоряжения и поручения, и спрашивалось затем по всей строгости «революционной власти». Многие из «бывших» не выдерживали, уходили. Так было и 3 ноября 1918 года, когда в Порховском районе в одну ночь покинули свои подразделения два начальника подрайона, семь начальников дистанций, один помощник, три начальника застав. Все они были объявлены врагами народа.

21 июля 1918 года состоялось совещание военных комиссаров и делегаций служащих Главного управления пограничной охраны, которое рассмотрело состояние дел по строительству пограничных войск. Было отмечено, что развертывание и комплектование пограничных частей и подразделений идет недопустимо медленно. Нашли и виноватого – начальника управления Мокасей-Шибинского, которому инкриминировали безответственный классовой подбор специалистов на руководящие должности, нежелание полностью отдалиться делу революционного преобразования пограничной стражи. По мнению участников совещания, кадровая политика Мокасей-Шибинского не исключала возможности приема на службу вредных для существующего строя элементов, а потому решено было ходатайствовать об освобождении престарелого генерала от занимаемой должности.

Трудно судить, насколько правы были комиссары и служащие, вынесшие такое решение. Мы стали опытнее и мудрее и знаем, как сложно даются любые преобразования в нашей стране. Трудно поверить в то, что генерал, патриот своего Отечества, мысленно тормозил процесс создания пограничных войск. Но как бы то ни было, полтора месяца спустя Мокасей-Шибинский был освобожден от занимаемой должности. Назначили на его место к тому же времени заведующего отделом пограничного надзора Главного управления пограничной охраны С.Г. Шамшева...

Многие офицеры бывшего Корпуса, поступив на службу в советские пограничные войска, сумели адаптироваться к новым условиям и, обладая знаниями и боевым опытом, принесли впоследствии большую пользу. Среди них можно назвать полковника Андрея Николаевича Лескова, сына известного русского писателя Николая Семеновича Лескова. Он прослужил в пограничной страже выше тридцати лет. Октябрьскую революцию воспринял, как сам говорил, без особых мук и сомнений и еще десять лет служил на границе в Петербургском пограничном округе. Здесь в 1923 году разработал «Инструкцию по охране северо-западных границ», которая послужила основой для Временного устава пограничной охраны.

В последние годы службы А.Н. Лесков готовил кадры для советской погранохраны, в 1929 году вышел на пенсию. В литературных кругах его знали как автора книги «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам», которую А.М. Горький оценивал как «замечательно своеобразную работу талантливейшего человека».

Добрую память о себе оставил военный врач пограничной стражи России П. Волович. После установления Советской власти в Туркестане он организовал пограничный отряд и первым вывел его на охрану границы. Позднее перешел в Красную Армию, участвовал в гражданской войне.

Комиссар советской пограничной охраны П. Федотов вспоминал, что после издания листовки-воззвания с призывом вступить в формируемые пограничные части приходили к ним «и бывшие военные царской армии, большей частью из старой пограничной охраны. Многие из них навсегда порвали с прошлым и имели заслуги перед революцией. Наиболее опытных военных специалистов, знатоков пограничной службы, мы взяли в управление, они затем верой и правдой служили Советской республике».

Непросто давалось старым пограничным служакам овладение новой формой обращения к своим начальникам. По-прежнему в их обиходе присутствовало слово «господин». По этому случаю Главным управлением пограничной охраны 30 сентября 1918 года был издан приказ, в котором говорилось: «Замечено, что некоторые из товарищей пограничников при обращении с начальствующими лицами, с лицами командного состава и вообще с гражданами Республики употребляют старое, изжившее себя и рабское обращение «господин». Как глубоко пустила корни эта гадкая привычка в сознание порабощенного человеческого ума!

Забывать «господ»! И пусть каждый видит себе подобном – товарищ, друг, брата.

Исходя из вышеизложенного, предлагается пограничникам впредь при обращении с начальствующими лицами употреблять слово «гражданин», единомышленников же своих, как, например, комиссаров и др., называть товарищами. Слово же «господин» не употреблять...»

В июне 1918 года Главное управление пограничной охраны было перемещено из Петрограда в Москву. Оно разместилось на Таганке, на Нижней Николо-Болванской улице, дом 10. В Петрограде оставалась небольшая часть бывшего управления Корпуса, контролирующая охрану границы вдоль побережья Белого моря до конечного пункта Мурманской железной дороги, по границе с Финляндией и Эстонией и далее вдоль Чудского озера до города Гдова.

Группа прибывших в Москву работников Управления приступила к разработке новой пограничной «доктрины», структуры штатов для охраны демаркационных линий, отделявших Российскую республику от территорий оккупированных Германией. Еще ранее эта же группа подготовила основные положения документа, легшие в основу декрета Совета Народных Комиссаров от 28 мая 1918 года «Об учреждении пограничной охраны».

И в дальнейшем у военных специалистов бывшего Корпуса было немало дел. В те годы преобразования в пограничной охране делались часто и быстро. Порой они были слабо обоснованы и проработаны. Все решалось в спешке, в условиях военного времени. Мнение старых военных специалистов учитывалось далеко не всегда. Вот только один из примеров.

21 октября 1921 года Совет Труда и Оборона принял решение охрану границы возложить на полевые части Красной Армии, а пограничные войска ВЧК упразднить. Как показала практика, эта мера себя не оправдала. Двойственность подчинения, новый для полевых войск вид службы, отсутствие нормативно-правовых документов отрицательно сказались на охране границы. Неслучайно в докладной записке, составленной пограничной комиссией при Управлении войск ГПУ Республики по вопросу передачи охраны

границ военному ведомству, говорилось: «Пограничные войска ВЧК, как исключительно предназначенные для охраны государственных границ, хотя по своему в большинстве не комплектовались и другим причинам внутреннего характера далеки были от идеала войск, предназначенных для охраны границ, все же могли с течением времени приблизиться к такому, главным образом благодаря привлечению в свое время в их состав большого процента комсостава, ранее служившего в пограничных войсках. Расформирование указанных частей и передача охраны границы полевым войскам в 1921 году еще более отдалили возможность оставить дело охраны границы на должную высоту...»

Далее подчеркивалось, что штатные полевые войска определяются по всей границе по одной мерке, в то время как из исторических данных видно, что условия службы почти на каждом участке имеют некоторую разницу. В записке делался вывод о том, что необходимо вернуться к положению, которое было определено постановлением Совета Труда и Оборона от 24 ноября 1920 года. Однако к этому мнению никто не прислушался. Передачу охраны границы полевым частям Красной Армии произвели и только тогда обнаружили, что дело от этого не только не выиграло, а значительно проиграло. Спустя год, 27 сентября 1922 года, Совет Труда и Оборона передал охрану границ РСФСР в ведение Государственного политического управления.

Судьба уготовила офицерам и нижним чинам бывшего Отдельного корпуса пограничной стражи России нелегкую долю. Она выдвинула их на один из острых участков становления нового мира – организацию охраны рубежей Отечества.

Старые специалисты по-разному восприняли идеи и дела Октябрьской революции, принимали или отвергали их, становились в ряды ее защитников или пополняли ряды врагов, словом, они до дна испили ту горькую чашу, из которой «причащался» наш народ в те бурные и грозные дни. Многие из них честно без тени сомнения служили Отечеству при новой власти, многие погибли в борьбе с нею; немало их разделило в 30-е годы участие военных специалистов в старой русской армии... Но свою роль и свою миссию они выполнили – сумели передать попытку охраны государственной границы тем, кто пришел им на смену в этом нелегком, трудном и благородном деле.

«Не смыкая усталыхочей»

Женщины границы

Старые,пожелтевшиеот времени страницыизданий Отдельногокорпуса пограничной стражинерез добрую сотнюлетдоносят до нас их голоса, мысли и заботы,горести и печали, обитателейдалеких пограничных окраин, и перед нами постепенно встаетобраз женщины, волею судьбы оказавшейся на границе – пограничном посту,кордоне или в бригаде, тойженщины, котораяоставлялаобжитоеместо, родителей, друзей и ради любимого человека устремляласьв неизведанную даль, полную бурь, тревоги и сомнений.

*Мы с тобою в глухой стороне,
На границе, среди дикой природы,
Отбылого отрекшись вполне,
Поселились на многие годы.
Знаю, много печальных ночей
Проведу я в тоске и тревоге,
Не смыкая усталыхочей,
Когда будешь ты в дальней дороге.
И твою печалью скорбя,
Окружив тебя ласкою нежной,
Успокоить сумею тебя,
Поддержу тебя в жизни мятежной.*

Так понимали свой долг многие жены пограничных офицеров – корнетов, поручиков, ротмистров, и она выразила в своем стихотворении одна из них – Оля Герасимова, жена поручика, служившего на северо-западной границе.

Велики были границы России – длинной, извилистой чертой тянулись они с севера на юг, преодолевая лесные чащи и зыбкие торфяные болота, горные отроги и обрывистые берега рек, знойные пустыни Средней Азии и непроходимые таежные массивы Сибири, уходя все дальше на восток к берегам холодных морей Тихого океана. И также цепочкой тянулись вдоль границы посты, кордоны, пикеты, неотступно следуя за ее причудливыми изгибами, повторяя собой все ее замысловатые очертания. В ночное время их окна светились гирляндами разноцветных огней, обозначая рубежи могучей державы – России. И если бы эти пограничные кордоны не имели офицерских квартир, где хозяйничали женщины, поддерживавшие в них тепло домашнего уюта, то наверно, эти гирлянды огней светились бы не так ярко.

Жены пограничных офицеров. Как оценить их роль в охране границы – сложном, ответственном и сугубо мужском деле, – границы, самой протяженной в мире и проходящей зачастую по диким, отдаленным местам без дорог, без надежных средств передвижения, населенным людьми иной культуры, непонятными, а то и просто враждебными. Как измерить ту огромную тяжесть, которая ложилась на хрупкие женские плечи в краю суровом и тревожном? И, наконец, как оценить женскую верность, преданность, любовь к своим суженым, которая позвала их в неблизкую дорогу, чтобы все в жизни поделить пополам – и хорошее, и плохое?

А хорошего было не так уж много. Вспомним, что Россия еще только осваивала свои далекие окраины, и основная роль в этом деле отводилась первопроходцам – пограничникам, казакам и другим служилым людям. Особенно тяжелыми условия были на Кавказе и в Средней Азии, о чем свидетельствуют

воспоминания современников.

В начале XX века наши пограничные окраины объехал по служебным делам врач пограничной стражи Борис Шапиров. Вот что он писал в своих путевых заметках: «Местность неприветливая, не родная, жизнь в высшей степени монотонная, вокруг да около грабежи, разбои, вооруженные набеги и засады. К тому же вечная борьба со змеями, фалангами, скорпионами, комарами, москитами, которые водятся здесь в огромном количестве».

Это писалось о Закавказье. А теперь послушаем, что он отметил, побывав в Средней Азии: «Условия службы и бытовые условия служащего люда пограничных окраин в Средней Азии тягостны, донельзя, жизнь в полном смысле безотраднейшая, многих лиц она доводит прямо до отчаяния».

И здесь приходилось жить не только пограничному солдату, офицеру, но и женщинам «желанью вопреки, наперекор стихиям».

Но они, эти слабые, хрупкие существа не падали духом. Внимательно смотрелись пограничную жизнь, наблюдали ее изнутри острым, заинтересованным взглядом, а потом на бумагу ложились четкие поэтически иерифмы:

Рано жизнь проявляет граница:
В пять часов уж солдаты встают.
Вот взвывается флаг, ровно птица;

На поверку всех труб взовут.
И команда разносится: «Смирно!
На молитву, фуражки долой!»
И несется красиво и стройно:
«Отче! Нас просвети, успокой...»
Разыгралось солнышко. Жарко!
Все попрятались в щели свои,
Лишь на скалах базальтовые жарко
Запестрели шуйки змеи.

Кто написал эти стихи? Подпись: А. Миленькая. В списках чинов пограничной стражи офицера с такой фамилией нет. Значит, псевдоним? Да, псевдоним, но псевдоним, видимо, не случайный. Наверное, жена неизвестного пограничника была действительно миленькой, очаровательной женщиной, романтической и мечтательной, оказавшейся с мужем на далеком кордоне, что стояло на берегу Амударьи.

В это так и могуче, и властно
Все бывшее встает предо мной.
И манит так дразнит все сейчас,
И во сне нарушает покой...

Да, конечно, она была романтической натурой, тоскующей и томящейся в знойных степях Средней Азии, как птица в клетке. Таким женщинам было особенно тяжело, особенно тоскливо вдали от Родины, друзей...

Но мир женщин границы был столь же непознаваем, сложен и разнообразен, как и сама жизнь. Перед нами другое письмо, тоже написанное женской рукой, но уже в прозе. Как же разительно отличается оно от предыдущего, как бы парящего над мелочами жизни... Письмо без подписи. «Я женщина «свободного состояния», добровольно разделяющая со своим мужем административную ссылку в недрах пограничной стражи, — пишет автор. — Я желаю пролить свет на ту далекую, донельзя разбросанную обстановку и среду, о которой вышнее начальство, естественно, узнает лишь по официальным отчетам»

короткими редким смотрам, не имея возможности в той мелочи этой обстановки, из которых, однако, слагаются жизнь среды и характеры людей, а из них уже и служебная их деятельность на пользу процветания отечества. И она «проливает» это ответна все: устоявшиеся уже окостеневшие казенные порядки, формализм, никому не нужную бумажную писанину, бюрократизм и бездушные чиновники в военных мундирах. При этом она напоминает, что:

*Таланты истинны в критику не злятся,
И повредить она не может красоте.
Одни поддельные цветы дождя боятся.*

Мысли, высказанные автором этого письма, оригинальны, звучат своевременно, актуально и злободневно даже сегодня. Говоря о невнимании к офицеру, безразличии к его личной жизни, карьере, она отмечает, что «...самочувствие офицера у нас еще не научились ценить, односторонне понимая дисциплину, большинство до сих пор желает видеть в офицере и солдате только лишь послушное орудие. Как грустно, что приходится до сих пор цитировать японского генерала Оку: «Основы дисциплины есть справедливое отношение к подчиненным». У нас же до сих пор большинство убеждено, что основы дисциплины – палка...»

Вот так действительно грустно. Неудивительно, что об этом написала женщина. По природе своей женщины более эмоциональны, острее чувствуют несправедливость, невежество, несомневающуюся самоуверенность бичующих бескомпромиссно и беспощадно. Не случайно ведь в шахматных партиях женщин меньше ничьих, чем у мужчин. Особенно резко высмеивалась всякая рутинная, как, например, «расписные книги» или «скворешники», в которых они подвешивались на стенах столов, соединяясь с последними посредством шнурка и сургуча – «очень мило, красиво и делает честь изобретателю».

Дело в том, что в пограничной страже поста была книга «наряда» на службу нижних чинов и «расписная книга» – для контроля за действиями офицеров. В последнюю записывали итоги проверки охраны границы, осмотра лошадей, оружия и другие результаты работы офицера на посту. Чтобы эту книгу нельзя было вывезти с поста для «липовых» записей, ее приковывали к столу, к подоконнику, стены закрывали в специальном ящике – «скворешнике», который запирали на замок. Считалось, что это самый надежный способ контроля за деятельностью офицера. На практике же все выходило наоборот. Многие из них делали хорошие записи и создавали о себе мнение дельного офицера – ведь начальство судило о его деятельности по записям в книге.

Практика же показывала, что лучшим средством контроля была не книга, а беспристрастный взгляд начальника, от которого вряд ли что можно было скрыть. Книга же была большим благодеянием для «тунеядцев от службы»: практически ничего не делая, они все же умудрялись заполнять страницы ее записями, свидетельствующими об их усердной службе. Другие же офицеры, которые желали служить в книге, а делу и находились там, где действительно нужно было их присутствие, часто у начальства авторитетом пользовались. Вот почему эта «священная книга», как ее называли офицеры, была объектом для шуток и анекдотов. О ней знали и жены офицеров и тоже иронизировали по этому поводу вместе со своими мужьями.

Хорошая, светлая, просторная квартира. Домашний уют и тепло – все это неперемьенные атрибуты женского счастья, тем более жен пограничных офицеров, у которых лучшие годы, а нередко и вся жизнь, проходят в глуши, где единственное утешение – свой ухоженный, чистый угол, здоровые дети и оттаивающий заботу в своем семейном кругу муж-кормилец. Много ли это? Наверное, не много, но и не мало. И все же долгие годы с тех давних времен мы слышим обиженные женские голоса, жалующиеся на свой неустроенный быт, плохое жилье, отсутствие элементарных удобств.

«Скопившаяся на плоской, глиняной крыше нашего дома дождевая вода беспрепятственно просачивалась в комнату; не помогали ни тазы, ни кастрюли, заботливо поставленные под наиболее струящиеся места, – сетовала одна из жен. – Вся посуда мгновенно переполнялась, и затем по комнатам разливались озера. Замазать крышу или засыпать ее землей ввиду непрекращающихся дождей было бесполезно, да и не безопасно, так как раскисшая от массы воды глина под ногами рабочих только больше дала бы течь. Трое детей, муж и я спали по разным углам, преимущественно у дверей, да и то, собрав все бывшие у нас клеенки, накрывались ими сверху одеял».

Конечно, плохие жилищные условия на границе в тот период были вполне объяснимы: пограничная стража лишь только брала под охрану все новые участки государственных рубежей, которые, естественно, не имели никакой пограничной инфраструктуры. Особенно тяжело приходилось семьям офицеров в Закавказье и в Средней Азии, где они жили в старых казачьих строениях или арендовали квартиры у местных жителей.

На Кавказе, например, большинство пограничных постов располагалось в тузлучных зданиях, построенных из плетня, обмазанного глиной, оставшихся большей частью от казаков в крайне запущенном и ветхом виде, с камышовыми крышами.

В Средней Азии посты дома офицеров строились из глинобитного кирпича, без деревянных полов ввиду страшной дороговизны дерева и были более или менее приспособлены к жилью. Вот в таких квартирах жили офицеры со своими семьями.

С тех пор прошло много лет, но, как видим, и теперь имеется еще много мест, где жилье пограничного офицера, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Думается, что это несправедливо по отношению к нашим людям, чей труд может быть и не очень заметен, но зато важен для безопасности государства. И, как говорится, слава богу, что в последнее время, кажется, стали это осознавать. Во всяком случае, если судить по нашим официальным документам, заметен резкий поворот в вопросах социальной сферы, и, надо полагать, офицеры-пограничники скоро на себе ощутят эти благотворные перемены.

Женщины наших пограничных окраин, конечно, понимали, что новое благоустроенное жилье не вырастет по мановению волшебной палочки по всей границе, и они терпеливо ожидали лучших времен. И все же одно обстоятельство вызывало у них крайнее возмущение. А дело заключалось вот в чем.

По роду своей службы пограничному офицеру вместе с семьей приходится часто менять место жительства, любой переезд связан со сменой квартиры. Как говорится, только обжился, привел в порядок квартиру – переезжай на новую. И каждый раз все начинается с ремонта. Хорошо еще, если перед вами квартиру занимала аккуратная хозяйка, а ведь бывает совсем по-другому.

«За короткое время служения в пограничной страже, – пишет Ольга Ляшкова, – моему мужу как младшему в бригаде часто приходилось переезжать с места на место, из отряда в отряд. Боже мой! Какие квартиры и вещи приходилось нам принимать! На Кавказе при каждой казенной квартире полагаются казенные домашние вещи, как то: кровати, комод, буфет, гардероб, кухонная посуда, столы, стулья и т. д. Переехав в один из отрядов, мы все эти вещи нашли в таком жалком виде, что даже починить их не было никакой возможности. В комод, где обыкновенно хранится белье, все ящики были покрыты слоем какого-то же протухшего сала, выскрести и вымыть которое не было возможности, у обеденного стола отломаны ножки; в таком же виде и стулья».

Часто, часто приходилось женам пограничных офицеров сетовать на принимаемые в «ужасном виде» квартиры. Поиски печника, плотника в отдаленной местности дело не простое. Вот и приходилось по три-четыре месяца жить в грязных, запущенных квартирах. Почему же, спрашивали женщины, каждый раз, обустроиваясь на новом месте, надо ставить новые печи, двери, замки, ручки и прочее? Разве в этом же

самом не нуждались телюди, которые жили до нас? И предлагали: «Если некоторые офицерские семьи не имеют этих нравственных начал и им нужен закон, то пусть хоть этот закон обяжет их относиться к казенным квартирам подобающим образом...»

Такая уж доля выпадала женам пограничных офицеров – устроить из казенной квартиры уютный, семейный уголок. Трудна же это была задача, когда вместо ухоженной квартиры они получали полуразграбленные, обшарпанные «коптильни», «каптерки» и т. п. В таких случаях их возмущение на людей равнодушных, неаккуратных и подлинных «нерях» становится понятным.

В феврале 1912 года по корпусу пограничной стражи вышел приказ, который требовал, чтобы в казенных квартирах господ офицеров и чинов корпуса не проживали лица, ничего общего не имеющие ни с членами их семей, ни с их прислугой. Пожалуй, ни один приказ по пограничной страже вызвал столько противоречивых суждений и споров и не наделал столько шума, как этот. Чтобы понять подоплеку этого приказа, необходимы некоторые пояснения.

Дело в том, что далеко не все женщины, ставшие женами пограничных офицеров, разделяли трудности их службы на границе. Многие, очень многие из них предпочитали оставаться дома, у родителей. Получая от мужа деньги, они зачастую нигде не работали и устраивали свою жизнь как могли: путешествовали за границу, отдыхали на море, на водах и т. п. И это продолжалось не один год, а иногда десять, пятнадцать, двадцать и более лет. Выпутаться из этой ситуации офицеру было нелегко: брак разводный процесс стоил очень дорого, и если супруга не давала согласия на развод, то он мог продолжаться десятилетиями.

А жизнь не стояла на месте. У офицеров под видом экономок и прислуг в квартирах появлялись женщины и, естественно дети, создавалась фактически новая семья. Таких женщин, чья совместная жизнь с офицером не была освящена таинством брака, называли «нелегальными» женами. Они были приняты в обществе, в офицерском собрании, но «законные» жены пограничных офицеров относились к ним свысока, как к людям второго сорта. «Нелегальные», естественно лгали им же. Вот почему приказ от 8 февраля 1912 года в «легальной» части жен офицеров был встречен явным одобрением.

На самом же деле приказ, о котором идет речь, оказался очень жестоким. Многие новые семьи, существовавшие уже по десять-пятнадцать лет, ощутили на себе всю его неприглядность. «Нелегальные» жены были с позором изгнаны из квартир офицеров. Некоторые начальники проявили высшую степень грубости и выказали в данном случае такое рвение, которое так не хватало им в исполнении других приказов, гораздо более существенных для интересов службы, но более трудных для исполнения. В результате положение многих офицеров оказалось таково: сам живет на границе, на посту, а семья («нелегальная») или далеко в городе, если нигде было поселиться поблизости, или же ютится какой-либо деревушке.

Вот так приходилось жить либо на два дома, либо в саклях и туркменских кибитках, терпя невероятные лишения и унижения, лишь бы не оставлять в одиночку своего мужа и отца детей, страдая морально и материально.

Законные, или «легальные», жены торжествовали. Как писала одна из них, госпожа Эхо: «Я приятно удивилась и обрадовалась, так как приказ этот суждая нелегальное сожительство чинов корпуса, решает такой серьезный и давно ожидавший своей очереди вопрос».

В ответ сыпались резкие возражения со стороны мужчин. «Скажите госпожа Эхо, удавалось ли Вам когда-нибудь видеть горькие слезы, льющиеся у ненавистных Вам «нелегальных», слезы, вызванные исключительно ненормальным их положением и оскорбительным к ним отношением? Надо полагать, что не удавалось, так как иначе Вы не написали бы тех жестоких строк, которые вышли из-под Вашего пера», –

писал один возмущенный ротмистр.

В целом же общественное мнение склонялось к тому, чтобы считать велегальную жизнь офицера и его нынешней жены большим несчастьем, которое принималось ими сознательно ради любимого человека, и что они должны терпеливо нести свой крест до тех пор, пока у них не появится возможность заключить законный брачный союз. За свое счастье и место под солнцем надо было бороться. Все знали, что женитьба пограничного офицера большей частью является актом случайным и скоропостижным, так как условия службы не давали ему ни времени, ни места приглядеться к избираемому им другу.

Но жизнь продолжалась, снисходительно поглядывая на усилия людей втиснуть ее в рамки приказов и инструкций. Жены пограничных офицеров создавали в своих казенных квартирах домашний уют, растили детей, разводили уток, гусей и индюшек и... писали стихи о своей женской доле «в недрах» пограничной стражи.

*Позабыв девичьи годы —
Все, чем жизнь была красна,
С мужем все его невзгоды
Разделять теперь должна.
Ты одна ему отрада,
Утешение в трудах,
Пограничнику награда
В грустном прожитых годах.*

Преимущества традиций пограничной стражи

Рыночное общество на все наклеивает свои «ценники», в том числе и на боевые традиции пограничных войск. Устарели ли они? Подлежат ли они забвению или их следует сохранять и возрождать? Есть ли у России враги, от которых придется защищать ее людям в фуражках с традиционно зеленым цветом?

Конечно, в условиях «перестройки» страна не могла оставить погранвойска очагом стабильности и тишины. Они неминуемо должны были претерпеть серьезные изменения, и они действительно изменились, превратившись в пограничные органы ФСБ РФ. Изменился их состав, статус. Ряды пограничников пополнились представителями других родов войск. Изменилась граница, она стала проходить по новым рубежам, иногда там, где была во времена Петра.

И, конечно, появилась опасность, что в этой круговерти событий, в этой нашей неустроенности и духовном оскудении мы потеряем то, что связывает нас с прошлым, – свои боевые традиции. Мы можем оторваться от своих корней, которые, как известно, питают всякий живой организм. Прервется «временная связующая нить», мы сможем забыть то, что является самым ценным, что было в прошлом, но ведь такие «проколы» история не прощает. Поэтому безнравственно разбрасывать духовное наследие своих отцов, которое они по крупицам копили веками.

В этой связи полезно вспомнить слова известного русского историка В.О. Ключевского: «Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет, но отнимать у современного человека нажитый и доставшийся ему в наследство карб обрядов, обычаев и всяких условностей – он все забудет, всему разучится, должен будет начать все с нуля».

В 1512 г. великий князь Василий III «утвердил свою землю заставами». С той поры охрана границы и стала называться пограничной службой. Предтечами современных российских пограничников были княжеские дружины, народное ополчение (при Владимире Мономахе), поселенные войска, казачьи полки (при Иване Грозном), опричное, затем стрелецкое войско, ландмилиция, пограничная таможенная стража, новые казачьи войска, драгунские полки и вольнонаемные таможенные объездчики... вплоть до Отдельного корпуса пограничной стражи, с организацией которого произошла четкая дифференциация между таможенниками и пограничниками и была создана структура элементов которой сохранились по сей день.

Даже эта, лишь пунктирно обозначенная история становления российской границы и развития отечественных пограничных войск наглядно свидетельствует о такой организации за многие века выработала мощные пограничные традиции, которые выполняли и выполняют роль моральных регуляторов службы и боевой деятельности как офицера, так и солдата.

Что же такое традиция вообще, в чем их сущность, каково их значение в воспитании воинов?

Следует иметь в виду, что слово «традиция» латинского происхождения, означающее – «передача»; передача опыта, подвигов, обычаев, норм поведения и т. д. Традиции – это исторически сложившиеся правила жизни и деятельности людей, обычаи и нормы поведения, передающиеся из поколения в поколение.

Боевые традиции погранвойск – лишь часть общих воинских традиций. Они сформировались на службе по охране и защите рубежей нашей Родины, в боях и сражениях, в которых участвовали пограничники вместе с воинами армии. Боевые традиции погранвойск – ядро их общих традиций. В них, как в капле воды, отражаются морально-боевые качества пограничников, нормы и правила их поведения

на страже и в бою, везде, где приходится действовать оружием в руках. Это элементы их боевого наследия, это нравственные и моральные ориентиры, позволяющие новым поколениям избирать правильную линию поведения в сложных и экстремальных ситуациях.

С.В. Волков, автор книги «Русский офицерский корпус», говоря о традициях, замечает: «Традиции, вообще говоря, не такая вещь, обладателем которой можно себя объявить. Их носителем можно либо быть, либо не быть. Захочет ли новое поколение современного офицерства видеть связь между собой и своими далекими предшественниками и считать себя их наследниками? Во всяком случае, быть или не быть носителем традиций русского офицерства зависит только от него самого».

Главным носителем боевых традиций пограничных войск во все времена по праву являлся офицерский корпус. У Л.Н. Толстого есть очень точная характеристика русского офицера, которая, на мой взгляд, больше всего подходит для офицера-пограничника: «Много ему надо было пройти моральных страданий, чтобы сделаться тем спокойным, терпеливым человеком в труде и опасности, каким мы привыкли видеть русского офицера».

Офицер-пограничник всегда отличался умением внушить уважение и доверие со стороны подчиненных, справедливым отношением к нижним чинам, умением командовать с достоинством, корректно, без главенства. Ему были присущи идеальная честность дух товарищества и привязанность к своей части, спокойная отвага, находчивость, храбрость и некоторая лихость в бою. Не лишены были русские офицеры и желания славы, почестей и наград за свои ратные дела, но, как утверждало общественное мнение, «самое главное для офицера – это не сама награда, а то, чтобы он был ее достоин». Этого принципа придерживалось большинство офицеров, свято веривших в незыблемость суворовского наказа: «Военные добродетели суть: отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала».

Наиболее ярким качеством, присущим русскому пограничному офицеру, была воинская честь. Это была святыня офицера, его радость в борьбе и утешение в горе; это была важнейшая традиция, соблюдавшаяся неукоснительно твердо. Она ценилась выше всего и была дороже жизни. Ведь совсем не случайно в письме к великому князю Михаилу Павловичу поручик М.Ю. Лермонтов просит защитить его от клеветы «ибо, – как пишется тон, – в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека».

Необходимо отметить духовный аспект боевых традиций пограничных войск. Особенно близка была охранителям рубежей державы Библейская заповедь, гласившая, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». История пограничных войск изобилует примерами взаимной поддержки и взаимной выручки пограничников в труднейших ситуациях. Всем известно, сколь крепка дружба пограничников заставы, поста, которую они проносят через многие годы, через всю жизнь. И совсем не случайно ежегодно 28 мая уже отяжелевшие в запасе «дяди» – бывшие пограничники – достают из сундуков зеленые фуражки и с любовью надевают их на свои, порой уже поседевшие головы.

Невозможно перечислить всех тех, кто вкладывал боевые традиции пограничных войск, – их тысячи. Невозможно перечислить боевые дела и боевые подвиги пограничников – их тоже тысячи, десятками тысяч! Ведь пограничная стража пограничные войска принимали участие во всех войнах, которые вела Россия с момента своего создания.

Один из первых историков пограничной стражи – полковник (позднее генерал) М.П. Чернушевич написал пять томов «Материалов к истории пограничной стражи», два из них – описание боевых столкновений пограничников на границе. Взять хотя бы участие пограничников в Русско-японской войне 1904–1905 годов. В этой войне пограничники охраняли КВЖД – главную артерию, по которой шло снабжение армии, однако их сводный отряд, которым командовал подполковник П.Д. Бутусов – первый

георгиевский кавалер пограничной стражи участвовали в обороне Порт-Артура.

Пограничники, охраняя КВЖД, провели с японцами более трехсот боев и боевых стычек сорвали 128 их попыток взорвать железную дорогу. О мужестве пограничников в осажденном Порт-Артуре ходили легенды. Однажды сводный отряд Бутусова получил приказ отбить японцев Водопроводный редут, так как он занимал господствующее положение. По данным командира 11-й роты, там засело около 20 японцев, вооруженных пулеметом. Когда же пограничники бросились в атаку, ворвались в траншею, то увидели перед собой около 300 вражеских солдат. Завязалась жестокая рукопашная схватка. Японцы не выдержали и побежали, оставив 18 винтовок, десятку убитых и раненых. 30 из них сдались в плен.

Не менее яркая, но пока еще малоизученная страница – участие пограничников в Первой мировой войне. Они пронесли на своих плечах все тяготы этой бесславной войны и вместе с русской армией четыре года защищали родную землю от немецких, австро-венгерских и турецких захватчиков. О патриотизме пограничников говорит хотя бы такой факт. К началу войны пограничному офицеру полковнику Ф.Ф. Тютчеву исполнилось 55 лет. За плечами были годы службы на границе, где он похоронил жену, и Русско-японская война. На фронте его не брали, но он все же добился перевода. Командовал сначала батальоном, потом полком. Был ранен, контужен, его отправляли в тыл, но он снова добивался перевода на фронт, где и скончался от полученных ран. Сохранились его записки об условиях службы пограничников в Закавказье. В романе «Беглец» он пишет: «В закавказских бригадах пограничной стражи солдат, умерших на постах от болезней или убитых в стычке с контрабандистами, принято хоронить тут же, недалеко от постов. Много таких скромных, никому не ведомых могил разбросано среди необозримых пустынь на вершинах гор нашей далекой окраины; редко можно встретить курдон, около которого не чернел бы деревянный, немудрящий крестик, водруженный над бугорком земли и мелкого камня. Не ищется на этих крестах надписей или каких-либо указаний о том, кто нашел под ними вечное успокоение, – имена их давно забыты».

Много написано об участии пограничников в Великой Отечественной войне. Сейчас немало различных противоречивых оценок, выводов, взглядов, но нельзя забывать одно: Отчизна наша на веки вечные обязана будет поколению фронтовиков своим спасением. То, что они сделали, выстрадали и осуществили, до сих пор еще в должной мере не оценено, но нет сомнений, что это будет сделано в будущем, когда люди освободятся от лишних пристрастий политической ангажированности. Чтобы теперь ни говорили, но героизм советских воинов во Второй мировой был на самом деле массовым. И выделиться кому-то на фоне всенародного подвига было непросто. Тем не менее пограничники, первыми приняв на себя страшный удар врага, смогли стать легендарными, даже среди непревзойденных.

Своеобразным, но убедительным признанием высоких боевых качеств пограничников является, к примеру, тот факт, что многие командиры соединений и объединений вермахта отдавали приказы войскам не брать в плен. Доброе, по-солдатски сдержанное слово сказал о пограничниках маршал Г.К. Жуков: «Я всегда был спокоен за те участки фронта, где держали оборону или шли в наступление пограничные войска». Примеры мужества и самопожертвования пограничников общеизвестны. 158 из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, 59 пограничных застав и 10 боевых кораблей стали носить имена пограничников.

В отчете первого майского парада 1945 года газета «Правда» писала: «Зоркие часовые советских рубежей пользуются уважением и любовью народа. В лице марширующих по площади пограничников москвичи приветствуют тех бойцов пограничных войск, ставших образцом верности своему воинскому долгу, бдительности солдатской смекалки. Среди тех, кто проходил в рядах пограничников, есть люди, принявшие первый бой на границах нашей Родины в утро 22 июня 1941 года. Им особая честь; слава и низкий поклон в канун нашей окончательной победы».

Верность традициям неоднократно демонстрировали пограничники в послевоенные годы, мужественно отстаивая неприкосновенность рубежей Отечества не только на острове Даманском и в Афганистане, но и повсюду, где возникала угроза их безопасности. В современных условиях достойно приумножает традиции предшествующих поколений личный состав Пограничной службы ФСБ России. Каждый день на том или ином участке происходят поиски, задержания, боевые столкновения, в ходе которых, как и прежде, пограничники проявляют верность воинскому долгу, преданность Родине, героизм и мужество, готовность самопожертвования ради спокойствия тех, кто стоит за их спинами.

В августе 1994 года на участке известной 12-й пограничной заставы Московского погранотряда Пограничной группы ФПС России в Республике Таджикистан произошло боестолкновение с вооруженной бандой моджахедов. Мужество и решительность российских пограничников, несших службу на посту боевого охранения «Тург», позволили им отстоять держимый рубеж, сорвать коварные замыслы бандитов, несших смерти разрушения на территории республики. Как и прежде, высочайшие морально-боевые качества проявили в бою российские офицеры.

Указом Президента Российской Федерации лейтенант Флегу Хмелеву, старшему лейтенанту Сергею Медведеву было присвоено высокое звание Героя Российской Федерации. Участником этого боя лейтенант Вячеслав Токарев удостоен этого звания посмертно. Его именем названа 4-я застава Акшанского погранотряда Вабайкальского пограничного округа.

16 февраля 1996 года на участке Пянджского погранотряда по сработке электросигнализационной системы вышла тревожная группа во главе с начальником заставы старшим лейтенантом М.В. Похитовым. Одновременно с тревожной группой на сработавший участок прибыл пограничный наряд, возглавляемый заместителем начальника заставы младшим лейтенантом В.А. Белокурским. Пограничники решительно вступили в бой с вооруженной группой нарушителей, отход которой к границе прикрывала вторая группа противника. Попытка нарушения границы была пресечена. Но в бою погиб Виталий Белокурский, посмертно награжденный орденом Мужества.

Все это убедительно свидетельствует о том, что пограничные войска являлись мощным, слаженным организмом, имеющим устойчивые боевые традиции. И сегодня каждое новое поколение воинов границы, вступая в ряды подразделений пограничных органов, вместе с зеленой фуражкой и погонами незримо прикасается к делам своих далеких предшественников, ощущая свою причастность к их ратным делам, подвигам и традициям. С этого момента создается благоприятная возможность для воспитания молодой когорты пограничников преданности своему воинскому долгу, бдительности, мужества и стойкости при несении службы по охране государственной границы.

Пограничная служба Федеральной службы безопасности России не может отказаться от того духовного капитала, который завещан нам великими предками. Она, безусловно, должна взять из прошлого все лучшее, ибо нельзя научиться решать задачи новыми приемами, если вчерашний опыт не открыл глаза. Однако сохраняются традиции погранвойск в будущем, будут ли они надежно переданы последующим поколениям воинов в зеленых фуражках, зависит как и прежде, от нынешних офицеров.

Вот почему важно формировать у них четкое представление о том, что боевые традиции пограничных войск – это есть непреходящая ценность, которая сегодня верно служит охране российских рубежей, пронизывая, словно стержень, цементируя и скрепляя всю структуру пограничных органов ФСБ России. Быть верным этим традициям, конкретным делам, укреплять и приумножать их – первейшая обязанность каждого, кто посвятил себя профессиональному служению Отечеству на его границах.

Примечания

1

Танзану – безалкогольный напиток. –Прим. автора.